

фон Леопольд Захер – Мазох

Сочинения

фон Леопольд Захер – Мазох

Сочинения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12628891

Аннотация

Книга содержит ключевые творения Леопольда фон Захер-Мазоха, скандально известного австрийского литератора, одного из предтеч психоанализа – романы «Губительница душ» и «Пинчев и Минчев».

Многие персонажи Захер-Мазоха проповедуют эстетику чувственного наслаждения, доставляемого мучениями. Писатель впервые в истории литературы подробно и со вкусом исследовал эту распространенную сексуальную патологию, получившую в мировой психиатрической практике название мазохизма.

Содержание

Губительница душ	6
I. Предсказание	6
II. Мать и дочь	14
III. Эмма	22
IV. Поручение	29
V. Блуждающий огонек	36
VI. Весталка	43
VII. Анюта	50
VIII. Красный кабачок	57
IX. Граф Солтык	65
X. Волк	73
XI. Ангел или демон?	81
XII. Стрела Купидона	89
XIII. Сестра милосердия	96
XIV. Молодая любовь	104
XV. Лекарство Лукреции Борджиа	111
XVI. Спасенная душа	117
XVII. Прекрасная мечта	124
XVIII. Розы увядают	132
XIX. В сетях	138
XX. Пастушеская драма	144
XXI. Шаг вперед	150
XXII. Кровожадный взгляд	156

XXIII. Куда?	162
XXIV. Исповедь	168
XXV. Ледяная Венера	175
XXVI. Маскарадная интрига	181
XXVII. Небо и яд	188
XXVIII. Путь в царствие небесное	194
XXIX. Живые карты	203
XXX. В лабиринте любви	211
XXXI. Чистилище	217
XXXII. Завеса поднимается	224
XXXIII. Еще один шаг вперед	231
XXXIV. Призраки	238
XXXV. Маску долой	244
XXXVI. Новые подкопы	252
XXXVII. Травля	260
XXXVIII. В западне	267
XXXIX. Небылицы	275
XLI. Проиграл!	289
XLII. Богиня мщения	298
XLIII. Каменные сердца	309
XLIV. Губительница душ	317
XLV. Побег	326
XLVI. Радужные мечты	333
XLVII. Спасены!	342
XLVIII. Пытка	349
XLIX. Последняя карта	357

L. Жертвоприношение	364
LI. На кресте	372
LII. Пред лицом праведного Судии	381
Пинчев и Минчев	389

Леопольд фон Захер-Мазох

Сочинения

Губительница душ

I. Предсказание

Громкий, пронзительный крик, словно рев раненого тигра, внезапно раздался в тишине чудного летнего вечера. Рысью бежавшие лошади остановились как вкопанные; кучер набожно перекрестился, а сидевший в коляске молодой офицер невольно вздрогнул и устремил взор по направлению к месту, откуда послышался крик.

– Что это такое? – спросил он.

– Должно быть, кто-нибудь зовет на помощь, – отвечал дородный, упитанный кучер.

– Если я не ошибаюсь, крик раздался со стороны реки.

В эту минуту до слуха путников долетел второй жалобный, душу раздирающий вопль, и что-то тяжелое упало в воду.

«Вероятно, кто-нибудь утонул!» – подумал молодой человек и, схватив револьвер, выскочил из коляски и побежал к берегу.

Солнце уже закатилось; под развесистыми ивами царил таинственный полумрак; тихо катились серые, свинцовые волны реки; но ни на берегу, ни вдали на поросшей густой травой «могиле героев» не было ни души. Офицер готов уже был вернуться назад, как вдруг на противоположном берегу мелькнул силуэт человека в белом.

– Кто там? – закричал юноша.

Ответа не было.

– Стой!

Призрак исчез, но в кустах послышался шорох.

– Остановитесь, если не хотите, чтобы я вас застрелил! – воскликнул молодой путешественник.

На опушке леса показались две быстро удаляющиеся тени. Один за другим раздались два выстрела, затем все затихло, и сильно раздосадованный офицер вернулся назад и сел в коляску.

– Ну что, барин, кого вы там нашли? – спросил кучер.

– К сожалению, я опоздал, и мошенники успели убежать.

– Бог знает, были ли это мошенники! – заметил кучер. – Здесь творится что-то неладное!

– Что такое?

– Лучше об этом и не говорить, – отвечал верный слуга, боязливо озираясь по сторонам. – Поедемте-ка мы, барин, поскорее домой. Становится поздно... Маменька давно уже ждет вас.

И коляска быстро покатила по ухабистой дороге.

Казимир Ядевский возвращался на родину после долговременного отсутствия.

Он служил в Москве, в Петербурге и даже на Кавказе; только недавно полк его был переведен в Киев, и молодой человек отпросился в отпуск для свидания со своей матерью, имение которой находилось неподалеку.

На западе догорала вечерняя заря, обдавая пурпурным цветом леса, холмы, долины и уединенные усадьбы; в чаще леса сверкали блуждающие огоньки, или, быть может, глаза волков, отправляющихся на добычу. Лошади быстро мчались по неровной дороге, пересекаемой болотами с перекинутыми через них полуразвалившимися мостами. Наконец вдали показалось село Конятино, тонувшее в зелени садов и огородов. Легкий дымок поднимался над соломенными кровлями хат, сквозь отворенные двери которых виделся огонь в очаге; у колодца, громко смеясь, разговаривали боногие крестьянские девушки; собаки, завидя экипаж, залились дружным лаем.

Между тем, уже наступили сумерки. Казимир высунулся из коляски, чтобы взглянуть на родительский дом – сквозь густую зелень тополей виден был свет в окнах. Наконец ворота отворились, и старая лягавая собака с радостным визгом подбежала к коляске. Сердце юноши затрепетало при мысли, что он возвратился домой после стольких лет отсутствия!

Навстречу ему по ступенькам крыльца спускалась добрая

старушка, его мать; она обняла, поцеловала, перекрестила свое ненаглядное сокровище и теперь смотрела на него, как будто не веря своим глазам.

– Ах, как долго продолжалась наша разлука! – наконец проговорила она, отирая радостные слезы. – Как ты вырос, возмужал... как тебе идет этот мундир!.. А уж как я боялась, чтобы тебя не убили на Кавказе!..

Целая толпа слуг окружила молодого барина – каждый старался поцеловать его руку. Старушка Ядевская никому не позволила прислуживать дорогому гостю: она сама подавала ему ужин, сама налила в стакан венгерского вина, и затем села у окна, любуясь своим сыном.

Да и было чем полюбоваться! Среднего роста стройный юноша, с правильными чертами лица, белокурыми волосами и большими, выразительными голубыми глазами был действительно очень хорош собою.

– Надолго ли ты ко мне приехал? – спросила мать.

– На две недели, моя дорогая! Киев отсюда недалеко; я буду часто ездить к тебе.

– А к Рождеству приедешь?

– Даже раньше, если будет возможно.

Казимир осмотрелся вокруг и с удовольствием отметил, что в обстановке комнат ничто не изменилось со времени его отъезда. Мебель стояла на прежних местах; вот диван, обтянутый знакомой цветной материей; у зеркала – старинные часы; над печкой – гипсовая статуя Дианы; на комод –

граненные стаканы, из которых он пил еще в детстве.

– Ну, что подельывает Эмма? – спросил он.

Ядевская пожала плечами.

– Надеюсь, что она не сбилась с пути истинного? – продолжал молодой человек.

– Как тебе сказать?.. И мать, и дочь сделались уж чересчур набожны... целый день молятся да поют псалмы... Ты, наверное, и не узнал бы своей прежней подружки.

– Я сейчас пойду к ним.

– К чему такая поспешность?

– Мне хочется поскорее увидеть мою маленькую Эмму, с которой мы когда-то строили карточные домики.

– Ступай, если хочешь, но ты будешь разочарован.

– Как далеко отсюда до Бояр? Я полагаю, не более четверти часа ходьбы?

– Вероятно, да...

Молодой человек зарядил ружье, взял фуражку, простился с матерью и вышел из комнаты.

Дорога шла через луг, на котором паслись лошади. Пастухи сидели у горящего костра, полная луна озаряла окрестность своим мягким серебристым светом, вдали слышался был плеск воды.

Сильно билось сердце юноши, когда он подходил к усадьбе села Бояры.

Он тихонько постучал в ворота – залаяла собака. Огромный двор был пуст, ни в одном окне не было огня; вокруг ца-

рила глубокая тишина, только стройные тополя таинственно шептались между собою.

Казимир постучался сильнее и вскоре услышал шорох приближающихся шагов.

– Кто там? – раздался хриплый, старческий голос.

– Дома ли госпожа Малютина?

– Нет.

– А барышня?

– И ее дома нет.

Молодой человек пожал плечами и, понутив голову, отправился в обратный путь через рощу. Пройдя несколько шагов, он заметил вдали между деревьями пылающий костер, вокруг которого мелькали черные тени.

– Кто вы такие? – спросил молодой человек, подходя ближе с ружьем в руках.

– Мы цыгане, сударь, – подобострастно отвечал рослый смуглый парень, кланяясь чуть не до земли.

Взору молодого офицера предстала живописная картина: на небольшой лужайке расположился цыганский табор – несколько палаток, позади которых стояли телеги и паслись стреноженные лошади. Пожилые цыгане спали у костра на подостланных плащах, молодой парень сдирал кожу с ягненка – вероятно, украденного; женщины занимались стряпней или убаюкивали ребятишек, дети голышом сновали взад и вперед, мешая старшим работать, за что получали пинки и подзатыльники, – брань, крик, визг, хохот, лай собак, – хаос

в полном смысле этого слова.

Казимир не без любопытства осматривался, как вдруг к нему верхом на ручном медведе подъехала молодая красивая женщина, с пламенными черными глазами и растрепанными волосами. Фантастический ярко-красного цвета наряд ее был отделан белой овчиной.

Гордо, с насмешливой улыбкой на губах красавица кивнула головой незваному гостю.

– Зачем ты пришел к нам, прекрасный незнакомец? – спросила она, ловко соскакивая с медведя. – Подари мне что-нибудь... Я тебе погадаю. Мне известно не только твое прошлое, но и то, что ожидает тебя в будущем!

Молодой человек улыбнулся и подал ей серебряную монету. Она немедленно опустила монету в карман, и заговорила, внимательно рассматривая линии на его ладони.

– Ты будешь счастлив... очень счастлив в будущем... но, тебя подстерегают большие опасности, тебе предстоят испытания... Не бойся, ты преодолеешь их, если будешь смел и благоразумен. Ты встретишь двух женщин... ты полюбишь обеих... и они будут любить тебя... но одна из них будет твоим злым гением и, если не остережешься, она погубит тебя... Зато другая будет твоим ангелом-хранителем и в конце концов выручит тебя из беды...

Цыганка задумалась.

– Скажешь еще что-нибудь?

– Остальное все покрыто мраком... Но берегись, барин,

твоя линия жизни перекрещена в нескольких местах...

В эту минуту в воздухе раздался какой-то странный звук, похожий на жалобный стон.

– Это что такое? – воскликнул юноша.

– Закрой глаза и уши, – таинственно проговорила предсказательница, – этих людей надо избегать... они опасны!

– О ком говоришь ты?

– Разве ты не слышишь, как они поют гимны, эти благочестивые люди, называющие себя посланниками неба?.. Это члены недавно возникшей секты... Берегись, барин, в воздухе пахнет кровью!..

Казимир побежал по направлению к реке, откуда доносились заунывные звуки, и при лунном свете увидел большую лодку, наполненную мужчинами и женщинами. Все они сидели, понутив головы, и пели, колотя себя кулаками в грудь. У руля был прикреплен пылающий факел, а посередине лодки возвышался деревянный крест. Из ран распятого Спасителя струилась алая кровь и крупными каплями падала на опущенные головы кающихся грешников.

Молодой человек не верил своим глазам; все это казалось ему каким-то странным, тяжелым сном.

II. Мать и дочь

На следующий день, часов около двенадцати, Казимир снова отправился в Бояры. Ворота были заперты. На стук отозвался вчерашний хриплый голос и объявил ему, что господ дома нет.

– Все равно – отвори!

– Мне приказано никого не впускать.

– Ну, это мы увидим! – и с этими словами молодой человек вскарабкался на стену и спрыгнул с нее во двор, посреди которого стояла старая баба.

– Да вы, должно быть, разбойник! – в ужасе всплеснула она руками.

– Разве ты не видишь, что я офицер, – улыбаясь, возразил молодой человек, – и, кроме того, старый знакомый твоей барыни.

Баба в недоумении пожимала плечами, но юноша не обратил на это внимания и, перебежав через двор, начал подниматься по каменным ступенькам крыльца.

В дверях его встретила высокая пожилая женщина, с горделивой осанкой.

– Госпожа Малютина?..

– Это я, милостивый государь.

– Неужели вы меня не узнали? Я Казимир Ядевский.

Неопределенная улыбка скользнула по губам Малютиной.

– Пожалуйте, – сказала она, протягивая гостю руку для поцелуя. – Эмма будет рада вас видеть... Вы очень возмужали.

– Наружность обманчива! – возразил юноша, следуя за хозяйкой в гостиную. – Я все тот же мальчишка, который в былые времена воровал у вас яблоки и сдобные лепешки.

Гостиная была пропитана каким-то странным запахом, напоминавшим не то церковь, не то аптеку – в ней, вероятно, давно не отворяли окон.

Мебель была покрыта чехлами из небеленого холста, – словно посыпана пеплом. Заметно было, что хозяйка редко принимает гостей. Это была женщина чрезвычайно представительной наружности; несмотря на свои сорок пять лет – совершенно седая. Но черные глаза ее блестели, а на полных щеках играл легкий румянец, так что ее вряд ли можно было назвать старухой.

Вдруг отворилась дверь, и в комнату вошла молодая девушка высокого роста, со строгими, неподвижными, но, тем не менее, прелестными чертами лица.

– Эмма! – вскричал юноша, бросаясь ей навстречу.

– Это вы? – сквозь зубы процедила она и, протянув ему руку, села к окну, как бы желая показать, что его неожиданный визит не доставляет ей особенного удовольствия.

Казимир не мог отвести от нее взгляд. В его отсутствие она расцвела и из ребенка превратилась во взрослую красивую девушку, к которой вовсе не шел ее полумонашеский

наряд и строгая прическа: ее белокурые с золотистым отливом волосы были гладко зачесаны за уши и заплетены в массивную косу. Ни ленточки, ни цветочка – ничего.

– По-видимому, вы живете в совершенном уединении, – начал молодой человек.

– Как видите, – сухо отвечала Малютина.

– Неужели такая жизнь может нравиться Эмме?

– Я вполне разделяю устремления моей матери, – равнодушно проговорила девушка. – Вам, привыкшему возвращаться в блестящем вихре модного света, такой образ жизни может показаться странным, даже смешным, но мы к нему привыкли и довольствуемся им. На свете так много злых людей... так много обольстительных искушений, с которыми человеку трудно бороться... Живя в уединении, легче уберечься от греха и спасти свою душу.

– В Киеве жизнь очень приятна, уверяю вас, – заметил Казимир.

– Вы служите в Киеве? – спросила Эмма.

– Да, туда недавно перевели наш полк.

Эмма бросила на мать выразительный взгляд и задумалась.

Заметно было, что в голове ее бродит какая-то неотвязная мысль, но черты ее лица оставались по-прежнему неподвижны, только густые брови слегка нахмурились, да губы крепко сжались.

– К чему такие церемонии со мною, милая Эмма? – сказал

юноша, подходя к подруге своего детства. – Разве вы забыли, как мы вместе играли и проказничали? Неужели я стал для вас совершенно чужим человеком?

Он взял ее за руку, но рука эта была гладка и холодна, как змея, и Эмма тут же ее отдернула.

– Скажите, чем я перед вами провинился? Ну, хоть взгляните на меня поласковее...

– Я теперь уже не та, что была прежде.

– Даже в отношении ко мне?

– Разумеется, – как бы нехотя проговорила Эмма и отвернулась в сторону.

В сердце Казимира боролись два совершенно противоположных чувства: любовь к очаровательной, загадочной красавице разгорелась в нем новой силой, и в то же время рядом с Эммой и ее матерью его охватывала тревога, необъяснимый страх леденил его сердце.

Следующий визит его был удачнее: он застал Эмму одну. Когда он проходил по двору, она стояла у открытого окна. Молодому человеку показалось, что на губах ее играет какая-то неуловимая, язвительная усмешка.

– Вы опять пришли, – встретила она его с оскорбительным равнодушием.

– Как видите, – отвечал он, – у меня достало на это храбрости... Недаром же я солдат!

– Но я дома одна и не могу принять вас.

– Одна? Тем лучше! Какое нам дело до светских прили-

чий! Что за церемонии между старыми друзьями!

– Ну, так пожалуйста.

Из передней, где перед огромным распятием теплилась лампада, Казимир вошел в пропитанный запахом ладана коридор, в конце которого, у отворенно двери, ждала его молодая хозяйка.

– В сущности, мне нечего бояться, – сказала она. – Это чистое ребячество с моей стороны.

– Умные речи и слушать приятно! – улыбнулся молодой офицер, крепко пожимая руку Эммы. – Так как первый шаг за пределы светских приличий уже сделан, то я воспользуюсь этим и попрошу вас говорить мне по-прежнему «ты», как в прежние времена, когда мы играли вместе и вы назывались моей маленькой женой. Помните, как мы с вами строили домики из снопов?

– Извольте, я согласна, но с условием, что вы не будете за мною ухаживать.

– Даю вам честное слово, Эмма, я затаю в глубине сердца свою любовь к вам... Вспомните слова поэта: «Ведь сердце любит, не спросясь!» С ним справиться трудно!

– Этого я не могу тебе запретить, – спокойно сказала красавица, – но не рассчитывай на взаимность; я никогда никого не полюблю и никогда не выйду замуж.

– Ты намерена сделаться Христовой невестой?

– Нет... Живя в свете и постоянно борясь с искушениями, спастись труднее, чем за высокими стенами монастыря;

такой подвиг важнее во всех отношениях.

– Мне кажется, что ты относишься ко мне так недоверчиво только потому, что я военный.

– Вовсе нет! И война имеет свою хорошую сторону; с ее помощью множество людей попадают в рай... Великая заслуга перед Господом – умереть на поле битвы!

Казимир не без удивления взглянул на свою собеседницу. Она сидела, опустив голову на грудь, у забранного железной решеткой окна, словно преступница в тюрьме. Незатейлива была обстановка ее более чем скромной комнаты: простая кровать под белым пологом, столик, пара стульев, да образ Спасителя в золотой ризе, под которым висела плеть.

«Это что такое? – промелькнуло у него в голове. – Неужели ее фанатизм доходит до абсурда... до самобичевания?»

Он положительно терялся в догадках.

Через несколько дней Казимир снова явился в Бояры. Эмма была в саду. На ней было простенькое белое платье, которое очень шло ей. Внезапное появление Казимира испугало ее – она вздрогнула и покраснела.

– Неужели мое присутствие так для тебя неприятно, что ты смущаешься и дрожишь? – с упреком заметил юноша.

– Напрасно ты так думаешь, – возразила Эмма. – Я никого и ничего не боюсь... Ты знаешь, что я к тебе хорошо расположена, – насколько мне это позволено, – а, значит, я всегда рада тебя видеть... Откровенно говоря, тебе бы следовало избегать встреч со мною.

– Это совершенно справедливо.

– Но не в том смысле, в каком ты думаешь.

– А в каком же?

Вместо ответа девушка сорвала ветку шиповника и так сильно ударила себя ею по руке, что на коже выступила кровь.

– Что ты делаешь?! – вскричал Казимир.

– То, что мне приятно, – было лаконическим ответом.

– Неужели тебя тешит эта добровольная пытка?

– Она полезна и приятна для тех, кто желает спасти свою душу и пренебрегает земными благами.

– Ты воображаешь, что Бог создал тебя для одних страданий, а не для радостей и земных наслаждений?

– Так говорят мужчины – закоренелые грешники; женщины несравненно строже относятся к своим словам и поступкам, – вот почему они меньше грешат.

– Следовательно, ты безгрешна, – с коварной улыбкой сказал молодой человек, – в таком случае возведи и меня на ту лучезарную высоту, на которой ты стоишь.

– Не проси меня об этом... Тернист и труден путь, ведущий в царство небесное!

Эмма устремила на юного грешника взор, полный сострадания.

– Уходи, уходи отсюда! – прибавила она с мольбой в голосе. – Меня ищут... меня зовут... – и, кивнув ему головой, убежала по направлению к дому.

Не успела она скрыться из виду, как у садовой калитки показался высокий красивый мужчина, лет сорока, с бородой и вьющимися светло-русыми волосами, в широкой черной одежде. Правильные черты его лица носили на себе отпечаток железной воли и безмерного властолюбия.

«Кто это? – подумал Казимир Ядевский. – Духовная особа или воплощенный демон? Что за чудеса?..»

Не понимаю!»

III. Эмма

Как хороши бывают первые дни сентября в благословенной Малороссии! Яркие, но не жгучие лучи солнца золотят скошенные поля и нивы; деревья в садах подернулись желтизной, их ветви пригибаются к земле под тяжестью плодов; цветут астры и георгины, по синему, прозрачному небу тянутся стаи аистов; воздух пропитан ароматом запоздалых трав. В шинках слышны веселые песни и звуки незатейливых сельских инструментов, на гумнах – мерный стук цепов.

В один из таких прекрасных дней, рано утром, Казимиру Ядевскому вздумалось пойти на охоту. Настреляв полный ягдташ бекасов, он прилег отдохнуть на берегу реки, в тени старой ивы; легкий ветерок пробежал по зеркальной поверхности воды и казалось, что она усыпана миллионами золотых блесток. Долго лежал усталый охотник, мечтая об Эмме, как вдруг вдали на реке показалась лодка, и перед ним предстал предмет его поэтических грез, в белой одежде, среди водяных лилий.

Увидя Казимира, девушка невольно вздрогнула, но тут же причалила к берегу и, протянув руку, сказала:

– Ты охотишься в этих местах?

– Да, истратил горсть пороху... а теперь отдыхаю, мечтая о тебе... Возьми меня с собой, ангел небесный?

– Какой же я ангел!.. Садись, и для тебя найдется местечко

в моей лодке.

Казимир вскочил в лодку и сел у руля, собака легла у его ног.

– Прекрасен Божий мир! – начал он, любуясь живописным ландшафтом. – Природа – это обширный храм, в котором каждый человек может молиться или предаваться глубоким размышлениям!

– По-твоему, наша земля – это прекрасный алтарь, с которого возносится к небесам фимиам наших молитв... Это только так кажется!.. В сущности же, она – огромный жертвенник, на котором страдают Божьи создания во славу Творца своего.

– Какое ужасное умозаключение!

– Было время, когда и я наслаждалась жизнью и мечтала о счастье... Но настал день, когда я убедилась в своем заблуждении, когда завеса упала с моих глаз, и я взглянула на жизнь по— настоящему... Я ужаснулась!.. Мне показалось, что солнце померкло, что земля покрылась ледяной корой... Сердце замерло в моей груди!.. Ты счастлив, потому что наслаждаешься настоящим и надеешься на прекрасное будущее... Для меня радости и надежды не существует... Я сознаю, что мир есть чистилище, что мы созданы для того, чтобы каяться, молиться и страдать!

– Да это какие-то дикие, чисто индейские воззрения! – воскликнул молодой человек. – К сожалению, они проникли в Россию и, под видом различных сект, проповедуют идеи,

чуждые православной вере. Уж не принадлежишь ли и ты к одной из этих сект, Эмма?

– Нет, – с принужденной улыбкой возразила красавица, – то, что я тебе говорю, настолько очевидно, что каждому бросается в глаза, стоит только всерьез задуматься над целью нашей жизни.

Молодые люди причалили к берегу, выбрались из лодки и пошли по лугу. Вскоре они набрали на муравейник.

– Взгляни на это маленькое чудо, – сказал Казимир, – как умно устроена их крошечная республика. Неужели ты думаешь, что и эти трудолюбивые создания несчастны?

– Да, и они несчастны, потому что и у них есть власти-тели и рабы. Посмотри, как твои хваленые республиканцы терзают бедную улитку! Предположим даже, что эти муравьи счастливы; но их счастье можно мгновенно разрушить! – и Эмма с явной злобой начала топтать муравейник ногами.

Казимир молча склонил голову и пошел по тропинке в рощу. Там девушка обратила внимание своего спутника на птичье гнездо в дупле старого дерева.

– Не правда ли, как мило?! Настоящая идиллия! Заботливая мать семейства кормит своих птенцов... Трогательная картина! Но она кормит их насекомыми, которым это едва ли приятно.

В эту минуту ястреб налетел на беззащитную птичку и вонзил в нее свои когти. Казимир схватил ружье и выстрелил в хищника. Ястреб упал на землю вместе со своей жертвой.

Эмма захохотала.

– А ты, человек, краса и венец творения, что ты делаешь? – воскликнула она. – Ты убиваешь не хуже других! Куда ни взглянешь, везде мучения, насилие, кровопролитие, смерть и уничтожение!

На этом их разговор оборвался, и они молча дошли до усадьбы села Бояры. У ворот Казимир простился с Эммой. Тяжелые думы бродили в его голове, когда он возвращался домой.

На другой день какая-то неведомая сила вновь потянула его в Бояры. Против обыкновения ворота были открыты. На дворе стояла повозка, обтянутая холстом и запряженная тройкой тощих лошадей. У кухни на скамье сидел еврей в черном долгополом кафтане и считал что-то по пальцам.

Казимир заглянул в окно гостиной и немало удивился, увидев Эмму перед зеркалом в роскошном шелковом платье, вышитых золотом туфельках и бархатной, подбитой собольими шубке. Коса, переплетенная жемчугом, диадемой лежала на ее прелестной головке.

– Какая ты красавица! – в восторге воскликнул юноша.

Эмма вздрогнула и, побледнев, устремила на него взор, полный упрека.

– И ты наряжаешься, – продолжал он, – но только не для меня.

– Я примеряю платье, – спокойно возразила девушка, – там, на дворе, дожидается портной.

– Прекрасно... но ведь не для того же ты заказала себе этот наряд, чтобы повесить его в шкаф, где он будет изъеден молью.

– Ты слишком любопытен.

– Нет, я только удивляюсь... Этот наряд неприличен при той маске святости, которую ты носишь.

– Я не ношу никакой маски, – с горькой усмешкой возразила Эмма. – Наряжают и жертву, идущую на заклание, точно так же, как и жрицу, держащую в руке нож.

– Которую же из двух ты изображаешь?

– Быть может, и ту и другую.

– Для меня ты идеал моих юношеских грез, красивейшая из женщин!

С тобой могут соперничать по красоте только изящные произведения греческих ваятелей или таких художников, как Тициан и Веронезе!

Под влиянием страстного порыва юноша вскочил через окно в гостиную, обнял Эмму и крепко поцеловал ее.

Удивительно, но девушка не рассердилась на него за эту бурную выходку, она даже не защищалась от его поцелуев, она только внимательно посмотрела на него и сказала с необыкновенной кротостью:

– Я уже предостерегала тебя, Казимир, и советовала держаться от меня подальше. Я не верю твоей любви, потому что не могу любить тебя, а пламя, не имеющее пищи, само собою угасает. Знай, что если бы я только захотела, ты сде-

лался бы моим рабом, но я этого не желаю.

– Но почему же ты не хочешь? Мы созданы друг для друга... Согласись быть моей женой!

Эмма отрицательно покачала головой.

– Быть может, ты любишь другого?

– Нет.

– Я тебя не понимаю!

– Не старайся заглядывать в мою душу... Забудь меня...

Твоя цветущая молодость вызывает во мне сочувствие; я не отвергаю тебя потому, что сердце мое еще свободно... Ты погибнешь, если я когда-нибудь полюблю тебя. Беги от меня, пока еще не поздно!

– А что если уже поздно?

– В таком случае, это предопределение судьбы и оно должно исполниться.

– Следовательно, ты позволяешь мне надеяться?

Эмма села на диван и глубоко задумалась.

– Я храбр, – продолжал юноша, – и, чтобы завоевать тебя и назвать своей женой, готов сражаться хоть с демонами!

– Но не с Богом, Казимир! Власть его безгранична... Путь, по которому я иду, труден, мрачен, полон бедствий и нравственных страданий, но он ведет меня к лучезарному свету... Не стремись идти по нему рядом со мной. Ах, если бы я могла рассказать тебе!.. Но нет, я не смею... На уста мои наложена печать безмолвия.

– Скажи мне только, что ты меня любишь.

– Нет, я не люблю тебя... и ты должен благодарить за это Бога.

IV. Поручение

Целая вереница разнообразных мыслей преследовала Казимира Ядевского, когда он, подавленный, возвращался домой.

Смеркалось. Скрестив руки на груди, в глубокой задумчивости, стояла Эмма у окна. Ей мерещились привидения в длинных белых саванах, демоны в образе огромных летучих мышей, карлики с седыми бородами...

Внезапное появление на дворе рослого молодого малороссиянина вывело девушку из оцепенения.

– Это ты, Долива? – спросила она.

– Да, – отвечал гигант, – меня прислал священник... он просит вас приехать к нему.

– Сегодня?

– Точно так.

Эмма кивнула и, поспешно переодевшись, вышла на крыльцо.

На дворе стояла уже оседланная лошадь. Красавица ловко вскочила на нее и с места галопом выехала за ворота. Быстро мчалась она, с легкостью преодолевая препятствия, и вскоре подъехала к воротам Окоцина.

Это был древний польский замок, построенный на холме по ту сторону Днепра и обнесенный высокой стеной.

Узенький мостик, перекинутый через глубокий ров, вел

прямо к массивным воротам. Эмма остановила свою лошадь. По условленному знаку, поданному девушкой, ворота медленно отворились, и она въехала во двор, где ее встретил седой старик в темно-синем казакине и помог сойти с лошади.

Пройдя по длинному, слабо освещенному коридору, Эмма тихонько постучала в маленькую, обитую железом дверь.

– Кто там? – произнес кто-то мягким, чрезвычайно приятным голосом.

– Это я.

– Войди.

Комната средней величины была похожа на тюремную камеру: единственное окно ее было заделано железной решеткой, стены выкрашены в серый цвет, на одной из них – огромное распятие и под ним плеть. На деревянной кровати вместо тюфяка лежала охапка соломы, рядом, на полу – кусок черного хлеба и кружка с водой. У окна стоял грубо сколоченный из досок некрашенный стол, на котором лежало раскрытое Евангелие. Комната освещалась двумя восковыми свечами.

У стола, склонив голову на руку, сидел человек, которого Казимир видел в Боярах несколько дней назад. Густые длинные светло-русые волосы и такая же борода окаймляли красивое лицо, ничем не напоминавшее бледный, изнуренный лик аскета. На щеках его играл легкий румянец, большие голубые глаза смотрели гордо и повелительно, полные красные губы невольно наводили на мысль о греховных наклонностях

– одним словом, все в этой загадочной личности изобличало высокомерного деспота.

Стоя на коленях и смиренно склонив голову, ожидала Эмма приказаний своего повелителя.

– Я призвал тебя сюда, – начал он плавным, низким голосом, – с целью послать в Киев по весьма важному делу.

– Ты уже говорил мне об этом, апостол.

– Когда же ты можешь выехать?

– Приказывай, я сделаю, как ты велишь.

– В таком случае, поезжай дня через три, я уже отправил в Киев все необходимые распоряжения.

– Не узнали бы меня там?

– Ты будешь жить под своим именем. Я даю тебе очень важное поручение и надеюсь, что оно будет исполнено в точности – вот почему я избрал именно тебя. Ты обладаешь светлым умом, твердым характером и непреклонной волей, что ты уже неоднократно доказала; но скажи мне откровенно, чувствуешь ли ты себя вполне достойной принять эту великую обязанность, достаточно ли чисты и непорочны твои помыслы?

– Нет, апостол.

– Исповедуйся в грехе, отягощающем твою совесть.

Эмма наклонилась и молча прикоснулась губами к ногам своего повелителя.

– Ты влюблена?

– Нет, апостол.

– В твоём сердце вновь возникло нежное чувство к твоему старому другу?

Девушка подняла голову и смело посмотрела в глаза своего собеседника.

– Я не люблю его, – проговорила она с неподражаемой уверенностью. – Но любовь его, словно солнечный луч, озарила мою душу и возбудила во мне желание стать счастливой женой и матерью. Мною овладело сомнение.

– И он надеется, что ты будешь его женой?

– Да... несмотря на то, что я советовала ему избегать меня.

– Не отнимай у него надежды, – сказал апостол. – Он живет в Киеве и при случае сможет защитить тебя. Будь благо-разумна, не оскорбляй его, иначе он из друга превратится в твоего злейшего врага.

– Постараюсь.

– Поезжайте вместе в Киев и как можно чаще гуляйте по улицам города. Не скрывай, что он за тобою ухаживает, я так хочу.

– Я готова безусловно повиноваться тебе.

– Этот офицер может быть тебе полезен в том кругу, в котором ты будешь вращаться. Возложенная на тебя обязанность очень затруднительна... Знакома ли ты с графом Богуславом Солтыком?

– Нет, но я слышала, что знакомство с ним опасно для девушек.

– Это совершенно справедливо. Граф великий грешник, давно уже навлекший на себя гнев Божий и проклятия своих близких. Ты избрана нами для того, чтобы спасти его душу от окончательной гибели и вечных мук. Сознаю, что тебе трудно будет устоять против соблазна. Граф красив собою и обладает всеми рыцарскими добродетелями: он силен до безумия и пренебрегает всеми опасностями для достижения своей цели. При этом он человек в высшей степени безнравственный, для которого нет ничего святого.

Апостол вынул из стола запечатанный конверт и подал его Эмме.

– Здесь находится все, что тебе необходимо знать об этом человеке и о той высокой миссии, которая тебе предстоит, – заметил он. – Не распечатывай этот конверт до приезда в Киев и сожги хранящиеся в нем рукописи после того, как ты их прочтешь.

В Киеве у тебя будут верные слуги и усердные помощники, которым приказано беспрекословно повиноваться тебе. Если же случится что-нибудь непредвиденное или тобой овладеет сомнение, то обратись прямо ко мне, и я вышлю тебе мои инструкции.

– Постараюсь исполнить в точности все твои предписания, апостол, и надеюсь, что ты будешь мною доволен.

– Знай, что ты не слепое орудие в наших руках. Господь одарил тебя необыкновенными способностями. Если в Киеве тебе представится возможность действовать и в каком-ли-

бо другом направлении, не стесняйся ничем, исполняй свое призвание, не отступай от заповедей Божьих и нашего святого учения и ты не ошибешься.

Тебе предстоит совершенно новый образ жизни. Ты будешь принята во всех аристократических салонах и сможешь накинуть сеть на все городское общество. Посещай театры, концерты, балы, гулянья, окружи себя поклонниками. Я возлагаю на тебя огромные надежды. Нет ли у тебя там других знакомых, кроме Ядевского?

– Там живет приятель моего покойного отца, участковый пристав Бедросов.

– Отлично! Этот человек будет нам очень полезен! – апостол задумался.

– Не будет ли еще каких-нибудь приказаний? – спросила Эмма после минутного молчания.

– Нет, я передал тебе все, что было нужно. Ступай с Богом!

– Разве ты не наложишь на меня епитимии? Я желала бы очистить мою совесть до отъезда в Киев.

– Хорошо. Следуй за мной.

И он повел ее через двор в небольшую капеллу, где царил таинственный полумрак. Над алтарем перед распятием теплилась лампада, озаряя слабым светом только лик Божественного страдальца.

– Подожди меня здесь, – сказал апостол. – Покайся в грехе, смирись перед Господом и твоим милосердным судьей!

Эмма крестообразно распростерлась на полу перед алтарем и начала усердно молиться, обливаясь горькими слезами. Изредка в ночной тишине раздавались глухие стоны и тихое пение псалмов; из леса доносился крик совы.

Шорох приближающихся шагов заставил кающуюся грешницу подняться на ноги.

Перед нею стоял апостол с плетью в руке... Эмма упала на колени и склонила голову, ожидая заслуженной кары...

Кроткими очами и с грустной улыбкою на устах взирал на это истязание увенчанный терновым венцом Спаситель.

V. Блуждающий огонек

На следующий день после обеда Эмма приехала со своей матерью в село Конятино.

«Это что-нибудь да значит», – подумала Ядевская, поспешно накидывая на плечи турецкую шаль, и быстрыми шагами пошла навстречу неожиданным гостям.

Казимир был уже в гостиной и очень удивился, когда Эмма с приветливой улыбкой подала ему руку. Будто она переродилась или как змея переменила кожу. Скромный полумоношеский наряд ее исчез бесследно. На ней было красивое белое платье с голубыми бантами, волосы были заплетены в две роскошные косы, глаза блестели, на губах играла радостная улыбка.

– Прикажите распрячь ваших лошадей, дорогая соседка, – упрасивала Ядевская. – Я не отпущу вас без ужина, вы у меня такая редкая гостья!

Малютина взглянула на свою дочь, та едва заметно кивнула, и радушное приглашение было принято.

Выпив чашку кофе, Эмма предложила Казимиру погулять с ней в саду.

– Что с тобою? – воскликнул он, сходя по ступенькам террасы. – Ты сегодня так мила, что я тебя просто не узнаю!

– Заметь, друг мой, – ответила Эмма, – что женщины становятся необыкновенно любезны, когда намерены обратиться

ся к кому-нибудь с просьбой.

– Чего же ты от меня хочешь?

– Об этом после.

На клумбах еще осталось несколько запоздалых астр и георгинов. Эмма нарвала цветов, села на скамейку у бассейна, сплела венок и надела его себе на голову. Казимир молчал, не сводя с нее глаз.

– Ты мне очень нравишься, когда сидишь так смиренно, – сказала она, протягивая ему обе руки, – будь всегда таким же умницей.

– Почему же ты запрещаешь мне любить тебя?

– Я желаю, чтобы ты был моим другом, но боюсь довериться тебе – меня пугают твои страстные порывы.

– Признайся, что ты любишь другого, и я перестану жаловаться на судьбу.

– Не могу же я признаваться в том, чего нет! Поверь, если бы мне вздумалось полюбить мужчину, то я избрала бы тебя.

– Золотые пилюли!

– Клянусь, что никто, кроме тебя, не будет моим мужем! Доволен ли ты этим? Но к этому я прибавлю, что не намерена выходить замуж.

– Девические фантазии!

– Попробуй уговорить меня, и ты убедишься, что я мраморная статуя, не хуже вот этой царицы амазонок, которая прячется там, в густой зелени.

– Чем же я могу быть тебе полезен? – спросил Казимир

после непродолжительной паузы.

– Я хочу попросить тебя...

– Почему же не приказать?

– Потому что ты мой друг, а не раб.

– Говори же, в чем дело?

– Дня через два я еду в Киев, не проводишь ли ты меня?

– С величайшим удовольствием!

– Итак, решено – мы поедем вместе.

– Долго ли ты там пробудешь?

– Быть может, до весны.

– Отлично!

– У меня есть дела, которые задержат меня в Киеве на несколько месяцев.

– Тебе есть, где остановиться?

– Я буду жить у своей старой тетушки. У нее собственный дом на Подоле, но мне нужен мужчина в качестве защитника. Не хочешь ли ты быть моим рыцарем?

– И ты еще спрашиваешь? – вскричал юноша. – Боже, какое счастье сулит мне грядущая зима! Сколько приятных вечеров проведу я с тобой, сидя у камина!

– Дай мне слово, что ты не нарушишь моего душевного спокойствия.

– Постараюсь быть таким же хладнокровным, как ты.

– Я вовсе не хладнокровна. Просто во мне нет страстных порывов, и тебе советую их сдерживать.

За ужином Эмма подняла свой бокал, чокнулась с Казимиром.

миром и шепнула ему:

– За счастливое будущее!

На прощание, садясь в коляску рядом с матерью, она протянула ему руку и прибавила:

– Можешь поцеловать ее, я тебе не запрещаю.

Юноша впился губами в изящную маленькую ручку, которую у него быстро отняли.

– До свидания! – раздалось в ночной тишине, и сытые вороньи лошади помчались по дороге, поднимая целое облако пыли.

Весь следующий день Казимир провел со своей матерью, а вечером принялся укладывать чемодан. На этот раз расставание было для него не так тягостно, как прежде – его манил за собою чудный призрак.

Рано утром он был уже на ногах и вышел в сад, где вскоре столкнулся со своей матерью. Глаза старушки были заплаканы. Она села рядом с сыном на скамейку и молча пожала ему руку.

– Обещай мне, – начала она, с трудом сдерживая душившие ее рыдания.

– Что такое, милая мама? – спросил молодой человек, горячо целуя ее руки.

– Будь осторожен... Эмма...

– Да она и слышать не хочет о моей любви!

– Она так говорит, но я этому не верю... Предчувствие редко обманывало меня... она теперь не случайно тебя пре-

следует... тебе грозит опасность.

– Даю тебе слово, что я буду осторожен.

Ровно в два часа пополудни приехала Эмма в дорожной карете, нагруженной сундуками, шкатулками и картонками. Горько плакала старушка Ядевская, расставаясь с сыном, и потом долго глядела вслед удаляющемуся экипажу.

Молча смотрели молодые путники на мелькающие мимо них поля, нивы, рощи, села и убогие деревушки. К югу тянулись стаи диких уток, в воздухе раздавались отдаленные звуки свирели или заунывной малороссийской песни.

Наконец Эмма обратилась к своему спутнику с вопросом: «Не знаком ли он с графом Богуславом Солтыком?»

– Нет, – отвечал Казимир. – Но я слышал от моих товарищей, что это какая-то странная личность, непонятная смесь Гамлета с Монте-Кристо.

День клонился к вечеру. Вдали показались позолоченные купола киевских соборов; на западе небо было красно, как огонь. Вскоре наступили сумерки. Вся окрестность подернулась легким туманом; на небе одна за другой засверкали звезды; карета въехала в густой лес. Кучер остановил лошадей и зажег фонари. Вдруг в стороне от дороги, над болотом, что-то блеснуло.

– Блуждающий огонек, – заметил Ядевский.

– Мой символ, – ответила девушка. – Не ходи за мной, если я поманю тебя, а то попадешь в болото и погибнешь.

– Какие пустяки! Разве ты сирена, прельщающая путника

для того, чтобы утопить его?

– Не только русалки губят легковверных юношей.

Было уже поздно, когда карета въехала в Киев, но дома и улицы были еще освещены, а по тротуарам двигались толпы гуляющих. По мере того, как путники приближались к Подолу, прохожих становилось все меньше. Фонари едва мерцали. В этой части города царил полумрак – лавки уже давно были закрыты. Наконец усталые лошади остановились перед маленьким одноэтажным домиком с закрытыми ставнями.

Путники вышли из кареты, и Казимир позвонил у подъезда. Но прошло несколько минут, прежде чем дверь отворилась. На пороге показался старый седой лакей с фонарем в руках. Почтительно поцеловав руку Эммы, он начал вынимать из кареты багаж.

– Теперь мы с тобой простимся, – обратилась Эмма к своему спутнику. – Я очень устала и хочу отдохнуть. Мой кучер довезет тебя до твоей квартиры, а завтра вечером я жду тебя к чаю.

Они расстались.

На лестнице Эмму встретила скромно одетая старушка с серыми плутовскими глазами и ярким румянцем на щеках.

– Елена?

– К вашим услугам, барышня.

– Ты уже получила распоряжения?

– Точно так.

– И знаешь, что будешь считаться моей тетушкой?

– Да, для посторонних, для вас же я самая покорная раба, – и старушка повела Эмму через ряд роскошно обставленных комнат.

– А это ваша спальня, – сказала она, отворяя последнюю дверь.

– Хорошо.

Эмма сняла дорожное платье, надела меховую кофту и села пить чай. Елена стояла у дверей, не спуская глаз со своей барышни.

– Какая же вы хорошенькая да молоденькая! – вздыхая, проговорила она и, печально понутив голову, вышла из комнаты.

Девушка заперла за ней дверь, достала из шкатулки конверт, полученный от апостола, внимательно прочла все инструкции и не легла в постель до тех пор, пока все бумаги не сгорели в камине дотла.

VI. Весталка

На другой день рано утром Эмма написала письмо матери и записочку приятелю своего покойного отца, участковому приставу Бедросову. На ее звонок явилась Елена с завтраком на подносе и вслед за нею старик лакей в парадной ливрее. Лукавые глаза его так и бегали по сторонам.

– Как тебя зовут? – спросила девушка.

– Борисом, сударыня.

– Отнеси эту записку участковому приставу Бедросову.

– Слушаю-с, – проговорил старик и, согнувшись в три погибели, пошел по направлению к двери, но тотчас же остановился и прибавил: – Я должен предупредить вас, сударыня, что для посторонних посетителей я глухонемой.

Эмма кивнула и, выпив чашку кофе, начала одеваться с помощью Елены.

– Ты поедешь со мной, – сказала она, охорашиваясь перед зеркалом.

– Как прикажете.

– Есть ли у тебя приличное платье, чтобы изобразить мою тетушку?

– Здесь уже все припасено.

Несколько минут спустя обе женщины вышли из дома пешком.

– Где здесь Красный кабачок? – тихонько спросила Эмма

у своей спутницы.

– В нескольких шагах отсюда, – ответила старушка и повернула в узкую грязную улицу, где стоял шинок, красная крыша которого виднелась из-за высокого забора. – Вот он, – шепнула она, указывая глазами на невзрачный домик.

Оттуда они поднялись в старый город и остановились перед окнами магазина, в которых были выставлены фотографические портреты. Эмма осталась на улице, а Елена вошла внутрь и через минуту появилась с большим конвертом в руках.

Возвратившись домой, Эмма отпустила свою служанку, села на диван в гостиной и вынула из конверта портрет графа Солтыка. Долго и внимательно вглядывалась она в него, как бы изучая каждую черту лица, не хуже любого сыщика, рассматривающего портрет преступника, которого ему поручено поймать.

Граф был изображен в меховом шлафроке с длинной трубкою в зубах. Это был поистине красавец-мужчина: правильные, словно из мрамора высеченные черты лица, большие глаза, в которых светились ум, энергия и страстность, – одним словом, он обладал в высшей степени привлекательной наружностью.

Портрет графа еще лежал на столе, когда в гостиную вошел Бедросов, живой, проворный мужчина лет сорока, невысокого роста, с жиденькими волосами, выдающимися скулами и крошечным уродливым носиком. Поцеловав руку Эм-

мы, он подвел ее к окну, чтобы лучше рассмотреть ее лицо, и воскликнул в порыве неподдельного восторга:

– Боже мой, как вы выросли, как похорошели! Давно ли я носил вас на руках! А помните ли вы, как запрягали меня в тележку да погоняли кнутиком? Как я рад, что мне привелось увидеть вас снова!

– Я очень рада найти в вас старого искреннего друга, – с приветливой улыбкой ответила Эмма.

– Звание друга я принимаю с благодарностью, но от старого отрекаюсь категорически! Разве я седой дряхлый старик? Я мужчина, как говорится, в расцвете лет! – и он расхохотался. – Да, милая барышня, в качестве друга вашего покойного батюшки я готов вас охранять от всех зол и напастей, но вместе с тем оставляю за собой право иногда и приволокнуться за вами.

– А я ловлю вас на слове и провозглашаю моим рыцарем! Бедросов отвесил низкий поклон и прибавил:

– Жду ваших повелений и надеюсь, что вы будете мною довольны!

– Сядьте вот тут, рядом со мной и поговорим по-дружески, – сказала молодая хозяйка, усаживая своего гостя на диван. – Признаюсь, что я вам завидую.

– Интересно узнать, чем именно возбуждаю я в вас это далеко не лучшее чувство?

– Вы пользуетесь преимуществом, о котором мы, простые смертные, и мечтать не смеем.

– Каким же это?

– Вы все обо всех знаете.

– Да... то есть, как вам сказать, – в сущности, это как повезет и лучшим вашим союзником бывает случай...

– Вам известно, как велико женское любопытство... По неволе позавидуешь человеку, для которого тайн не существует, который смело заглядывает в самые сокровенные изгибы человеческого сердца и, как гигантский паук, накидывает свою паутину на весь город.

– Это в известной степени справедливо.

– Как бы я была счастлива хоть на миг приподнять завесу хоть какого-нибудь таинственного приключения!

– Почему же нет? Полиция нуждается в союзниках, а женщины умеют так ловко все выведывать. Здесь вам нет равных.

– В таком случае примите меня в число ваших агентов.

– С величайшим удовольствием! – ответил полицейский чиновник, целуя руку Эммы.

– Я сегодня же намерена проверить, как далеко простирается ваше всеведение, – с лукавой улыбкою проговорила девушка и спросила, указывая на лежащий на столе портрет: – Кто это такой?

– Граф Солтык, – без запинки отвечал Бедросов. – Разве вы с ним знакомы?

– Нет... Этот портрет был выставлен в окне одного магазина, и я купила его, потому что он мне понравился.

– Не вы первая и не вы последняя увлекаетесь наружностью этого господина! Послушайте моего дружеского совета: ограничьтесь портретом графа и избегайте личного знакомства с ним.

– Не думайте, что я в него влюбилась, просто он меня интересует.

– И это небезопасно... Он деспот, Дон Жуан, закоренелый эгоист, человек бездушный, безнравственный, беспощадный!

– Боже, какими ужасными красками вы описываете его!

– Не одну несчастную жертву удалось мне вырвать из когтей этого изверга!.. Я пристально слежу за ним... Еще раз повторяю вам: это знакомство приведет вас к неминуемой гибели!

– Не беспокойтесь, я благоразумна. Ему не удастся опутать меня своими сетями.

– В таком случае, вы будете единственная женщина, не поддавшаяся дьявольскому обаянию этого хитрого человека.

Бедросов пообедал с Эммой в одном из лучших ресторанов города. После обеда они долго катались в коляске по окрестностям. Было уже почти темно, когда девушка вернулась домой. Вскоре приехал и Казимир Ядевский. Елена разыгрывала роль тетушки и наливала чай, сидя перед кипящим самоваром. В камине весело трещали дрова, хозяйка была в отличном расположении духа, что не ускользнуло от

внимания ее собеседника.

– Чему ты удивляешься? – спросила она, – ты сделался благоразумнее, я сознаю себя в безопасности, вот почему я так весела.

– Следовательно, моя любовь к тебе безрассудна?

– Более того.

– Опасна?

Эмма утвердительно кивнула головой.

– Я не смею тебе этого объяснять, – прибавила она, – но поверь мне, эта любовь не принесет тебе счастья, по крайней мере, в том смысле, как ты его понимаешь.

– Неужели ты намерена до конца жизни остаться весталкою?

Горькая усмешка скользнула по губам красавицы.

– Я отказалась от всех стремлений молодого сердца и поступила совершенно сознательно. Я смотрю на жизнь, как на странствие по необозримой долине скорбей. Сама природа представляется мне в виде демона-искусителя, ведущего род человеческий к гибели. Она, подобно древнему змию, обольстившему праматерь нашу Еву, прельщает нас таинственным шелестом листьев в лесу, журчанием ручейка, звонкой песнью соловья и легким дуновением ветра. Она тешит нас призраками любви, дружбы и ангельской улыбкой невинных детей. Все это не более как сети, которыми опутывает нас враг рода человеческого. Мы до такой степени поддались его пагубному влиянию, что грешим на каждом шагу,

сами того не сознавая.

– По твоему мнению, человек должен добровольно отказаться от всего, что украшает его жизнь?

– Да, должен.

– Да ведь это будет не жизнь, а каторга!

– Тебя я люблю как друга, как брата, но тебе никогда не удастся увлечь меня в греховный вихрь иной любви.

В эту минуту позвонили у подъезда, и кто-то постучал в дверь. Елена вышла в коридор, где ее ждала женщина, закутанная в серый платок, из-под которого выглядывали большие блестящие глаза. Переговорив с таинственной незнакомкой, Елена вернулась в гостиную и, воспользовавшись минутой, когда Казимир подошел к лампе, чтобы закурить сигару, шепнула Эмме на ухо:

– Сюда приходила еврейка, хозяйка Красного кабачка.

– Что ей нужно?

– Она сделала какое-то важное открытие и рассчитывает на вашу помощь.

– Почему бы ей самой не объявить об этом?

– Она не решается.

– Хорошо, я согласна помочь ей.

– Бог наградит вас за это, добрая барышня!

– Когда же я ей понадобится?

– Это мы узнаем в свое время.

VII. Анюта

Через несколько дней после своего возвращения в Киев Ядевский вспомнил, что мать дала ему письмо к своей приятельнице Огинской, и поспешил доставить его по адресу. Старик Огинский был потомок древней аристократической фамилии, человек богатый, образованный, любезный – безукоризненный во всех отношениях.

Подъехав к роскошному барскому дому, стоящему на одной из центральных улиц старого города, Казимир вошел в переднюю и подал лакею свою визитную карточку. Минуту спустя перед ним отворились двери большой, со вкусом отделанной залы, где его встретил хозяин дома. Это был мужчина лет пятидесяти, среднего роста, – типичный польский аристократ, стройный, ловкий, проворный и разговорчивый. Он предложил гостю сигару и с утонченной любезностью светского человека пригласил его в гостиную, куда вскоре вплыла супруга его, маленькая, очень толстая дама лет сорока. Она беспрестанно вздыхала; то ли из-за своей непомерной толщины, то ли из желания продемонстрировать озабоченность безнравственностью современного общества.

Молодой человек передал ей письмо своей матери, которое она прочла со слезами на глазах; затем начались разговоры о житье-бытье старушки Ядевской.

– Мне очень приятно, что вы посетили нас именно те-

перь, – прибавила Огинская, – моя дочь, Анюта, только что приехала из Варшавы, где она воспитывалась в пансионе. Я надеюсь, что вы с нею подружитесь; мы с вашей матушкой всегда жили душа в душу.

«Подросток, – подумал Казимир, – так, какая-нибудь кукла!.. Незавидное знакомство!»

Не прошло и минуты, как он убедился в своем заблуждении.

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату вбежала прехорошенькая брюнеточка в розовом платье, с мячиком в руке. Увидя гостя, она сконфузилась, покраснела и остановилась посреди гостиной, не зная, что ей делать.

– Дочь моя, Анюта. Сын моей приятельницы, Казимир Ядевский, – представила их друг другу Огинская. – Надеюсь, что вы скоро сойдетесь поближе.

Девочка сделала глубокий реверанс, не осмеливаясь взглянуть на гостя, который был буквально ослеплен ее красотой. Анюта была прелестна: круглое свеженькое личико с румяными щечками, маленький ротик, вздернутый носик, густые черные волосы, заплетенные в две косы, добрые, но плутовские глаза, – все в ней дышало неотразимой прелестью юношеского, почти детского возраста.

В эту минуту в книге судеб появилась запись о том, что эти два чистых, невинных существа будут принадлежать друг другу.

– Пойдемте в сад, – начала Анюта серебристым голоском,

напоминавшим пение жаворонка, – я покажу вам мои цветы, моих голубей, моих котят и моего милого Куцика... Можно, мама?

– Ступай, дитя мое, забавляйся, пока еще не настало для тебя время горестей и разочарований, – и глубокий вздох вырвался из груди толстой дамы.

Проворно сбежав по ступенькам террасы, Аня взяла Казимира под руку, лукаво улыбнулась и сказала:

– До сих пор я ужасно боялась офицеров, но вас я вовсе не боюсь.

– Вам не за чем их бояться: один ваш взгляд повергнет их всех к вашим ногам.

– Берегитесь, как бы я не начала с вас, – пошутила милая девочка, грозя пальчиком, и повела гостя через сад на задний двор, посреди которого стояла голубятня. Голуби переполошились, поднялись в воздух и тотчас же опустились на голову и плечи своей хозяйки, которая сыпала им корм из принесенной с собою корзиночки.

– Теперь пойдете к котяткам, – сказала Аня, – но для этого нам надо будет взобраться на сеновал... Ступайте вперед и протяните мне руку.

Казимир отстегнул шпагу и помог девушке подняться по лестнице на сеновал, где их с радостным мяуканьем встретила старая пестрая кошка, окруженная семью прелестными котятками.

– Какие они хорошенькие и ласковые! – воскликнула

Анюта, целуя и глядя крошечных зверьков. – Я сама кормлю их, и они меня узнают; как только я покажусь, тотчас же бегут мне навстречу.

Спустившись обратно во двор, шалунья схватила шпагу и побежала в парк.

– Теперь вы мой пленник! – закричала она. – Догоните меня, иначе я не отдам вам вашего оружия!

Казимир побежал вслед за ней. Преследование продолжалось до тех пор, пока платье Анюты не зацепилось за куст шиповника. Юноша догнал ее и обнял за талию. Девочка хохотала от души и в эту минуту казалась еще очаровательнее.

– Вы бы меня не поймали, если бы не этот противный куст! – проговорила она, садясь на скамейку.

Не прошло и пяти минут, как к ней подбежал хорошенький черный пони.

– Вот и мой милый Куцик! Папа купил его в цирке. Он бегаёт за мною, как собачка, и, кроме того, умеет делать разные фокусы. Ну, дружок, покажи себя.

Анюта сорвала с дерева ветку, подозвала лошадку к забору, ударила ее слегка по спине и закричала:

– Вперед, голубчик, гоп! гоп!

Пони несколько раз ловко перепрыгнул через забор; потом принес брошенный ему носовой платок и, наконец, встал на колени перед своей барышней. В награду за это он получил два кусочка сахара.

– Как он хорошо выдрессирован, – заметил Казимир, –

впрочем, неудивительно, что он охотно исполняет приказания такой повелительницы, как вы. Да я счел бы за величайшее счастье...

– За этот комплимент вы будете наказаны. Посмотрим, так ли вы послушны, как мой Куцик.

– Приказывайте.

– Извольте... Вперед! Гоп!

Казимир перепрыгнул через забор.

– Еще раз!

Резвушка заливалась громким смехом, хлопая в ладоши.

– Теперь платок... Apporte ici!

И это приказание было немедленно исполнено.

– Что же дальше? Я жду!

– Ну, на колени... – проговорила Анюта и покраснела до ушей.

– Неужели я не заслужил кусочка сахара?

Оба расхохотались, как дети.

– Вы на меня не сердитесь? – спросила милая девочка, кладя ему в рот кусочек сахара.

– За что же?

– За мою глупую шутку... Не подумайте, что я зла... Когда вы узнаете меня поближе, вы увидите, что сердце у меня предоброе... Теперь прощайте, – прибавила она, вырывая у него руку, которую он покрывал поцелуями, – ко мне сейчас придет учитель музыки... Приходите к нам почаще, пока еще не холодно и можно играть в саду. Вот, например, хоть

бы завтра...

– Непременно приду... Благодарю вас за приглашение.

В тот же самый день, после обеда, посетил Огинских иезуит, патер Глинский, – человек светский, ярый патриот и усердный служитель церкви. Он был отличным проповедником и состоял чем-то, вроде гофмейстера, при особе графа Солтыка, которого в былое время воспитывал. Ходили слухи, что он даже и теперь позволяет себе давать наставления этому своенравному богатому господину. Патер был видным мужчиной, напоминавшим скорее дипломата, чем теолога. Правильные черты лица, умные, как бы заглядывающие в глубину души глаза, изящные манеры, элегантные обороты речи, – одним словом, все изобличало в нем человека, привыкшего ходить по гладкому паркету дворца, а не по каменному полу церкви. Ловкий иезуит привык давать советы в роскошном будуаре, а не в изъеденной червями исповедальне.

– Я полагал, что вы еще в деревне, – сказал Огинский, идя навстречу своему гостю.

– Мы вернулись вчера, – ответил патер. – Граф заскучал.

– А знаете ли вы, что моя Анюта уже окончила курс в пансионе?

– Неужели? Следовательно, она уже не ребенок, а взрослая барышня. Где же она? Как бы мне хотелось ее увидеть!

– Она гуляет в саду со своими подругами. Хотите, я позову ее?

– Нет, не надо, я сам пойду к ней.

Патер Глинский надел шляпу с широкими полями и отправился в сад, где застал девушек за игрою в волан. Анюта подбежала к нему и обняла за шею.

– Как вам не стыдно, ведь вы уже не ребенок! – шутя, заметил ей иезуит, с видом знатока любуясь расцветающей красотой.

– Что ж за беда? Я вас люблю по-прежнему! Поиграйте с нами в жмурки!

– Помилуйте! Это неприлично моему сану!

– Вот увидите, как это будет весело.

Шалуны подхватили патера под руки, отняли у него шляпу и трость, завязали ему глаза носовым платком и с громким смехом начали скакать вокруг него. Напрасно злополучный иезуит старался поймать одну из них; кончилось тем, что он, выбившись из сил, обхватил руками Анютиного пони. Проказницы были в восторге. Они посадили патера верхом на лошадку и торжественным маршем двинулись по аллеям.

VIII. Красный кабачок

Утром, когда Елена осторожно вошла в спальню к Эмме, та уже проснулась. Ее роскошные волосы раскинулись по подушке, окружив прелестное личико золотистым ореолом.

– Мне хочется еще полежать... я устала, – проговорила красавица, щуря глазки.

– Понежьтесь, милая барышня, поберегите свои силы для нынешнего вечера, – ответила старуха и таинственно прибавила. – К нам опять приходила еврейка. Она просит вас пожаловать в Красный кабачок.

– Сегодня вечером?

– Да, часов в десять.

– Хорошо.

Утром заезжал Казимир Ядевский, но его не приняли. После обеда Эмма вышла со двора вместе с Еленой, внимательно осмотрела вход в таинственный кабачок и попросила свою мнимую тетюшку указать ей, где дом купца Сергича.

– Отдайте ему эту записку, – сказала девушка своей спутнице, когда они подошли к дому, – я подожду вас здесь, на тротуаре.

Поздно вечером Эмма, закутанная с головы до ног, отправилась без провожатой в дом Сергича. Купец принял ее в маленькой комнатке с закрытыми ставнями: почтительно поцеловал руку, усадил на диван и, стоя, стал ожидать приказа-

ний.

– Знаете ли вы, зачем я сюда пришла? – спросила Эмма.

– Я знаю все, сударыня, и готов служить вам по мере сил и возможности.

– Мне придется довольно часто бывать у вас, не вызовет ли это подозрений?

– Ни в коем случае. Я попечитель братства Сердца Господня, и меня нередко посещают знатные дамы.

– Посланные мною вещи здесь?

– Точно так.

– Позвольте мне переодеться.

Не прошло и четверти часа, как из дома купца Сергича вышел стройный красивый юноша в венгерке из темно-синего сукна, высоких сапогах и меховой шапочке. На плечи его была накинута шинель, в кармане лежал заряженный револьвер. Эмма превратилась в мужчину, словно бабочка, стряхнувшая золотистую пыль со своих крылышек.

Улица, на которой стоял Красный кабачок, была плохо освещена.

Девушка осторожно отворила калитку, вошла во двор и, приложив два пальца к губам, тихонько свистнула. К ней тут же выбежала хозяйка кабачка, Рахиль, и шепнула ей на ухо:

– Он уже здесь.

– Господин Пиктурно?

– Да... Поговорите с ним.

– Прежде чем принести его в жертву, я попробую обратиться

его на путь истинный.

– Напрасный труд, этот человек должен погибнуть... Я сумею лучше вас устроить это дело. Мальчик влюблен в меня по уши и готов повиноваться мне беспрекословно, – прибавила еврейка, уходя обратно в кабачок. Эмма заглянула в окно.

Ее глазам предстала обширная комната с почерневшими стенами, на которых были развешаны плохие гравюры. Широкая выручка да несколько столов и скамеек составляли всю ее меблировку. В углу за печкой сидел молодой человек лет двадцати и, по-видимому, дремал. Это был Юрий, один из самых ревностных помощников содержательницы кабачка. Перед выручкой, развалясь в старом ободранном кресле, сидел юноша с вьющимися черными волосами и не спускал глаз с прекрасной еврейки. Это был Владислав Пиктурно, студент Киевского университета, сын богатого польского землевладельца. Судя по наружности, он был человек робкий, застенчивый, даже апатичный.

Дверь медленно отворилась и на пороге показалась Эмма – Рахиль бросилась к ней навстречу.

– Пожалуйте, барин, – сказала она. – Что прикажете подать, рюмку вина или коньяку?

– Коньяку, – отвечала Эмма, садясь на скамейку у одного из столов.

– Кто это? – спросил Пиктурно у еврейки.

– Не знаю, – ответила она, – он никогда не бывал здесь.

– Ты лжешь! Это один из твоих обожателей... Как его зовут?

– Откуда же я знаю? Спросите у него сами.

– Вы, вероятно, студент здешнего университета? – обратился Пиктурно к мнимому молодому человеку.

– Нет, я в Киеве только проездом.

– Вы едете в Одессу?

– Да, в Одессу.

Наступила довольно продолжительная пауза. Рахиль собрала пустые бутылки и грязные стаканы и вышла из комнаты.

– Прелесть, что за женщина, не правда ли? – подмигнул студент в направлении двери.

– Эта еврейка?

– Ну да!

– Я совершенно равнодушно отношусь к женщинам, они мне давно надоели!

– Понимаю! Но времена Онегина и Печорин уже прошли. Наше поколение смотрит на женщин иначе и признает их созданиями низшей организации по сравнению с мужчинами.

– Вы забываете, что между женщинами есть своего рода хищницы, готовые растерзать вас с улыбкой на устах.

– Положим, что и так, но мы живем, любим и наслаждаемся жизнью, не помышляя о таких ужасных последствиях.

– Ну, стоит ли ради этого жить на свете?

– Заметно, что вы начитались Трентовского «Польский

Шопенгауэр». (*Примечание автора.*)

– Я и в руки не брал ни одного из его сочинений.

– Почему же вы, в ваши годы, с таким равнодушием, даже с таким презрением относитесь к жизни?

– Потому что сознаю все ее ничтожество, – отвечала Эмма, – и вижу в ней лишь временное и утомительное странствование, нечто вроде чистилища. Назовите мне хоть одно наслаждение, которое не окупалось бы потом кровью или слезами нашего ближнего? Куда ни посмотришь – везде кража, насилие, рабство, убийство!

Вот почему я возненавидел жизнь и отрекся от ее радостей.

– С такими воззрениями вам бы следовало стать попом или монахом! – захохотал Пиктурно. – Но здесь не место для проповеди, и вы не измените моего образа мыслей... Эй, Рахиль, подайте сюда бутылку вина!.. Позвольте предложить вам стаканчик венгерского? – обратился он к своему собеседнику.

– Я охотно выпью, если вы позволите мне в свою очередь угостить вас.

– С удовольствием.

Молодые люди чокнулись.

– Вы, должно быть, медик? – спросил студент, закуривая сигару.

– Нет, я философ.

– Безбородый Сократ! Но чтобы сделаться настоящим

мудрецом, вам нужно обзавестись Ксантипою!

– Перестаньте издеваться над бедствиями рода человеческого, – возразила Эмма, строго взглянув на свою жертву бесстрастными синими глазами. – Неужели вас тешат вопли мучеников, проклятия обманутых, рыдания погибающих?.. Оглянитесь вокруг, посмотрите на самого себя – и вы ужаснетесь!

– К черту все это! Я хочу веселиться, а не ужасаться. Допустим, что вы правы. В таком случае, мы должны стараться забыть все эти бедствия, а для этого есть только два способа: вино и женщины... Да здравствует любовь!.. Чокнемся!

Эмма отрицательно покачала головой.

– Так предложите другой тост.

– Пью за то, что избавляет нас от всех житейских невзгод... Да здравствует смерть! – торжественно провозгласила Эмма, поднимая свой стакан.

– Сумасшедший, – проворчал Пиктурно, между тем как юная фанатичка с каким-то благоговением выпила несколько глотков вина.

В эту минуту в кабачок ввалилась целая толпа пьяных мастеровых, распространяя вокруг запах тютюна и водки.

Эмма на прощание протянула студенту руку.

– Вы уже уходите? – спросил тот.

– Да, мне не нравится это общество.

– До свидания!

На дворе еврейка догнала Эмму и сказала:

– Теперь вы убедились, что я не обманула вас. Я знаю, как трудно обратить этого человека!

– Я с ним поговорю еще раз.

– Зачем? – как змея прошипела Рахиль. – Это только потеря времени, а он между тем ускользнет от нас. Сегодня он в меня влюблен, а завтра, быть может, променяет на другую. Если вы уже решили принести его в жертву, то сделайте это как можно скорее.

Эмма почувствовала, как мурашки пробежали у нее по спине.

– Сегодня? – спросила она.

– Нет, не сегодня и не здесь, но непременно в ближайшие дни... Вы не боитесь ехать по лесу ночью?

– Я не боюсь ничего, когда речь идет о спасении погибающей души. Скоро ли ты передашь его в мои руки?

– Елена даст вам знать, когда наступит время.

– Хорошо, я принесу его в жертву.

Еврейка кивнула, и губы ее расплылись в кровожадной улыбке.

На улице не было ни души. Эмма закуталась в шинель и быстрыми шагами пошла к дому купца Сергича, чтобы снова переодеться в женское платье. Возвращаясь домой, она заметила, что ее преследует молодой человек. Это ее встревожило: она прибавила шаг и свернула на одну из людных улиц, надеясь исчезнуть в толпе. Но незнакомец не терял ее из виду. Тогда она остановилась и грозно посмотрела на него. Но

это не помогло.

– Жестокая красавица! – шепнул он ей. – Ледяная богиня любви!

Убедившись в том, что причиной преследования была ее внешность, Эмма спокойно продолжала свой путь. Незнакомец проводил ее до самого подъезда. Войдя в комнату, девушка приказала не зажигать свечей и, подойдя к окну, увидела, что таинственный поклонник ее все еще стоит у нее перед домом.

– Мечтай, голубчик, – подумала она, – мечты сладки, но каково-то будет пробуждение.

IX. Граф Солтык

Было светлое, морозное октябрьское утро. Яркие, но холодные лучи солнца золотили фасад роскошного графского дома. Пестрое, фантастическое здание несло на себе черты всех эпох и архитектурных стилей – в нем соединились элементы и древнепольской и византийской и современной французской архитектуры.

В обширной зале, украшенной дорогими картинами и статуями, собралось несколько человек – представителей разных сословий, – которым была назначена аудиенция. Все они более или менее боялись грозного, властолюбивого, непредсказуемого графа Солтыка и с озабоченным видом справлялись у старика камердинера, в каком настроении барин.

Красивый молодой деспот сидел в своем рабочем кабинете и пробежал взглядом поданные ему письма. Правильные, но суровые черты лица его обрамлялись целой копной черных волос и черной же небольшой бородой. Легкий румянец играл на щеках. Гордость, пылкость и отвага так и светились в больших черных глазах, взгляд которых был одновременно и грозен, и лукав, и загадочен. Стройный, но не высокий стан его, красотой пропорций и силой мускулов напоминал стан римского гладиатора. Граф был закутан в желтый атласный, подбитый горностаем халат; на ногах его были красные сафьяновые сапоги.

Прочитав письма, граф отбросил их в сторону и позволил. В комнату вошел казачок с чашкой кофе на серебряном подносе. Суровый взгляд барина до такой степени смутил бедного слугу, что он вздрогнул, фарфоровая чашка с портретом короля Станислава Августа упала на пол и разбилась вдребезги. Несчастный зарыдал, бросился к ногам своего грозного хозяина и проговорил умоляющим голосом:

– Виноват, ваше сиятельство, простите меня... я сделал это нечаянно...

– Знал ли ты, что эта чашка досталась мне в наследство от моей бабушки? – спросил граф.

– Пощадите, Христа ради!

– В другой раз будь осторожнее, – проворчал деспот, насупив брови. – А теперь убирайся к черту, собачья кровь! – И граф толчком ноги отбросил несчастного мальчика за дверь.

Старик камердинер подал барину другую чашку кофе и на вопрос:

«Много ли собралось народу в приемной?» – ответил:

– Четверо жидов, комчинский управляющий, скрипач Бродецкий и несколько человек крестьян.

– Впускай их ко мне по очереди, а когда придет частный пристав, приди доложить.

Не прошло и минуты, как в полуотворенную дверь протиснулись четыре еврея и, беспреестанно кланяясь и изгибаясь, направились в сторону графа.

– Что вам нужно? – усмехнулся граф.

– Мы, всепокорнейшие рабы вашего графского сиятельства, – отвечал один из них, – пришли умолять вас... окажите нам благодеяние...

– Как тебя зовут?

– С вашего позволения я Вольф Лейзер-Розенштраух... это мой тесть, это мой зять, а это мой брат... на дворе стоят мои родственницы: теща, сестра и жена с семьей маленькими ребятишками.

– В чем состоит ваша просьба?

– Мы желаем снять в аренду шинки в имении милостивого нашего благодетеля...

– Хорошо, я согласен; ты человек аккуратный.

– Награди вас Боже, господин граф, и деточек ваших, и внучков ваших!..

– погоди! даром ты от меня ничего не получишь.

– Чем же прикажете нам заслужить такую великую милость?

– Протанцуйте здесь передо мною кадрили.

– О, вей мяр! Да как же мы будем танцевать без музыки?

– За этим дело не станет.

Граф позвонил и приказал позвать своего кучера, большого охотника играть на скрипке. Минуту спустя комната огласилась пронзительными звуками плохого инструмента. Танцоры выделяли преуморительные па, а граф хохотал, как ребенок.

Наконец комедия закончилась, евреи ушли, и в кабинет

вошел управляющий. Он был бледен, глаза его беспокойно бегали – было очевидно, что он трусит.

– Занятные вещи узнал я о вас, милейший! – начал помещик, закутываясь в халат. – Вы корчите из себя барина в моем имении! По чьему приказанию вы рассчитали кастеляна?

– Он горький пьяница, ваше сиятельство, и я полагал...

– Не смейте рассуждать! Вы обязаны повиноваться и больше ничего... Кто приказал вам построить новую ригу?

– Старая сгорела в прошлом году.

– Вы должны были донести об этом мне... Да, вы приказали вырубить сотню лучших дубов в моей роще, – это зачем?

– Нам дали за них хорошую цену...

– Вы мне больше не слуга, – решил Солтык.

– Пощадите меня, ваше сиятельство! – взмолился управляющий. – Не погубите! У меня жена, дети!

– Идите, вы мне больше не нужны.

– Мне остается только застрелиться!.. Сжальтесь надо мной... Накажите меня, как вам угодно, только не лишайте куска хлеба.

– Да накажи я только вас, – так, для примера, – как на меня со всех сторон нападут здешние власти и привлекут к ответственности.

– Клянусь Богом, что я не пожалуюсь! Не отказывайте мне от места...

Пожалейте!

Граф усмехнулся.

– Говорят, что вы разъезжаете четверкою в карете? – заметил он. – А жена ваша выписывает туалеты из Парижа, и все это делается на те деньги, которые вы у меня крадете. Ну, хорошо, я вас накажу... С этого дня вы будете исправлять должность цепной собаки, это приучит вас к покорности.

Солтык позвонил.

– Отведи этого господина в собачью конуру и посади его на цепь, – сказал он вошедшему камердинеру. – Вечером освободишь его. Есть ли у вас часы? – прибавил он, обращаясь к управляющему.

– Есть, ваше сиятельство.

– Через каждые десять минут вы должны громко лаять...

Понятно?

– Понятно.

Солтык кивнул головою, и сконфуженный, до глубины души оскорбленный управляющей вышел из кабинета со слезами на глазах.

Доложили о приезде Бедросова, и граф немедленно принял его.

– Ну, что? – спросил он, пожимая руку полицейского чиновника.

– Дело улажено, граф, но это обойдется вам очень дорого.

Солтык вздохнул свободнее. Это была скверная история, вполне обнаруживавшая нероновский темперамент избалованного барина, но и тут Бедросов его выпутал. В одном из имений графа сельский священник не согласился похоро-

нить самоубийцу на общем кладбище. Разгневанный помещик поклялся, что он за это закопает в землю самого служителя церкви и сдержал свое слово. Он приказал своим слугам связать его по рукам и ногам, положить в гроб, опустить в могилу и слегка прикрыть землей. Минуту спустя священник был освобожден, но эта варварская шутка имела самые пагубные последствия: несчастный так сильно испугался, что у него обнаружилась горячка и он вскоре умер. Бедрову удалось замять это дело, и он был щедро вознагражден графом.

Проводив частного пристава, граф выслушал просьбы своих крестьян и приказал позвать скрипача Бродецкого, который получал от него ежегодную субсидию. Легкомысленный юноша наделал долгов, благодетель узнал об этом стороной и, без церемонии, отхлестал молодого артиста по щекам.

Вслед затем в кабинет вошел бывший воспитатель графа, иезуит патер Глинский, единственный человек, имевший влияние на необузданного деспота, быть может, потому, что обращался с ним чрезвычайно осторожно и никогда слишком явно не обнаруживал своей нравственной власти над ним.

– Здравствуй, святой отец! – приветствовал его Солтык. – Ну, что новенького?

– Анюта Огинская вернулась из пансиона, – это самая свежая новость в Киеве.

Граф равнодушно пожал плечами.

– Не возражайте преждевременно, любезный граф, – продолжал патер, – вы еще не знаете, что за прелестное создание эта Аня Огинская! Она расцвела, как майская роза; это такое совершенство во всех отношениях, что... Взгляните на нее сами и тогда уж излагайте о ней свое мнение.

– Быть может... В детстве она подавала надежды сделаться хорошенькой.

– Теперь она красавица в полном смысле слова, – прибавил иезуит. – Девушка умная, добрая... так что, будь я на вашем месте, то непременно бы женился на ней.

– Вам хочется женить меня?

– Я очень хорошо знаю, что вы не слушаетесь моих советов и делаете все по-своему; тем не менее я имею право желать, чтобы вы наконец изменили этот дикий образ жизни.

– Почему же?

– Почему? – переспросил патер Глинский. – А потому, что я искренне люблю вас и предчувствую, что ваши необузданные выходки будут иметь печальные последствия.

– Уж не вздумали ли вы запугать меня? – надменно произнес аристократ. – Я не стремлюсь дожить до преклонных лет и не хочу банально, как все, закончить свою жизнь... Мне завидна смерть Сарданапала... Погибнуть в огненном море!.. Вот это я называю наслаждением!.. Жизнь давно уже утратила для меня всю свою прелесть. Да и долго ли продолжится эта нелепая жизненная комедия? Стоит ли тянуть ее до седых волос? Нет, слуга покорный! Я от души презираю ра-

дости престарелого дедушки, любящегося своими внучатами... и тому подобное дурацкое, мещанское блаженство... Мне бы следовало родиться на ступенях трона, повелевать миллионами верноподданных... О! Тогда бы я удивил весь мир своими подвигами!.. А я стеснен, так сказать, вставлен в узкую рамку... вот почему мне опротивела жизнь... Иногда мне кажется, что я лев, замкнутый в душную клетку, которому на самом деле следовало бы мчаться по необозримым пустыням...

Наступила довольно продолжительная пауза.

– И в настоящем вашем положении вы можете сделать много добра вашим ближним, – начал хитрый иезуит, – кроме того, на вас возложены обязанности... С вашей смертью прекратится древний, знаменитый род ваших доблестных предков.

Солтык глубоко задумался.

– Женщина не может наполнить и украсить моей жизни... для меня она не более как сорванный и затем отброшенный цветок, – возразил он. – Я взгляну на Анюту Огинскую, почему же нет? Ведь я при этом ничем не рискую.

– Это совершенно справедливо, – с принужденной улыбкой заметил патер Глинский и прибавил: – Не хотите ли сыграть партию в шахматы, граф?

– Извольте!

Х. Волк

Не прошло и двух дней, как Казимир Ядевский снова отправился к Огинским и застал Анюту в саду, где она играла в горелки со своими подругами. Увидев молодого офицера, барышни начали приглаживать свои растрепавшиеся волосы и оправлять туалет, только одна Анюта не позаботилась об этом и с раскрасневшимися щечками побежала навстречу своему гостю.

– Как вы хорошо сделали, что пришли к нам! – воскликнула она, глядя на него блестящими от радости глазами. – Теперь мы вдоволь набегаемся!

Молодая хозяйка представила Казимира своим приятельницам: Генриетте Монкони, стройной девушке с темно-русыми волосами и прелестными голубыми глазами, Катеньке Калашниковой, похожей на испуганную газель, и Ливии Доргвилла, блондинке с обворожительными профилем.

– Давайте играть в городки, – предложила последняя, медленно, как бы нехотя произнося слова.

– Нет, лучше в волка, это гораздо веселее! – перебила ее Анюта.

– Кто же будет волком? – спросила Генриетта.

– Разумеется, господин Ядевский.

– Кого же будете изображать вы, mesdames? – спросил офицер, снимая шпагу.

– Собак, которые будут травить волка.

– А когда мы вас поймаем, – вмешалась Анята, – вы должны будете в продолжение целого вечера исполнять все наши приказания. Вам дается десять минут на то, чтобы спрятаться, а затем начнется травля. Вы можете употреблять всевозможные хитрости, но не смеете выбегать за садовую ограду.

Барышни побежали по дорожке к дому, а Казимир нашел себе убежище под кучей рогож, лежавших у дверей оранжереи. Несмотря на то, что это была только игра, сердце юноши замерло, когда звонкие девичьи голоса снова раздались в саду и разноцветные шубки их начали мелькать там и сям между зеленью кустарников.

Вдали, у бассейна, показалась стройная фигура в темно-лиловой бархатной шубке; это, должно быть, Генриетта. Вот Катенька с кошачьей ловкостью пробирается между отцветшими кустами роз; а там мелькнуло что-то белое, как снег, – это обложенная горностаем синяя кофточка Ливии. Но где же Анята? Она только раз показалась в конце большой аллеи и потом исчезла.

Катенька подошла очень близко к оранжерее, но не заметила волка, и тот с облегчением вздохнул, когда ее светленькая юбочка скрылась за кустами георгинов. Генриетта постояла несколько минут в раздумье у бассейна и углубилась в чащу парка. Этих двух Казимир не боялся; опасность представляла Ливия, и он уже начал обдумывать план побега в случае нападения. Ровными, медленными шагами Ли-

вия приблизилась к оранжерее, приподняла рогожу и проговорила совершенно равнодушным тоном:

Вот где вы спрятались.

Казимир с быстротой стрелы перепрыгнул через ограду и обратился в бегство, но Ливия и не думала его догонять.

По лугу навстречу ему бежала Генриетта и тут же, из-за старой сосны, внезапно появилась Катенька. Началась настоящая травля – по парку разносился веселый смех. Ловко преследовали хищника быстроногие собачки, но ему наконец удалось пробиться сквозь густой кустарник и скрыться в глубине парка. Он прислонился к стволу развесистого дерева, собираясь отдохнуть, как вдруг две нежные ручки обхватили его, и послышалось радостное восклицание: «Поймала!» Казимир оглянулся и, увидев так близко от себя прелестное личико Анюты, не устоял против искушения и крепко поцеловал ее в губы. Девочка не стала защищаться и не рассердилась – ее удивило и обрадовало это первое проявление юношеской любви. Шорох приближающихся шагов заставил ее опомниться и оттолкнуть от себя молодого человека.

– Я поймала волка! – объявила она подошедшей к ним Ливии.

Вслед за Ливией прибежали Генриетта и Катенька.

– Теперь он сделался твоей собственностью; что прикажешь ты ему делать? – спросила последняя.

– Он обязан ухаживать за мной целый вечер.

– Да это награда, а не наказание! – возразил юноша.

– Вот увидите, как я вас буду мучить! – и милая девочка взглянула на него с такой любовью, что он готов был снова прижать ее к своей груди, – вот только мешали подруги.

– В саду уже сыро, не пора ли нам вернуться в комнаты? – заметила Ливия.

Разумное предложение было принято единодушно, и барышни вместе со своим кавалером пошли по направлению к дому. В конце большой аллеи они повстречались с двумя молодыми людьми, Сесавиным и Беляровым. Первый из них был блондин, высокого роста, с густыми, вьющимися волосами и бородой. Второй казался апатичным: черты его лица были мягкие, невыразительные; сонные глаза равнодушно глядели на все и на всех; ноги, казалось, с трудом удерживали тяжесть мощного, богатырского тела.

Анюта познакомила молодых людей с Ядевским, и все общество отправилось в залу, где занавеси на окнах были уже опущены и лампы зажжены. Молодежь немедленно затеяла игру, состоящую в угадывании под звуки музыки заочно данного приказания.

– Кто начинает? – спросила Ливия, садясь к роялю.

– Господин Ядевский, я приказываю вам удалиться на несколько минут из залы! – с неподражаемо грациозным, повелительным жестом произнесла Анюта и прибавила: – Приказываю, понимаете?

– Повинуюсь беспрекословно, – отвечал офицер, уходя в смежную комнату.

– Он должен вынуть из этого букета розу и подать ее Анюте, – сказала Катенька.

– Стоя на коленях, – добавила Генриетта.

– И поцеловать ей руку, – заключила Ливия.

– Хорошо... Господин Ядевский, пожалуйста!

Казимир вошел и в недоумении остановился посреди залы. Ливия наигрывала нужную мелодию. Когда юноша подошел к столу, на котором стоял букет цветов, звуки музыки усилились; громкий аккорд раздался в ту минуту, когда он вынул розу. Не долго думая, он быстрыми шагами подошел к Анюте, упал перед ней на колени, подал ей цветок и крепко прижал ее руку к своим губам.

Ливия заиграла кавалерийский марш; вся публика вторила ей громкими единодушными рукоплесканиями.

– Вы, наверно, подслушали! – надув губки, заявила Аня.

– Уверю вас, что нет... Я повиновался велению моего сердца.

Яркий румянец, как зарево, разлился по лицу девушки; она отошла в сторону и продолжала распорядиться игрой. Все присутствующие поочередно угадывали приказания, но не всем это удавалось так скоро, как Ядевскому.

– Вы на меня рассердились? – спросил он у Аняты, улучив момент, когда возле нее никого не было. Девочка отрицательно покачала головой.

– Докажите... Дайте мне что-нибудь в знак примирения...

Анюта молча подала ему розу, сопровождая это движение таким взглядом, что Казимиру показалось, будто небо разверзлось над его головой. Этот выразительный взгляд превзошел все его самые заветные мечты, самые пылкие надежды.

После ужина гости разъехались. Мужчины пошли в ближайший ресторан и приказали подать себе чаю.

– По правде сказать, – начал Беляров, – не люблю я такие вечера... Скука смертельная!.. То ли дело – общество молодых женщин! С ними можно разговаривать не стесняясь... Тоска с этими барышнями, канитель тянут!

– В таком случае тебе должна была понравиться Катенька Калашникова, – заметил Сесавин. – Она бойка и развязна, не хуже любой замужней женщины.

– Да... но слишком худощава...

– Ну, так Ливия, у нее роскошные формы.

– Я не скульптор, – пожимая плечами, возразил Беляров.

– Кстати, господа, – сказал Сесавин, – нам надобно условиться, кто за кем будет ухаживать, чтобы не пришлось впоследствии вызывать друг друга на дуэль. Ядевский, признавайтесь, в которую из этих барышень вы намерены влюбиться?

Казимир улыбнулся.

– Я предоставляю вам право выбора, – отвечал он.

– Беляров избирает Ливию, – это уже решено.

– Нет, господа, мне больше нравится Генриетта.

– Как! Эта кроткая лилия?

– На мой взгляд, она очаровательна... Глубокий, задумчивый взгляд ее глаз изобличает мечтательную натуру. Мне кажется, что она будет несчастлива; именно это меня и заинтересовало.

– Хорошо, я уступаю тебе Генриетту, а сам буду ухаживать за Ливией, хотя, откровенно говоря, мне нравится другая девушка...

– Анята?

– Нет... Молодая особа, живущая со своей теткой вдали от шумного света.

Казимир начал прислушиваться.

– Не знаком ли я с ней? – спросил Беляров.

– Нет... Это мадемуазель Малютина. Да вот беда, некому меня ей представить!

– Вы желаете с нею познакомиться? – спросил Ядевский.

– Разве вы ее знаете?

– Это подруга моего детства.

– Быть может, она уже помолвлена?

– Нет.

– Не ухаживаете ли вы сами за ней?

– О, нет! Иначе я не предложил бы вам своих услуг.

– Какое счастье! Благодарю вас, Ядевский!

– Не спешите благодарить... Эмма Малютина загадочное, скажу даже более, опасное существо.

– Эта опасность для меня чрезвычайно привлекательна.

На этом прервался разговор молодых людей.

– Анята Огинская замечательно развилась и похорошела, – зевая и потягиваясь, заметил Беляров.

– Это правда, – подтвердил Сесавин, – но ее и сравнивать нельзя с Эммой Малютиной, точно так же, как женскую голову работы плохого маляра с тициановской богиней.

XI. Ангел или демон?

Поручение, возложенное на Эмму, не подвигалось ни на шаг!

Бездействие надоело ей, она скучала. Однажды вечером сидела она в гостиной у камина и мечтала, как вдруг кто-то позвонил у подъезда.

– Молодой человек просит позволения переговорить с вами, барышня, – доложила ей Елена.

– Кто он такой?

– Не знаю, но это один из наших, его прислал к вам апостол.

– Попроси его войти.

Мужчина высокого роста остановился на пороге и устремил на Эмму долгий, пронизательный взгляд, в немом восторге любуясь ее красотой. Девушка указала ему кресло по другую сторону камина, но он не сел, а вежливо поклонившись, подал ей письмо.

«Посылаю к тебе Карова, – писал апостол, – он оказал нашему обществу значительные услуги и вполне оправдывает мое доверие. Ты можешь распоряжаться им по своему усмотрению».

Эмма быстрым взглядом измерила молодого человека с головы до ног. Он был замечательно хорош собой: стройный стан, горделивая осанка, правильные черты слегка загорело-

го лица, большие синие, глаза, в которых светилось что-то демоническое, не произвели на нашу героиню особого впечатления. Другая на ее месте, наверно, затрепетала бы, чувствуя на себе этот пронизывающий взгляд, а она только подумала: «Наконец-то я дождалась подходящего сообщника!».

– Вы живете в Киеве? – спросила она.

– Да, сударыня, и вполне отдаю себя в ваше распоряжение.

– Благодарю вас... Вы?..

– Я укротитель диких зверей, в зверинце у Грокова.

– Каких же зверей вы укрощаете?

– Я сумею справиться с самым лютым из них! – самоуверенно усмехнулся молодой человек. – Здесь у меня лев, две львицы, тигр, леопард, две пантеры и медведь.

– Можно ли мне будет посмотреть на этих зверей?

– Разумеется, когда вам угодно.

– Я желала бы побывать в зверинце, когда там не будет посторонней публики.

– В таком случае, лучше всего вечером, после представления.

– Я извещу вас заранее, когда соберусь приехать.

Каров молча поклонился и вышел.

Между тем Сесавин уже познакомился с Эммой и зашел к ней именно в тот вечер, когда она запланировала ехать в зверинец.

– Извините, я отлучусь на несколько минут, – сказала она своему гостю, – мне нужно написать записку к укротителю

зверей, Карову... он ждет меня... мне хотелось взглянуть на его питомцев.

– Я вовсе не лишаю вас этого удовольствия и буду очень рад, если вы возьмете меня с собой, – сказал вежливый кавалер.

– С удовольствием, но прежде мы напьемся чаю.

Борис подал самовар. Елена стала разливать чай: в черном шелковом платье, бархатной кофточке и кружевном чепчике она выглядела очень приличной старушкой.

Рассказывая молодой хозяйке городские новости, Сесавин выразил сожаление, что она не посещает киевского общества.

– Ваш большой свет не интересуется меня, – сказала она. – Я придерживаюсь о нем другого мнения, чем девушки моего возраста.

– Я уже слышал об этом от Ядевского, он называет вас философкой.

Эмма улыбнулась.

– Он ошибается, я, в простоте сердца, стараюсь исполнять заповеди Божии и избегать греха.

– Какие мрачные воззрения в ваши годы! Вы созданы для того, чтобы наслаждаться жизнью и делать счастливыми других!

– Мы по-разному смотрим на жизнь... Меня, например, ничто в ней не радует.

– Именно потому вы и должны почаще выезжать в свет и

развлекаться.

– Я ничего против этого не имею, но мне не с кем выезжать; тетушка моя слаба здоровьем и ведет уединенный образ жизни.

– Позвольте мне намекнуть об этом мадемуазель Огинской, и она с радостью предложит вам свои услуги.

– Знакомство с ней я сочту за особенную честь.

– Мы постараемся, чтобы вы не соскучились у нас в Киеве. Вы познакомитесь с графом Солтыком. Это чрезвычайно интересный субъект, хотя и очень опасный... для женских сердец.

– Мне о нем уже говорили.

– Много дурного?

– И дурного, и хорошего.

– Я заранее уверен, что вы с ним поладите. Он также горд, как и вы, и с таким же презрением относится к жизни.

– Разве я горда?

– Еще бы!

– О, вы и не подозреваете, до какой степени я смиряюсь!

– Перед Богом?

– И перед людьми, если они этого заслуживают.

– Вы полагаете, что без жертв самоотречения и богоугодных дел нет счастья на земле?

– Мы должны всеми силами стараться заслужить отпущение наших грехов и жизнь вечную, за пределами гроба, а во всем остальном положиться на волю Божию.

– Да вы фаталистка, как я вижу!

– Нет, но я твердо убеждена, что над нами есть промысел Божий, который управляет всеми нашими мыслями и поступками.

– Следовательно, и кровь проливается на земле по воле Божией?

– Да.

– И вы в этом серьезно убеждены?

– Я докажу вам это на деле сегодня же вечером. Я войду в клетку ко льву, и он меня не растерзает, если это не суждено Богом.

– Извините меня, но такую отвагу можно назвать безумием.

Эмма встала из-за стола, заметив, что пора идти, и, надев шубу, вышла вместе с Сесавиным из дома. Представление уже окончилось. Одетый в красное негр отвел их в зверинец. Каров вышел им навстречу и предложил свои услуги в качестве чичероне.

– Гордые животные, – заметила девушка, останавливаясь у львиной клетки, – чем вы укрощаете этих зверей, господин Каров?

– Взглядом и голосом, – отвечал тот. – Если вам угодно, я могу продемонстрировать это в вашем присутствии.

– Нет, благодарю вас... Мне бы хотелось самой войти в клетку.

– Помилуйте! Вы не умеете с ними обращаться! Да они

вас растерзают!

– Я хочу только попробовать.

– Вы шутите? – спросил Сесавин.

– Нет, я говорю серьезно. Если Господу не угодно, чтобы я умерла сегодня, – лев меня не тронет. Меня так и тянет в эту клетку; я и сама не знаю, что со мной происходит. Если я останусь жива каким-нибудь чудом, это будет значить, что существование мое на земле не бесцельно; если же мне суждено умереть в когтях хищных зверей, то я и на это готова... Позвольте же мне войти в клетку.

– Я не смею этого делать, – отвечал Каров.

– Не смеее? – повторила Эмма. – Ну, так я вам приказываю отворить мне клетку! Понимаете?!

– Я готов повиноваться, но вы войдете туда вместе со мной.

– Нет, я войду одна.

– Ради Бога, не продолжайте этой шутки, не терзайте меня! – взмолился Сесавин.

– Я войду в эту клетку одна, – повторила Эмма и прибавила, обращаясь к Карову: – Подайте мне ваш хлыст и отприте дверь.

– Не смейте этого делать! – воскликнул Сесавин, Но слова его не произвели на Карова никакого впечатления. Им овладело какое-то нравственное оцепенение, под влиянием которого он беспрекословно исполнил приказание Эммы: подал ей хлыст и отворил дверь львиной клетки; но, стоя за ее спи-

ной, он вынул из кармана револьвер и держал его наготове, не спуская глаз с хищника.

Сесавин, бледный, как полотно, стоял перед клеткой, любуясь неустрашимой красавицей, которая так хладнокровно подвергала свою жизнь опасности.

– Вставай! – воскликнула она, толкнув льва ногой в бок. – Растерзай меня, если осмелишься! – и удары хлыста так и посыпались на хищника и его сожительниц.

Озадаченные звери грозно зарычали и попятились. Лев, колотя хвостом по полу, присел на задние лапы, глаза его метали искры... Сердца присутствующих замерли от ужаса... Гибель Эммы казалась неизбежной... А она, отбросив в сторону хлыст и сложив руки на груди, стояла перед разъяренным зверем, словно христианская мученица посреди арены.

– Да будет воля Божия, – проговорила она твердым голосом.

Лев встал на ноги, поднял голову, пристально посмотрел на Эмму и затем преспокойно растянулся у ее ног.

В эту минуту Каров с быстротой молнии подхватил девушку на руки и захлопнул дверь клетки.

– Редкая, невероятная отвага, – проговорил он, едва переведя дух.

По губам красавицы скользнула самодовольная усмешка.

– Не суждено мне было умереть сегодня, – обратилась она к Карову, – очень вам благодарна за то, что вы исполнили мою просьбу, и прошу вас на меня не сердиться.

– Я пережил ужасные минуты и никогда их не забуду, – отвечал Каров.

– Верите ли вы теперь в предопределение судьбы? – спросила Эмма, беря Сесавина под руку.

– Если вам хотелось сделать из меня прозелита, вы в этом вполне преуспели, – ответил влюбленный поклонник.

ХII. Стрела Купидона

Ядевский возвращался домой после развода усталый и задумчивый, не обращая внимания ни на роскошные магазины, ни на щегольские экипажи, ни на идущих по тротуару нарядно одетых женщин. Вдруг с противоположной стороны донесся голос Анюты Огинской, которая в сопровождении старушки няни поспешно переходила через улицу.

– Как я рада, что вы попались мне навстречу! – вскричала девушка, пожимая руку Казимира. – Мы едем сегодня в оперу; надеюсь, вы тоже там будете?

– Непременно.

– И придете к нам в ложу?

– Если вы позволите.

– Вы не заняты службой? – спросила Анюта. – Ну, так проводите меня хоть до бульвара.

– С удовольствием.

Весело болтая, молодые люди дошли до бульвара, где Анюта простилась со своим кавалером.

– До свидания, – сказала она. – Смотрите же, приезжайте в театр ровно в семь часов. На мне будет прехорошенькое платье.

Казимир крепко поцеловал протянутую ему маленькую ручку.

– Вы меня любите? – чуть слышно спросила Анюта.

– Всем сердцем!

– И вы мне очень нравитесь.

Слова эти сопровождались легким кивком головы и самым невинным, очаровательным взглядом.

В семь часов вечера Ядевский был уже в театре и, стоя у лестницы, равнодушно глядел на проходивших мимо женщин. Наконец приехали и Огинские. Увидя Казимира, Анюта приветливо улыбнулась ему и, как сальфида, вспорхнула вверх по ступенькам лестницы в своем розовом шелковом платье и с белым цветком в темно-русых волосах.

Между тем, граф Солтык зевал от скуки, сидя в своей ложе.

Лениво блуждая взглядом по ярко освещенной зале, он вдруг заметил прелестное, почти детское личико Анюты Огинской. Граф мгновенно оживился, щеки его покрылись румянцем, губы задрожали, взгляд так и впился в очаровательную девушку. Оркестр заиграл увертюру, занавес поднялся, началась опера. Граф этого и не заметил – им овладело странное, до сих пор не испытанное чувство. Кровь колотала в его жилах при мысли, что между ним и предметом его страсти стоит несокрушимая стена. Избалованный постоянным успехом у женщин, гордый вельможа считал для себя личным оскорблением то, что девушка не обратила на него ни малейшего внимания, на него, графа Солтыка, миллионера, магната, красавца, – да это невероятно! Как же он был взбешен, когда во время антракта Казимир вошел в ло-

жу Огинских, сел позади Анюты и они начали весело разговаривать. Раздосадованный граф отправился за кулисы и объявил примадонне, что туалет ее отвратителен. Потом зашел в буфет, выпил стакан горячего пунша и уехал домой.

Патер Глинский сидел в кабинете и перелистывал старые фолианты, как вдруг с шумом распахнулась дверь, вошел граф Солтык и, не говоря ни слова, начал ходить взад и вперед по комнате.

– Разве опера уже окончилась? – спросил иезуит.

– Нет еще.

– Что с вами? Вы так сильно взволнованы...

Граф долго не давал ответа, продолжая быстрыми шагами мерить комнату. Наконец он остановился перед своим бывшим воспитателем и пробормотал сквозь зубы:

– Я ее видел.

– Кого?

– Анюту.

– И это заставило вас уехать из театра раньше времени?

– Да... вы знаете, что я враг неясных, загадочных ощущений и двусмысленных положений... но я сам не знаю, что со мною происходит, чего я хочу...

– Все очень просто – вы влюблены.

– Я?! Может быть... Я никогда не бывал влюблен, вот почему и не могу объяснить себе этого чувства... Очень может быть... Я волнуюсь и злюсь, как капризный ребенок!

– Слава Богу! Наконец-то вы влюбились!

– Я сам начинаю этому верить... Вообразите, что я возненавидел офицера, с которым Аня разговаривала и смеялась.

– Ядевский?! Успокойтесь! Он неопасный соперник!

– Я без церемоний вышвырну его, если он будет меня стеснять своим присутствием!.. А что, если Аня его любит?

– Недавно она любила только своих кукол, теперь – любит своих подруг. Сердце этой девочки чисто, как капля утренней росы. Много будет завистников у того, кто им овладеет.

– Мне непременно надо с ней познакомиться.

– Это нетрудно. Огинские примут вас с распростертыми объятиями.

– Неловко... Я так давно у них не был.

– Тем более, они вам обрадуются.

– Так или иначе, но Аня будет моей. Без этого ангела мне не милы ни мое имя, ни титул, ни богатство.

– Брак ваш с этой девушкой возбудит всеобщую зависть.

Граф растянулся на диване и зевнул.

– За что бы мне теперь приняться? – спросил он. – Спать еще не хочется...

– Примите содовый порошок, это вас успокоит, – пошутил иезуит.

Солтык засмеялся, потом позвонил и приказал оседлать своего арабского жеребца. Несколько минут спустя он был уже за городом и мчался во весь дух в тишине лунной морозной ночи; а патер Глинский, лукаво улыбаясь, с наслаждени-

ем нюхал испанский табак.

На следующий день рано утром он известил Огинского, что граф Солтык намерен нанести ему визит.

Анюта, не подозревая никаких замыслов со стороны графа и своих родителей, беззаботно болтала с Ливией, гуляя по саду, когда щегольской экипаж богатого аристократа подъехал к крыльцу.

Солтык приехал вместе со своим бывшим воспитателем и, обменявшись несколькими фразами с хозяйкой дома, завел речь об Анюте.

– Она бегает на лугу со своей приятельницей, – отвечала Огинская, – ведь она еще ребенок, граф.

– Не пойти ли и нам прогуляться? – предложил патер Глинский. – Погода прекрасная.

Граф подал руку хозяйке дома, и все общество отправилось в сад.

– Я имел удовольствие видеть вашу дочь в театре, – заметил Солтык, идя по аллее, – и, признаюсь вам, был буквально поражен ее красотой.

– Вы слишком любезны, граф, – возразила маменька, задыхаясь от радости.

– Давайте играть в волка! – вскричала Анюта, подбегая к шедшему впереди других патеру Глинскому.

– Когда-нибудь в другой раз, дитя мое, – отвечал иезуит, – вам сейчас представят графа Солтыка.

– Анюта, граф Солтык желает с тобой познакомиться, –

сказала Огинская и тотчас же прибавила: – Боже мой, на кого ты похожа! Волосы растрепаны, щеки горят, словно у крестьянки!

Застигнутая врасплох бедная девочка в недоумении стояла, склонив головку, и не знала, что отвечать, когда граф, вежливо поклонившись, сказал ей:

– Позвольте мне отрекомендоваться вам.

Огинская вывела дочь из этого затруднительного положения, предложив графу осмотреть сад, и, взяв под руку патера, пошла вперед по направлению к оранжерее.

– Вы еще не выезжаете в свет, – начал Солтык, – вы только что вышли из пансиона, если я не ошибаюсь?

– Да... Вчера меня в первый раз повезли в театр, – отвечала Анюта, – но я надеюсь зимой танцевать на балах.

– Со стороны ваших родителей было бы непростительной жестокостью лишать нас вашего общества.

– Анюта еще так молода, что я не желала бы вывозить ее на балы, – вмешалась в разговор Огинская, – но я надеюсь, граф, что вы будете часто посещать наш дом, – прибавила она, приветливо улыбаясь.

– С удовольствием воспользуюсь вашим любезным приглашением и, поверьте, сумею оценить ту честь, которую вы мне оказываете.

– Поручите моему бывшему воспитаннику придумывать для вас развлечения, – обратился патер Глинский к Анюте, – он мастер на эти дела.

– В самом деле?

– Отдаю себя в полное ваше распоряжение.

После довольно продолжительной прогулки все общество вернулось в гостиную, где хозяйка дома предложила иезуиту партию в домино и упросила Ливию сыграть что-нибудь на рояле. Таким образом, Солтык и Аня остались один на один, но разговор между ними как-то не клеился, и девочка очень обрадовалась, когда граф откланялся и уехал.

– Что за странное создание эта Аня, – сказал Солтык иезуиту по пути домой, – можно подумать, что она меня боится.

– Ее, наверно, запугали рассказами о ваших причудах, но не беспокойтесь, это пойдет вам на пользу. Женщины влюбляются именно в тех людей, от знакомства с которыми их предостерегают.

– Ну, как тебе понравился граф? – спросила Огинская у дочери, когда они остались одни.

– Он очень красив.

Толстая барыня шутя погрозила ей пальцем.

– Напрасно, мама, – возразила Аня, – поверь мне, я никогда не влюблюсь в этого человека; в нем есть что-то такое, что меня пугает.

– Со временем это впечатление изгладится, душа моя.

– Нет, мама, никогда!

ХІІІ. Сестра милосердия

– Вы сейчас должны ехать по срочному делу, милая барышня, – сказал Эмме Сергич, придя к ней однажды рано утром, когда та только что проснулась. – Апостол никому, кроме вас, не может доверить такого важного дела. Вы поедете в качестве сестры милосердия нашего братства в имение пожилой бездетной вдовы, госпожи Замаки. У нее горячка... Вы не боитесь заразы?

– Я ничего не боюсь, – отвечала девушка, – на все воля Божия.

– В таком случае, не угодно ли вам пожаловать ко мне?

– Позвольте мне только одеться.

Несколько минут спустя Эмма уже была в доме Сергича. В костюме сестры милосердия она стала похожа на кроткую мадонну. Купец вручил ей запечатанный конверт, прося вскрыть его только после приезда на место назначения. Экипаж и лошади были уже готовы: на козлах сидел знакомый нам крестьянин Долива, один из многочисленных клеветников апостола.

Было уже за полдень, когда мнимая сестра милосердия приехала в имение вдовы. Прочитав данную ей инструкцию и удостоверившись, что последний клочок бумаги сторел в камине, она осторожно вошла в спальню больной.

Это была довольно большая, слабо освещенная комната,

вся пропитанная тяжелым, удушливым запахом. Эмма отдернула портьеры и открыла окно.

– Доктор давно уже приказал это сделать, да мы не посмели, – тихонько проговорила сидевшая у кровати старушка.

Больная открыла глаза и приподняла голову с подушки. Это была женщина лет около сорока, худая, бледная, с впалыми щеками, рыжими волосами и большими, умными, серыми глазами.

– Кто вы такая? – спросила она, не без удивления взглянув на незнакомую ей женщину.

– Я сестра милосердия из Киева.

– Хорошо... Я очень рада... Как вас зовут?

– Сестрой Варварой.

– Ах, как мне жарко!

– Я открыла окно, теперь вам будет прохладнее.

– Благодарю вас... Я лежу здесь, словно в могиле... Не похоронят же меня заживо... Неужели болезнь моя смертельна?

– Нет!.. Я надеюсь, что с помощью Божьей вы вскоре поправитесь.

– Бог прислал мне ангела-утешителя... – и больная, поцеловав руку Эммы, повернулась лицом к стене.

Сестра милосердия выслала старушку вон из комнаты и заняла ее место у кровати больной. С этой минуты она ни днем, ни ночью не отходила от своей пациентки, в точности исполняя все предписания местного доктора и делая это спо-

койно, терпеливо, с улыбкой сострадания на губах.

На третью ночь больная очнулась после тяжелого продолжительного бреда, взяла Эмму за руку и проговорила слабым голосом:

– Плохо мне... очень плохо... Скажите мне правду... болезнь моя опасна?

– Доктор совершенно доволен ходом вашей болезни.

– Да... но не худо было бы послать за священником.

– Если вам угодно...

– У меня еще не написано духовное завещание... Никто из нас не знает, когда Господу будет угодно призвать его к себе... Надо приготовить.

– Позвольте, я напишу под вашу диктовку.

– Это еще успеется... Мне еще не хочется умирать...

Эмма улыбнулась.

– Чему вы смеетесь? – спросила госпожа Замаки.

– Я не понимаю, как можно бояться смерти или любить жизнь так, как ее любят некоторые люди. Я с радостью пожертвовала бы своей жизнью, если бы это могло вернуть вам здоровье.

– Вы – ангел!

– О, нет!.. Этой временной жизни я предпочитаю жизнь вечную. Во время нашего земного странствования нас осаждают искушения, и мы грешим на каждом шагу.

– Правда... правда... Но скажите, почему так желаете умереть вы, такая молодая и красивая?

– Да, я жажду смерти, но не случайной, а добровольной, той, которой умирали святые мученицы.

– И вы надеетесь этим способом спасти вашу душу?

– Такая жертва угодна Богу, и Он дарует нам за нее отпущение грехов.

– Быть может, вы и правы.

Светало. Больная задремала не на долго, но вскоре очнулась, приняла лекарство и прошептала:

– Пошлите за священником... сейчас же.

Желание умирающей было немедленно исполнено. Она исповедалась, приобщилась святых тайн и почувствовала значительное облегчение и в нравственном, и в физическом отношении. По уходе священника она долго разговаривала с сестрой милосердия и, между прочим, спросила:

– Кого бы мне назначить моим наследником? Посоветуйте, моя милая...

У меня есть дальние родственники, но я, кроме неприятностей, ничего от них не видела. Не благоразумнее ли будет, если я оставлю мое состояние на богоугодные заведения?

– Эту мысль внушил вам Отец небесный! – воскликнула Эмма. – Напишите духовное завещание в пользу нашего благочестивого братства, которое питает голодающих, одевает нагих и лечит страждущих. Таким способом вы окажете благодеяние многим тысячам несчастных.

– Я это сделаю... Принесите сюда бумагу и чернила.

– Положите его в мой письменный стол, – сказала поме-

щица, когда завещание было написано под ее диктовку и скреплено ее подписью. – Нет, лучше спрячьте его у себя... так будет безопаснее... Здесь, наверно, есть шпион, подосланный моими родственниками...

Вечером у открытого окна внезапно показался апостол. Больная не могла его видеть, потому что ее кровать была огорожена ширмами, но Эмма невольно вздрогнула.

– Что с вами? – спросила помещица.

– Ничего... мне надо сходить за льдом.

И, воспользовавшись минутой, когда ее пациентка задремала, Эмма тихонько подошла к окну.

– Ей гораздо лучше, – шепнула она, – доктор сказал, что есть надежда.

– А завещание в пользу нашего братства уже написано?

– Да, моей рукой.

Апостол кивнул и, помолчав несколько минут, сказал:

– Этим твоя миссия еще не оканчивается.

– Знаю... я останусь при больной до ее выздоровления.

– Нам надо позаботиться о спасении ее души... Не говорила ли она тебе, что у нее на совести лежит тяжкий грех?

– Нет, не говорила.

– Постарайся выведать эту тайну, но сделай это как можно осторожнее, больные вообще недоверчивы... и постарайся обратить ее на путь истинный.

– Я сделаю все, что от меня зависит, но мои старания могут оказаться безуспешными.

– Ты должна спасти эту заблудшую овцу каким бы то ни было способом. Я вполне полагаюсь на тебя, будь только мужественна и непреклонна. Сам Господь избрал тебя для совершения этого великого подвига.

– С Божьей помощью я преодолею все препятствия.

– Прощай, дитя мое.

Апостол благословил молодую девушку и ушел.

К ночи больной стало хуже; она металась по кровати, глаза ее горели диким, лихорадочным огнем.

– Видишь... видишь!.. – неожиданно вскричала она, укаывая в угол своей исхудалой рукой.

– Вижу, – с невозмутимым спокойствием отвечала Эмма.

– И волосы не становятся у тебя дыбом?.. Чего он хочет?..

Что он говорит?

– Он обвиняет вас в преступлении.

– И обвиняет справедливо!.. Я виновница его смерти? Я... жестокая, неумолимая, бессердечная женщина... Неужели Господь не пощадит меня?..

– Вы можете искупить этот грех вашей смертью.

– Я готова умереть, если это угодно Богу.

– Эта очистительная жертва необходима.

– Как?! – вы требуете, чтобы я наложила на себя руки?..

Нет! Ни за что на свете! Я жить хочу!

Больная начала бредить и стонать, в отчаянии ломая руки, но вскоре утихла и впала в забытие.

Около полуночи старуха пришла доложить сестре мило-

сердя, что из Киева приехал какой-то господин и желает ее видеть. Эмма вышла в смежную комнату, где ее ожидал Сергич.

– Пойдемте в сад, – шепнул он ей, – я сообщу вам новые инструкции.

Луна вышла из-за облака и осветила пустынные дорожки, на которых вычурными узорами рисовались обнаженные ветви деревьев.

– Подайте мне духовное завещание, – сказал купец, когда они остановились в глубине сада, у полуразрушенной беседки, – вот вам письменное приказание апостола.

Эмма прочла письмо и молча подала Сергичу документ.

– Не открыла ли она вам своей тайны?

– Нет, но в бреду называла себя виновницей смерти какого-то мужчины...

– Ее мужа. Да, кровь его вопиет... Пока эта женщина больна, она будет и раскаиваться, и обещать вам золотые горы, а как только выздоровеет, снова начнет вести греховную жизнь.

– Что же прикажете мне делать?

– Вот вам лекарство для ее души, – сказал купец, вынимая из кармана пузырек, до половины наполненный темно-бурой жидкостью, и прибавил: – Она должна умереть.

– Когда?

– Нынешней ночью... Решаетесь ли вы это сделать?

– Да будет Его святая воля! – смиренно склонив голову,

отвечала мнимая сестра милосердия.

XIV. Молодая любовь

Огинский уехал в клуб, а жена и дочь его сидели с работой в руках в зимнем саду, когда лакей доложил о приезде графа Солтыка.

Не прошло и пяти минут, как горничная вызвала старую барыню под предлогом прихода модистки и Анюта осталась с глазу на глаз с дорогим гостем.

Эта комбинация была заранее придумана предусмотрительной маменькой. Бедная девочка была рада уже тому, что между ней и графом стоят пяльцы – слабая защита от его пламенных взоров и льстивых речей. Живописная роскошь экзотических растений, мелодическое журчание воды в маленьком фонтане, слабое освещение, теплая атмосфера, пропитанная одуряющим запахом цветов, – все, казалось, способствовало возбуждению страсти в беззащитном сердце невинной, неопытной девушки; все было на стороне ее назойливого поклонника. Анюта не только боялась его, она его ненавидела. А между тем она чувствовала, что какая-то непреодолимая сила влечет ее к нему, что эта загадочная личность возбуждает ее почти детское воображение.

– За что вы на меня сердитесь, Анюта? – начал Солтык. – Вы избегаете моего взгляда, не хотите слушать, когда я вам говорю, что вы очаровательны, божественны...

– Никто до вас не говорил мне этого, – ответила юная

девушка, и щеки ее покрылись ярким румянцем. – Я еще не привыкла к комплиментам... мне совестно их слушать... мне страшно им верить.

– Это не шутка и не пустые слова с моей стороны, я говорю вам то, что чувствую.

– Вы любуетесь мною, как новой игрушкой... недели через две будете думать обо мне иначе.

– Нет, Аня, вы произвели на меня глубокое впечатление. До встречи с вами меня не интересовала ни одна девушка; вы буквально покорили мое сердце и, если захотите, можете сделать из меня вашего раба.

– Ведь я не кокетка.

– Не об этом речь. Я говорю о священных узах супружеской любви...

Сердце девочки так и замерло. Разговор принял слишком серьезное направление. Только в эту минуту она почувствовала, как сильно она любит другого. Но даже если бы этого не было, она была бы не в состоянии полюбить графа, а выйти за него замуж без любви казалось ей бесчестным.

– Вы не отвечаете мне, Аня, – снова заговорил граф после непродолжительной паузы.

– Что же я вам скажу?.. Я еще так неопытна, вы станете смеяться надо мной...

На ее счастье, в эту минуту к ним подошла Огинская. Граф чуть не до крови прикусил себе губу, раздраженный тем, что судьба лишила его возможности объясниться. По-

дали чай. Возвратившийся из клуба хозяин дома завел разговор о политике и о сельском хозяйстве, так что Солтыку не удалось сказать Аняте больше ни одного слова. Он вскоре откланялся и взбешенный уехал домой.

Все это не ускользнуло от глаз заботливой маменьки. Улучив минуту, она вошла в спальню дочери, села на кровать и, поцеловав Аняту в лоб, начала допытываться, в чем состоял ее разговор с графом.

– Bravo, моя девочка! – воскликнула она. – Едва появилась в обществе и уже одержала такую блистательную победу!

– Какую победу, маман?

– Понятно, что я говорю не о молодом офицерике, а о графе Солтыке.

Анята вся вспыхнула.

– Было бы непроситительно отказать такому жениху, – продолжала Огинская. – Не говорил ли он тебе о своих намерениях?

– Говорил.

– И что же ты ему ответила?

– Ничего.

– Да ты с ума сошла! – в ужасе всплеснула руками толстая барыня. – У тебя еще куклы в голове!

– Я никогда не полюблю этого человека.

– Дитя! Замуж выходят для того, чтобы приобрести положение в обществе, и сердечные влечения тут не при чем.

Графиня Солтык будет играть в свете выдающуюся роль, будет вполне наслаждаться всеми благами жизни... Не отвергай же своего счастья, будь благообразна!

Анюта не возразила ни слова. Нежная маменька еще раз поцеловала ее в лоб и вышла из комнаты.

На следующее утро девушка решилась на отважный поступок: закрылась в своей комнате, написала на розовой бумажке записочку, положила ее в карман и через двор отправилась в людскую. Там она нашла Тараса, старого казака, носившего ее на руках, когда она еще была младенцем. Худощавый, седой старик суровой наружности радостно заулыбался, увидев свою любимую барышню, и почтительно поцеловал ее ручку.

– Исполнишь ли ты мою просьбу, Тарас? – начала маленькая очаровательница.

– Только извольте приказать, милая барышня, все будет исполнено в точности, – отвечал старик.

– Даже если бы это было против воли моих родителей?

– Ни на что не посмотрю!

– Отнеси вот эту записочку поручику Ядевскому и, когда он после обеда придет сюда, встретить его у ворот и проводи в сад.

– Знаете что, барышня, – с лукавой усмешкой заметил ей Тарас, – уж лучше я впущу его через калитку, оттуда он незаметно проберется в парк.

– Хорошо, мой голубчик, мой золотой Тарасушка!

– Да я готов за вас, что называется, и в огонь и в воду! – со слезами на глазах ответил старик.

Погода в этот день была прекрасная, так что Анюта тотчас после обеда побежала в сад и забралась в самую чащу. Там, в задней стене, была небольшая калитка, через которую должен был войти Казимир. Как восторжилось юное сердечко, когда предмет ее первой любви остановился перед ней!

– Не судите меня слишком строго, – начала она, подавая ему руку, – мне нужно переговорить с вами наедине.

– Вы осчастливили меня этим приглашением, – отвечал Ядевский.

Молодые люди прошли несколько шагов по аллее и сели на скамейку.

– Послушайте, – сказала Анюта, – за мной ухаживает граф Солтык... серьезно... хотя это и кажется вам невероятными.

– Я его слишком хорошо понимаю, – вздохнул юноша.

– Он намерен сделать мне предложение, и мои родители, наверно, ему не откажут.

– А вы?

– Я никогда не буду его женой.

– О, моя милая, несравненная Анюта!

– Неужели вы меня так любите?

– Грешно вам в этом сомневаться! Я люблю вас до безумия! – и пылкий юноша бросился перед ней на колени, покрывая ее руки горячими поцелуями.

– Ах, Казимир, родители мои не согласятся на наш брак,

но сердце мое принадлежит вам, и я клянусь вам в вечной любви и вечной верности!

– Вечной верности! – повторил он, прижимая Анюту к своей груди. Их губы слились в долгом, страстном поцелуе. Для обоих это была минута дивного, неизъяснимого блаженства, но она была столь непродолжительна! Аня опомнилась первая и, тихонько отталкивая от себя молодого человека, сказала:

– Времени у нас немного, нельзя тратить его даром... Послушайте, я хочу дать вам совет... Это может показаться вам странным, даже смешным... Если вы серьезно хотите на мне жениться, то вам надо, по пословице, ковать железо, пока оно горячо: переговорите с моими родителями, прежде чем граф сделает мне предложение.

– И я это сделаю, как только получу ответ от матери.

– Вам нужно ее согласие на наш брак?

– Да... но кроме того, надо привести в порядок дела по имению и дать положительный ответ вашему отцу, когда зайдет речь о моем состоянии.

– Это правда, – улыбнулась Аня, – я об этом не подумала... Ведь мы не птички и не можем питаться зернышками... Но, повторяю вам, не теряйте времени, нам дорог каждый день, каждый час...

Раздался пронзительный свисток, сигнал Тараса.

– Сюда кто-то идет! – воскликнула Аня. – Скорее уходите!

Казимир крепко поцеловал свою возлюбленную и побегал к калитке, а Анята направилась к дому и на полдороги повстречалась с иезуитом.

– Вы мечтали здесь в уединении, – начал он, – знаю даже о ком.

– Меня удивляют ваши слова, патер Глинский.

– Мой бедный граф влюбился в вас без памяти – он бредит вами и во сне и наяву! Теперь, дитя мое, от вас зависит сделать из этого дикого, необузданного существа, одаренного, однако, наилучшими качествами души и сердца, человека во всех отношениях безукоризненного.

– Вы ошибаетесь, – со спокойным достоинством возразила юная девушка, – я слишком молода и неопытна и не смогу обуздать его характер; тут нужна рука сильнее моей. Я не спасу его, а погублю себя.

– Потому что вы любите другого, не правда ли?

– Я никогда не полюблю вашего графа.

– До сих пор он покорял все женские сердца.

– Мое – он может только отравить и растерзать.

– Боже мой, какая трагическая фраза! – усмехнулся иезуит.

– Нет, этот вопрос слишком серьезен для меня, и шутить им я не желаю; от него зависит счастье моей жизни... Я не позволю никому играть моим сердцем, как игрушкой.

XV. Лекарство Лукреции Борджиа

Расставшись с Сергичем, Эмма вышла в сад, упала на колени и долго молилась, прося у Бога помощи для исполнения возложенной на нее обязанности. Больная дремала, когда мнимая сестра милосердия неслышными шагами возвратилась в спальню и села возле кровати.

– Это вы? – очнувшись, спросила помещица. – Где вы были?

– Доктор прописал вам новое лекарство.

– Оно мне не поможет.

– Вы хотите сказать, что оно не снимет с вашей совести ответственности за совершенное вами преступление?

– Как ты это узнала? – в ужасе вскричала умирающая, схватив Эмму за руку. – Разве он приходил сюда?.. Ты его видела?.. Он является мне, когда я остаюсь одна в комнате...

– Тот, которого вы убили...

– Я вижу, что ты узнала мою тайну... Да, я убила его... а он приходит и рассказывает мне такие ужасы, которых я и слушать не хочу... Он, как дым, поднимается из-под земли и растет... растет до самого неба... Вот он стоит передо мной, этот великан... на груди у него сияет солнце... нет, это не солнце, а глубокая рана... из нее течет горячая кровь... целое море крови... она поднимается... душит меня... Ай!!! – в ужасе закричала больная и повалилась на подушку, закры-

вая лицо руками.

– Раскайтесь, пока еще есть время.

– Боже мой, да ведь я молилась и каялась всю мою жизнь!

– Принесите себя в жертву.

– Себя?!

– Да... кровь за кровь, жизнь за жизнь!

– Нет! Это выше моих сил!.. Я не хочу умирать!

Эмма совершенно хладнокровно вынула из кармана пузырь, вылила жидкость в рюмку, подала ее больной и сказала:

– Вот вам лекарство.

Госпожа Замаки привстала, недоверчиво взглянула на сестру милосердия и спросила дрожащим голосом:

– Я должна это выпить? Что налили вы в эту рюмку?

– Лекарство.

– Нет, это яд!

– Да вы с ума сошли!

– Дитя, кто приказал тебе отравить меня?

– Примите это лекарство.

– Не хочу! Никто не смеет меня заставлять! – и больная разразилась диким, неестественным хохотом.

– Я смею! – возразила Эмма.

Между палачом и его жертвой началась отвратительная, немая борьба. Напрасно несчастная звала на помощь, никто не слышал ее стонов. Эмма запрокинула ей голову на подушку, ловко раздвинула пальцем стиснутые зубы, влила жидкость в рот и тотчас же зажала его носовым платком.

– Я твоя спасительница, – с надменной самоуверенностью проговорила она, – бедная грешница, я указала тебе путь на небо!

Ответом на эти слова было предсмертное хрипение, и несколько минут спустя госпожа Замаки скончалась. Эмма встала на колени возле кровати и начала громко молиться.

– Господи! – взывала она. – Сжался над этой грешницей, отпусти ей прегрешения и помилуй всех нас, рабов Твоих!

Потом она вышла в сад для того, чтобы зарыть в землю пузырек и рюмку и на обратном пути повстречалась с Сергичем.

– Ну что? – спросил он. – Она уже умерла?

– Да, – отвечала Эмма, – но не добровольно, она долго боролась со мной.

– Милосердый Господь примет ее смерть как искупительную жертву за ее грехи.

– Теперь мне можно будет уехать отсюда?

– Нет, вы останетесь при покойнице до моего возвращения.

Купец ушел, а Эмма, вернувшись в дом, заперла спальню на ключ, положила его в карман, прилегла на диване в гостиной и заснула крепким сном, с невинной, ангельской улыбкой на устах. Утром ее разбудил Сергич, приехавший получать наследство в качестве попечителя братства. Вслед за ним внесли гроб. Прислуга была удалена от покойницы под благовидным предлогом, что зараза может распростра-

ниться; Эмма своими руками уложила умершую в гроб и его тут же наглухо заколотили. Местные власти за деньги выдали разрешение похоронить госпожу Замаки в тот же день ввиду заразного свойства болезни, от которой она умерла.

– Сегодня вы еще не уедете отсюда, милая барышня, – возвратясь с похорон, сказал купец своей сообщнице. – У вас будет дело здесь поблизости, быть может, даже нынешней ночью.

– Какое дело?

– Вы знаете студента, который ухаживает за еврейкой, его зовут Пиктурно. Возлюбленная назначила ему свидание в шинке, на киевской дороге. Этот дом и все имение покойницы принадлежат теперь нам, прошу вас распорядиться здесь в качестве хозяйки. Я велю прислуге исполнять все ваши приказания.

– Но не могу же я в этом костюме ехать в шинок.

– Не снимайте этого платья, пока вы здесь, а в шинке вы найдете другое, об этом мы уже позаботились. Теперь прощайте. Да благословит вас Бог. Наш апостол будет вами очень доволен.

Долго ходила Эмма взад и вперед по пустым, мрачным комнатам. Изредка до слуха ее доносились из кухни звуки заунывной песни. К вечеру на дворе поднялась страшная метель. Тревожное, в высшей степени неприятное чувство овладело молодой девушкой: она вздрагивала при малейшем шорохе, ей беспрестанно чудились стоны и хрипение умира-

ющей. Наконец она не выдержала этой пытки, позвала кучера и велела ему оседлать лошадь.

«Что за причина, – подумал старик, – больничная сиделка вздумала кататься верхом, да еще в такую непогоду», – но, тем не менее, исполнил данное ему приказание. Застоявшаяся в конюшне молодая горячая лошадь испугалась скрипа открываемых ворот и с места галопом помчала бесстрашную наездницу в темный сосновый бор.

Ветер бушевал с необыкновенною силой, снег валил хлопьями, но Эмма не обращала на это внимания – она продолжала свой путь по незнакомым тропинкам и вскоре выехала на большую дорогу. Между тем, метель утихла, на небе ярко засверкали звезды. Но тут новая, неожиданная опасность заставила ее содрогнуться: вдали показалась стая волков. Один из них перепрыгнул через овраг, и она почувствовала, как под ней затрепетала лошадь. Но Эмма не растерялась: она выхватила револьвер, выстрелила в хищника и бешеным галопом помчалась вперед по дороге.

Волки погнались за ней, оглашая воздух хриплым воем. Но вдали, за обнаженными тополями, уже виднелась усадьба села Машкова, и вскоре Эмма благополучно добралась домой. Соскочив на землю, она потрепала лошадь по шее и передала ее старику кучеру.

Войдя в комнату, она сбросила с себя промокшую шубу, с наслаждением вытянулась на диване и задремала. Легкий стук в окно разбудил ее.

– Кто там? – спросила она, поспешно отворив форточку.

– Это я, милая барышня.

На дворе стояла молодая еврейка с отвратительной лукавой улыбкой на губах.

– Я приехала за вами, – прибавила она, – одевайтесь поскорее: моя повозка стоит на улице, я не войду к вам в дом.

XVI. Спасенная душа

Ночь была темной, несмотря на то, что все небо было усыпано звездами. С трудом подвигалась вперед обтянутая холстом повозка: колеса глубоко врезались в рыхлый снег, усталые лошади едва переставляли ноги.

– Не подозревает ли он чего-нибудь? – спросила Эмма у еврейки, продолжая начатый разговор.

– Куда ему! – возразила Рахиль. – Он ослеплен мною донельзя и, наверное, не вырвется из наших рук. Да и что могло бы возбудить его подозрение?

– А хотя бы то, что ты назначила ему свидание так далеко от Киева.

– Я сказала, что муж ревнует меня к нему, и это его успокоило.

Было уже довольно поздно, когда повозка подъехала к шинку, стоящему в нескольких шагах от большой дороги. Убогая, крытая соломой хижина была обнесена забором; на шесте перед дверью качался на веревочке пучок сухой травы – неизменная вывеска мелких кабаков. Вдали виднелась небольшая сосновая роща.

Еврейка привела Эмму в чисто прибранную комнату, где стоял сундук с приготовленным для нее платьем, зажгла свечи и попросила девушку переодеваться как можно скорее. Не прошло и двух минут, как на дворе послышался стук ко-

пыт, и вслед за тем Пиктурно вошел в шинок.

– Это он, – шепнула Рахиль, – мы будем сидеть в смежной комнате... В этой двери есть трещина, сквозь которую вам будет все видно и слышно, только не забудьте погасить свечу.

Эмма молча кивнула и начала заряжать револьвер.

Сестра милосердия превратилась в стройную, ловкую амазонку; она погасила свечку и припала к двери.

Рахиль, запрятав руки в карманы своей кацавейки, ходила взад и вперед по довольно грязной, бедно мебелированной комнате, а Пиктурно, сидя верхом на стуле, не спускал с нее глаз.

– Не воображайте, что я влюблена в вас, – сказала еврейка, – поддавшись уговорам, я назначила вам свидание в этом шинке, но это ровно ничего не значит.

– Я полагал, что вы ко мне равнодушны, – в замешательстве пробормотал Пиктурно.

– Равнодушна? – повторила Рахиль. – Вы ошиблись.

– Если вы вызвали меня сюда для того, чтобы объявить об этом, то напрасно трудились... вы могли сделать это и в Киеве.

– Вы еще не знаете, с какой целью я приглашала вас приехать сюда.

– Перестаньте капризничать, Рахиль, – ласково проговорил студент и, встав со стула, попытался обнять свою возлюбленную, но она с гибкостью змеи выскользнула из его рук и закричала:

– Не троньте меня!

– Я вижу, мне придется сейчас же вернуться назад.

– Уезжайте! – и еврейка повернулась к нему спиной.

– Рахиль, за что вы сердитесь на меня?

Ответа не последовало. В ту же самую минуту кто-то постучался снаружи в окно, и еврейка поспешно отдернула занавеску.

– Что это значит? – спросил Пиктурно.

– Ничего, – садясь на диван, отвечала молодая женщина. –

Подойдите ко мне.

Юноша охотно исполнил ее приказание и спросил, взяв ее за обе руки:

– Вы не будете больше капризничать?

– Быть может, это был не каприз, а только уловка для того, чтобы завлечь вас.

– Меня?! Да я давно уже нахожусь в вашей власти.

– Я не об этом... Для меня недостаточно того, что птичка попала в силки, мне надо позаботиться о том, чтобы она не вырвалась из них, – и еврейка с быстротою мыши обхватила его руками и накинула ему петлю на шею.

– Что вы делаете? – воскликнул Пиктурно. – Вы хотите меня задушить!..

В комнату ворвались сообщники Рахили: Юрий, Табич и Джика, и прежде чем несчастный юноша успел опомниться, он был уже связан по рукам и ногам и лежал на полу с кляпом во рту. Он устремил на еврейку умоляющий взгляд, но

та только презрительно пожала плечами. Затем студента за-
сунули в мешок, привязали к седлу и увезли.

– Готовы ли вы, барышня? – спросила еврейка, отворяя
дверь в смежную комнату.

– Готова.

– Вы видели, как ловко я все исполнила? Теперь настала
ваша очередь.

– Вы увидите, как я исполняю возложенные на меня обя-
занности.

– Нет, не увижу... Я не могу хладнокровно смотреть на
кровопролитие...

Пожалуйста... Юрий проводит вас в рощу.

Эмма поспешно надела шляпу и перчатки, взяла в руки
хлыст и вышла из шинка. Юрий помог ей сесть на лошадь, и
вдвоем они поскакали к лесу, где их ожидали сообщники и
жертва. Пиктурно был привязан к дереву, остальные лежали
вокруг пылающего костра.

Черты лица девушки показались студенту знакомыми, но
наряд ее сбил его с толку.

– Мы находимся здесь в полной безопасности, не правда
ли? – спросила она, обращаясь к Табичу, старику огромного
роста, который утвердительно кивнул ей головой.

– Для начала, я попробую уговорить его, – продолжала
Эмма, – Джика останется здесь со мною, а Табич и Юрий бу-
дут стоять на карауле и, в случае опасности, дадут мне знать
с помощью свистка.

Джика была плотная, проворная женщина среднего роста, с загорелым лицом и гордой, презрительной усмешкой на толстых губах. На ней был надет овчинный полушубок, из-под которого виднелась короткая красная юбка. На ногах – мужские сапоги, голова повязана желтым платком.

– Вынь кляп у него изо рта, – приказала ей Эмма.

– Что значит вся эта комедия? – спросил Пиктурно. – Теперь я узнал вас... Мы встречались с вами в Красном кабачке; но мужчина вы или женщина, я не знаю...

– Я девушка.

– Объясните же мне эту глупую шутку. По вашей милости мы все заработаем как минимум сильный насморк.

– Тут нет никакой шутки, – отвечала ему Эмма, – вы находитесь во власти сострадательных людей, которые желают спасти вашу душу, предав вас смерти.

– Да вы с ума сошли!!!

– Вы умрете... Никто не придет вам на помощь... Покайтесь в ваших грехах и умрите добровольно, или...

– Добровольно?! – перебил ее Пиктурно. – Боже меня сохрани! Мне жизнь еще не надоела. Убирайтесь вы к черту с вашей философией... Развяжите меня сию же минуту, иначе я закричу и позову на помощь!

– Никто вас не услышит.

– Караул! Режут! – закричал Пиктурно.

– Решайтесь же, – прибавила Эмма, вынимая револьвер.

– Я не хочу умирать! – стонал несчастный.

– Кайтесь.

– Не хочу!!!

– Молитесь.

– Нет! Нет!

– В таком случае, я приношу вас в жертву во имя Отца и Сына, и Святого Духа, аминь!

Раздался выстрел. Пуля засела в правой руке. Алая кровь брызнула из раны и обагрила снег.

– Покайтесь в грехах, пока еще есть время.

– Караул! Караул!

Вторая пуля попала в левое плечо... Студент упал на колени.

– Сжальтесь!.. Пощадите... – как стон вырвалось из его груди.

– Господь милосерден, – отвечала Эмма, хладнокровно продолжая стрелять, словно в мишень: еще две пули попали в живот и, наконец, пятая – в грудь.

– Так убейте ж меня поскорее! – взмолился Пиктурно.

Грянул выстрел... голова несчастного юноши склонилась на грудь... и его не стало...

– Умер, – проворчала Джика, приложив ухо к его сердцу, затем пронзительным свистом дала знать сообщникам, что жертвоприношение совершилось.

Табич и Юрий вернулись на место преступления и начали копать могилу, а Эмма отправилась обратно в Киев.

На следующий день она проспала до полудня.

Когда она, сидя перед зеркалом, расчесывала волосы, в уборную ее без доклада вошел Бедросов и вскричал:

– Знаете ли вы, какое таинственное происшествие произошло сегодня весь город?

– Нет, я ничего не слышала.

– Вчера пропал студент здешнего университета по фамилии Пиктурно. Вероятно, его убили. Он был любовником еврейки, содержательницы Красного кабачка. Я сделал там обыск, но к сожалению ничего не нашел.

– Это естественно.

– Почему?

– Недаром же я предлагала вам свои услуги в качестве полицейского агента.

– Вы можете навести нас на след?

– Нет, но я могу дать вам дружеский совет: оставьте это дело...

в нем замешаны высокопоставленные личности... Это была американская дуэль.

– С кем же?

– Полагают, что с графом Солтыком... Пиктурно уехал за границу, где он должен застрелиться.

– Благодарю вас за совет, милая барышня, и непременно им воспользуюсь.

XVII. Прекрасная мечта

Анюта сидела за роялем и разыгрывала ноктюрн Шопена, когда Генриетта вошла в залу. Подруги обнялись и поцеловались.

– Тебя можно поздравить? – спросила гостья.

– С чем это?

– Ты выходишь замуж.

– За кого же?

– К чему скрывать то, о чем говорит весь город. Если бы ты знала, как тебе завидуют! Ты будешь графиней Солтык!

– Но ведь это не может случиться без моего согласия... Я не кукла, которую можно подарить кому угодно.

– Говорят, что ты уже дала слово графу.

– Боже меня сохрани!

– Анюта, да ты с ума сошла! Он такой красавец, такой богач!

– Может быть, но я его не люблю и никогда любить не буду.

– Устарелые понятия о браке, душа моя! Сердце тут не при чем. Благодаря графу ты займешь блистательное положение в обществе, он окружит тебя роскошью, будет исполнять все твои желания, – да ведь это блаженство, милая моя, а все остальное пустяки! Скучать тебе не придется, у тебя будут толпы поклонников, ведь ты такая хорошенькая!

Анюта не без удивления посмотрела на подругу.

– Я не узнаю тебя, Генриетта, – сказала она. – Куда же девались твои мечты, твои идеалы?

– Это принадлежности любви, но только не супружества.

– Я серьезно смотрю на брак...

– Перестань... Над тобою будут смеяться! Ты только послушай, о чем разговаривают между собою молодые замужние женщины, так ты ахнешь!

– Пусть надо мною смеются сколько угодно, но я выйду замуж не иначе, как по любви.

Пока девушки разговаривали в зале, в будуар хозяйки дома вошел иезуит с многозначительной торжественной улыбкой на губах.

– Ну, что новенького, достопочтенный патер? – спросила Огинская, пожимая ему руку. – Вы сияете от радости.

– Как же мне не радоваться, когда моя заветная мечта вскоре должна осуществиться... Мой граф решил жениться!

– На ком же?

– И вы еще спрашиваете!.. На нашей милой Анюте!

– Какая честь для нас...

– Оба они для меня как родные, – продолжал езуит. – Я давно уже мечтаю об их браке. Анюта умная, добрая девушка, она сумеет обуздать дикий нрав своего будущего супруга, который может быть так полезен своей угнетенной родине!

– Я надеюсь... – заикнулась было Огинская, но патер не слушал ее и продолжал:

– Сегодня граф придет просить руки вашей дочери. Будьте начеку: Анюта упряма, смотрите, чтобы она не разрушила наших воздушных замков... а главное, не говорите графу, что я предупредил вас о его намерениях.

– О, конечно... Но неужели вы думаете, что Анюта...

– Своенравная девочка?.. Да, я в этом убежден... Она готовит нам сюрприз.

– Не может быть! – возразила Огинская. – Если бы даже граф ей и не очень нравился...

– А что, если она влюблена в другого?

– Помилуйте!

– Дай Бог, чтобы я ошибался.

– Неужели вы полагаете, патер Глинский, что Анюта влюбилась в сына моей приятельницы, поручика Ядевского?

– Почему же нет?

– Ребяческие фантазии и больше ничего! Все мы были молоды и мечтали о каких-то идеалах, но разве мечты эти осуществились в замужестве?.. Не подготовить ли мне Анюту? – прибавила она после непродолжительной паузы.

– О, нет! Предоставьте это графу. Он человек опытный в сердечных делах, и уж если ему не посчастливится уговорить Анюту, то и наши старания будут тщетны, – сказал иезуит и, поцеловав Огинской руку, вышел из будуара.

Ровно в полдень экипаж богатого жениха остановился у подъезда дома Огинских. Хозяин встретил графа чуть ли не в передней и повел в гостиную, где сидела хозяйка. После

нескольких салонных фраз и обоюдных приветствий в гостинной воцарилась тишина, нарушавшаяся только стуком маятника в старинных бронзовых часах да треском дров в мраморном камине.

– Я приехал по очень важному для меня делу, – начал Солтык, – я, так сказать, ставлю на карту счастье всей моей жизни... Я люблю вашу дочь и осмеливаюсь просить ее руки.

– Вы делаете нам величайшую честь, граф, – ответил Огинский. – Я никогда не смел и мечтать и о такой партии для моей дочери.

– Это честь для меня, уверяю вас.

– Помилуйте, граф, такая любезность...

– Что за церемонии, – вмешалась в разговор Огинская, – только бесполезная трата времени. С удовольствием, граф, я вручаю вам судьбу моей Анюты!

Граф почтительно поцеловал руку своей будущей тещи.

– Вы, вероятно, уже объяснились с моей дочерью? – поспешно спросила Огинская.

– Нет еще, – отвечал Солтык, – и прошу вас не говорить ей о том, что я уже сделал предложение.

– Как вам угодно.

– Получив согласие на брак, я прошу у вас позволения чаще бывать в вашем доме, чтобы изучить характер моей будущей жены.

– И у вас будет возможность выбрать удобную минуту для объяснения, – прибавила Огинская, – мне очень нравится,

что вы сами хотите покорить сердце моей дочери, граф. Она у меня немного упряма, так что я не берусь уговаривать ее или давать ей советы.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся Солтык, – ваша дочь не будет знать, что я уже получил ваше согласие, и я буду разыгрывать перед ней только пылкого влюбленного. Это будет для меня тем легче, что я люблю ее до безумия... Вы, быть может, и не подозреваете, до какой степени эта страсть овладела мною!

– Почему же нет?

– Моя репутация не безупречна...

– Вам все завидуют, граф! Да и как не завидовать человеку, так щедро одаренному природой... Но я всегда была вашей защитницей, поверьте.

– Очень вам благодарен.

Портьеры в гостиной тихонько распахнулись, на пороге показалась Аня и тотчас же скрылась.

Граф откланялся и вышел. На лестнице он повстречался с Ядевским; соперники обменялись враждебными взглядами.

Аня встречала Казимира в зале.

– Вы опоздали, – шепнула она ему. – Граф уже просил у родителей моей руки.

– Не надо отчаиваться, – с чувством собственного достоинства возразил молодой человек, – впрочем, все зависит от вас. Объявите родителям о своем решении. Граф Солтык – человек гордый, он сам откажется от своих притязаний, ко-

гда узнает, что ваше сердце принадлежит другому.

– Не знаю... я не жду ничего хорошего... Но будьте уверены: я пойду до конца и буду смело отстаивать свое право быть счастливой, – сказала Аня и, крепко пожав руку Казимиру, ушла в свою комнату.

Сердце юноши невольно замерло, когда он переступил порог гостиной, где сидела хозяйка дома.

– Ваша дружба с моей матерью, – начал он, – и та благоклонность, с которой вы всегда относились ко мне, придали мне смелости, и я решился обратиться к вам с просьбой...

Нервная дрожь пробежала по спине толстой барыни; она догадалась, о чем пойдет речь.

– Говорите, – сказала она, – и если только это от меня зависит... – А сама подумала: «Как бы мне поскорее от него отделаться!»

– Я люблю вашу дочь, и она любит меня...

– В самом деле? – усмехнулась Огинская. – Но, я надеюсь, вы не считаете это чувство серьезным?

– Настолько серьезным, что я пришел к вам просить ее руки...

– Милый мой Казимир! – и тщеславная маменька принудила себя засмеяться. – Вы оба почти дети! Выбросьте эту мысль из головы... Все мы в молодости увлекаемся несбыточными мечтами! Впрочем, моя Аня уже почти помолвлена.

– Помолвлена?... Без ее согласия?

– Граф Солтык получил наше согласие; я уверена, что Анята не станет противиться нашей воле... Это такая блестящая партия!

– А сердце вашей дочери?... А счастье всей ее жизни?

– О, она будет счастлива!

– Нет, не будет! – вскричал юноша и тотчас же прибавил: – Анята никогда не согласится на этот брак.

– Это мы увидим! – строго возразила Огинская. – Во всяком случае, я прошу вас прекратить ваши ухаживания за моей дочерью и даже – как мне ни больно просить вас об этом, – не посещать впредь нашего дома...

– Этому последнему приказанию я готов повиноваться, но любовь моя к Аняте прекратится только с моей жизнью.

Несчастный юноша поклонился и с разбитым сердцем вышел из гостиной. Анята ждала его на площадке лестницы.

– Отказали? – дрожащим голосом спросила она.

– Да... Вас выдают замуж за графа Солтыка и надеются, что вы не откажетесь от этой блистательной партии!

– Ошибаются! – возразила девушка, гордо вскидывая голову. – Они могут на время разлучить меня с вами, но не в их власти заставить меня выйти за графа Солтыка. Положитесь на меня, Казимир, не верьте никаким интригам... Для нас не все еще потеряно!

– Выдержите ли вы эту нравственную борьбу?

– О, у меня достаточно силы воли!

– Но мне запрещено бывать в вашем доме.

– И все же, мы будем встречаться.

– Каким образом?

– Предоставьте это мне. На днях я сообщу вам свой план.

– Анята, графине Солтык предстоит самая блистательная будущность... Устоите ли вы против этого искушения?

– Не стыдно ли вам так говорить? – вскричала девушка. – Меня ничем ослепить невозможно, потому что я люблю вас всем сердцем.

– Неужели вы меня действительно так любите?

Анята улыбнулась, и в одной этой улыбке заключалось больше уверений в любви, чем в тысяче клятв. Не говоря ни слова, она положила свои маленькие ручки на плечи Казимира Ядевского и подтвердила свою немую клятву горячим поцелуем.

XVIII. Розы увядают

Прошло уже два дня после свидания Казимира с Анютой, а от нее не было никаких известий. На третий день, вечером, влюбленный юноша не выдержал и пошел хоть издали взглянуть на дом Огинских. Окна парадных комнат не были освещены.

«Вероятно они в опере», – подумал Ядевский, нанял извозчика и поехал в театр.

– Скоро ли кончится опера? – спросил он у кассира.

– Каменный гость только что вышел на сцену, – отвечал тот.

Давали «Дон-Жуана». Казимир начал ходить взад и вперед, ожидая разъезда публики; минуты тянулись бесконечно. Наконец двери из коридора распахнулись, и пестрая толпа нарядных дам и кавалеров, смеясь и разговаривая, наполнила вестибюль. Ядевский притаился в тени, за колонной, и с удовольствием заметил, что Анюта, идя под руку с графом, ни разу не улыбнулась и даже не позволила ему посадить ее в карету.

На другой день рано утром Тарас принес ему записку следующего содержания: «Приходите сегодня к вечерне в католическую церковь и ждите меня у исповедальни, налево от двери. Ваша верная Анюта».

Свечи уже горели, когда Казимир вошел в церковь. Он

остановился у колонны неподалеку от двери. Вскоре вошла Анята в сопровождении Тараса и села на переднюю скамейку. Инстинктивно оглянувшись, она заметила Ядевского и приветливо кивнула ему. Началась служба. Никогда еще молодой человек не молился так усердно, как в этот день. Ему казалось, что его молитва вместе с чистым голосом невинной девушки как фимиам возносится к престолу Всевышнего. Наконец вечерня закончилась, народ вышел из церкви, и молодые люди встретились в условленном месте.

– Мне надо многое рассказать вам, – начала Анята.

– Прежде всего, я должен вам признаться, что мною в эти дни овладело сомнение, но я увидел вас вчера под руку с Солтыком, и тяготившее меня чувство ревности рассеялось как дым.

– Это мне не нравится, Казимир... Вы за мною следите... Разве вы не уверены в моей к вам любви?

– Мне просто захотелось увидеть вас.

– Не делайте этого, если не желаете огорчить меня.

– Даю вам честное слово, что это не повторится.

Они сели на скамейку. В церкви царил таинственный полумрак, там и здесь перед иконами теплились лампадки.

– Если бы вы знали, друг мой, как я страдала в эти дни! – сказала девушка, и глубокий вздох вырвался из ее груди. – Я никого не полюблю кроме вас, но я потеряла надежду сделаться вашей женою. Мои родители угрожают мне проклятием и лишением наследства... Это ужасно, не правда ли?..

Для вас я готова пожертвовать всем на свете, но и с вами я не буду счастлива, если надо мной будет тяготеть родительское проклятие.

– Вас пытаются только запугать этим, – успокаивал ее Казимир. – Прошли те времена, когда неверных жен замуровывали в стену, а непокорных дочерей запирали в монастырь! Кто проклянет свою единственную дочь только за то, что она следует велению своего сердца? Поверьте, этого не может быть.

– Вы мало знаете моих родителей.

– Я вижу, вы упали духом.

– Нет, милый мой... Посоветуйте, что мне делать?

– Есть одно средство... и средство верное, – после минутного колебания отвечал Казимир.

– Какое? Да говорите же, ведь я не ребенок!

– Побег...

– На это я не решусь.

– А я, кроме побега и тайного брака, других средств не знаю.

– О, друг мой, благословение священника не снимет с меня родительского проклятия!

– Не верьте этому, Анюта, вас только пугают.

– Нет, Казимир, нет, я не могу последовать вашему совету... Я люблю вас более всего на свете, но я люблю и моих родителей и не хочу огорчить их.

– Вы всего боитесь... Положитесь на меня, и я устрою это

дело как нельзя лучше.

– Нет, не могу! Это убьет моих родителей.

– Вы не решаетесь потому, что не любите меня! При первом препятствии вы готовы покинуть меня... Ваша мать была права, называя эту любовь ребяческим чувством, пустою мечтой с вашей стороны!

– Вооружитесь терпением, друг мой, если вы меня действительно любите, – умоляла Аня.

– Я докажу вам на деле всю силу моей любви. Вы легко перенесете разлуку со мною, а я разлуки с вами не переживу... Лучше умереть, чем видеть вас замужем за другим!

– Так вот награда за мою любовь к вам? Нет, Казимир, вы этого не сделаете.

– Я потерял надежду на счастье, а жизнь без вас не имеет смысла.

– Следовательно, вы сомневаетесь в моей верности?

– Вы заражены предрассудками, Аня. Ваши нянюшки и гувернантки вбили вам в голову какие-то дикие понятия о жизни!.. Надо бороться с препятствиями.

– Лучше погибнуть, чем решиться на бесчестный поступок.

– Так умрем же вместе! – в порыве страсти вскричал пылкий юноша, прижимая Аню к своему сердцу.

– Я согласна, – с кроткой улыбкой ответила девушка, – но не теперь, когда все еще может перемениться к лучшему.

Горькая усмешка скользнула по губам Ядевского.

– И на это не достаает у вас смелости! – проговорил он.

– Что с вами сегодня, Казимир? Право, я не узнаю вас.

– Я кажусь вам странным, даже смешным, потому что принял шутку за серьезное чувство... Вам только кажется, что вы любите меня. Завтра, быть может, мысли ваши примут другое направление, а послезавтра вы и вовсе меня позабудете... Пережить это я не в силах... Пуля избавит меня от этого ненавистного существования!

– Сохрани вас, Боже, от этого, Казимир!.. Подумайте только, как это огорчит вашу мать!.. Опомнитесь!.. Вы не в своем уме!..

– Нет, я говорю совершенно хладнокровно.

– Дайте мне честное слово, что вы не застрелитесь.

– Вы хладнокровно приговариваете меня к пожизненной каторге...

– Я желаю сохранить вашу жизнь, потому что она принадлежит мне! – и Аня обняла и крепко поцеловала юношу. – Любовь наша преодолет все препятствия, и мы будем счастливы!

Казимир с сомнением покачал головою.

– Верите ли вы мне... даете ли честное слово, что не застрелитесь?

– Вот вам моя рука... я сдержу данное мною слово. Но вы еще не знаете, что такое время. Это страшная, всепокрушающая сила, уничтожающая медленно, но верно ваши впечатления, желания, мечты, страсть и даже воспоминания. Слу-

чается, что самая пламенная любовь со временем превращается в равнодушие... О, не дай Бог дожить до этого!.. Я потерял надежду на счастье, потому и возвращаю данное вами мне слово... Вы свободны...

– Вы разлюбили меня! – вставая, вскрикнула Аня. – Я это чувствую...

– Я люблю вас до безумия!.. Но я не хочу дожить до той минуты, когда вы сами станете смеяться над этой любовью и называть ее юношеским увлечением или просто глупостью.

– О, как мало вы меня знаете!

– Докажите, что я ошибаюсь, решитесь обвенчаться со мной без согласия ваших родителей, и тогда я поверю, что вы меня любите... Нет?.. В таком случае мы оба свободны. Нас не связывают более никакие клятвы, никакие обещания, мы с вами больше не увидимся...

Будущее покажет, насколько искренним было ваше чувство.

– Я не заслужила от вас такой жестокости, Казимир! – Бедная девочка закрыла лицо руками, и горячие слезы потекли по ее щекам.

– Проклинайте меня, но я не могу поступить иначе.

– Вы добровольно отказываетесь от меня?

– Согласитесь на побег со мною...

– Я не смею...

– Ну, так прощайте.

И Ядецкий быстрыми шагами вышел из церкви.

XIX. В сетях

В числе прочих городских новостей Сесавин рассказал Эмме Малютиной о катастрофе, уничтожившей юношеские мечты Казимира. Он не предполагал, какое глубокое впечатление эта история произведет на его собеседницу. Она вскрикнула, побледнела, вскочила с места и в сильном волнении начала ходить взад и вперед по комнате.

– Расскажите мне все, что вы знаете, – попросила она, всеми силами стараясь скрыть овладевшее ею чувство. – Да говорите же!.. Родители отказали ему от дома, а девочка выходит замуж за графа Солтыка, – не так ли?

– Ну да... Понятно, такая блестящая партия!..

– Бедный поручик увлекся несбыточной мечтой и больше ничего.

Как только ушел Сесавин, Эмма написала письмо Ядевскому, прося его зайти к ней, когда у него будет свободная минута.

«Что со мною? – насторожилась она. – Какое-то лихорадочное состояние... сердце замирает... И все это из-за любовной неудачи Казимира?.. Нет, это потому, что он влюбился в Огинскую... Уж не ревную ли я?.. Разве я сама влюблена в него?..» – и она почувствовала, как вся кровь ее взволновалась при этой мысли.

Не прошло и полчаса, как в ее гостиную вошел Ядев-

ский, бледный, мрачный, задумчивый. Молодая хозяйка с приветливой улыбкой пожала ему руку.

– Давно вы у меня не были, – начала она.

– Действительно, я очень виноват перед вами.

– Я была на вас сердита, но как только вы вошли в комнату, я вам все простила.

– Очень вам благодарен.

Разговор прервался. Казимир сидел, бессознательно глядя в одну точку, а Эмма внимательно рассматривала его похудевшее бледное лицо.

– Что с вами? – прервала, наконец, Эмма тяжелое молчание. – Куда девалась ваша прежняя веселость?

– Жизнь надоела мне, – дрожащим голосом отвечал юноша, – пора прекратить эту невыносимо глупую комедию.

– Вас огорчили?

– Нет.

– Обидели, огорчили!.. Не скрывайте... я знаю все!

Казимир пожал плечами.

– Вы любите эту девочку?.. Не знаю почему, но мне кажется, что она недалекого ума, так, хорошенькая кукла, и больше ничего.

– Извините, но я оставляю ваши слова без ответа.

– Это делает вам честь... Но то, как она поступила с вами, говорит само за себя... Мне понятны ваши страдания, Казимир, и даю вам слово не касаться более этой темы. Постарайтесь вырвать отравленную стрелу из вашего сердца, и,

поверьте мне, оно заживет скорее, нежели вы думаете, а я буду утешать вас... Было время, когда вы находили удовольствие в моем обществе.

– Вам захотелось пристыдить меня, – произнес Ядевский, целуя руку Эммы.

– Будем, как раньше, друзьями.

– Как вы добры!.. Я жаждал встречи с вами... вот почему я и явился по первому вашему приглашению... Ах, если бы вы знали!..

– Я верю вам, Казимир, и прошу вас бывать у меня как можно чаще, хоть каждый вечер... Обещаете?

– Вы оказываете мне истинное благодеяние, Эмма!.. Ваш приветливый взгляд, ваши дружеские слова так благотворно действуют на мое растерзанное сердце. Мне кажется, что подобное чувство испытывают невольники, когда их освобождают от цепей... Вы такая чародейка, что стоит вам только захотеть чего-нибудь, и вы этого наверняка достигнете.

Проводив своего гостя, Эмма легла на диван и глубоко задумалась. Теперь ей было ясно, как день, что она любит Казимира Ядевского, что это не мимолетная прихоть ее воображения, а чувство серьезное, овладевшее ею с невероятной силой. Почему же ей так страшно при мысли, что она любит молодого человека? Почему ей как будто жаль его? Потому что, следуя учению своей секты, она должна будет печься о спасении его души, не останавливаясь ни перед какими мерами, как бы жестоки они ни были. Ей не запрещалось выйти

замуж за любимого человека. Жизнь одинаково греховна как в дикой пустыне, так и в гареме султана и одинаково требует искупления посредством жертвы. Она делается женою Казимира и впоследствии вместе с ним принесет Богу жертву такую же священную и такую же кровавую, как жертва Авраама и Исаака.

На следующий день Казимир послал Эмме букет из фиалок и белых камелий. Она обрадовалась, как ребенок, поцеловала лепестки и сама поставила букет в вазу.

Ядевский был в каком-то странном, ему самому непонятном состоянии. Это пугало его. Он все еще любил Анюту, тосковал по ней, а между тем чувствовал, что Эмма подчиняет его своей власти, и охотно поддавался чарующему обаянию ее красоты. Некому было разделить с ним его горе, некому утешить его. Утратив надежду жениться на избраннице своего сердца, он был точно в каком-то тумане. И вот из этого тумана возник прелестный образ подруги детства; он манит, ласкает его, и пылкий юноша бессознательно попадает в расставленные сети.

Вечером он пришел гораздо раньше, чем его ожидали, и целых полчаса вынужден был довольствоваться обществом Елены, успешно разыгрывавшей роль добродушной тетушки. Эмма занималась своим туалетом. Когда она с холодной гордой улыбкой на устах вошла наконец в гостиную, Казимир с трудом поверил своим глазам. Он увидел светскую женщину, почти кокетку. Эмма предстала перед ним в рос-

кошном платье, с длинным шлейфом, и показалась ему выше ростом, полнее и величественнее, чем всегда.

Маленькие ножки ее были обуты в изящные, вышитые золотом турецкие туфли, шея и руки полуоткрыты, густые волны золотистых волос перевязаны красной лентой.

Эмма пожала ему руку и села напротив него у камина. Елена, под предлогом хозяйственных распоряжений, вышла из комнаты, и они остались вдвоем. Девушка хотела, во что бы то ни стало, очаровать своего собеседника, и ей это вполне удалось. После чая Казимир встал с кресла и в глубокой задумчивости начал ходить по комнатам. Целая вереница разнообразных мыслей проносилась у него в голове, кидая его то в жар, то в холод.

Эмма подошла к нему, положила свои маленькие ручки ему на плечи и проговорила тихим голосом:

– Мой бедный друг!

Юноша молча склонил голову.

– Вы несчастливы, – продолжала она, – вы тоскуете... Ах, если бы я могла вас утешить!

– Это в вашей власти.

– Не переговорить ли мне с Анютой?

– Нет, ради Бога, не делайте этого! – со слезами на глазах воскликнул Ядевский.

Эмма поцеловала его в лоб – он мгновенно оживился, обнял ее и прижал к своей груди.

– Нет, нет, нет! – закричала она, вырываясь из его объ-

тий. Но, после минутного размышления, сама бросилась к нему на шею и покрыла его лицо жгучими поцелуями.

– Уйдите... уйдите отсюда, – задыхаясь, прошептала она. – Слышите ли вы?.. Я вам приказываю!

Казимир повинился. Но в ту минуту, когда он вышел на улицу, она отворила окно, вынула из букета белую камелию, бросила ему и проговорила чуть слышно:

– До свидания.

XX. Пастушеская драма

С некоторых пор граф Солтык находился в тревожном, непривычном для себя состоянии. В прежние времена день пролетал для него с невероятной быстротой, теперь же сутки казались ему целой вечностью. До сих пор женщины сдавались ему без всякого сопротивления, по первому знаку, словно одалиски; и вдруг молодая девушка, почти ребенок, вполне овладела его сердцем и помыслами. Граф, как бешеный дикий зверь, метался по городу: из дома – в клуб, потом – на бульвар, оттуда – в роскошный салон какой-нибудь светской дамы, а в конце концов все-таки оказывался у подъезда Огинских, куда его влекла какая-то сверхъестественная непреодолимая сила. Он презирал себя, мысленно проклинал за эту слабость. Не раз случалось ему в порыве ярости топтать ногами букет цветов, предназначенный Анюте, но затем он приказывал садовнику сделать другой букет и отсылал его со своей визитной карточкой предмету своей пламенной любви.

Куда бы ни вышла Анюта, она заранее знала, что встретится с Солтыком. Прогуливалась ли она по улице, он, словно демон, вырастал перед нею, как из-под земли; ездила ли она в магазины, он, как лакей, нес ее пакеты с покупками; каталась ли в санях, он гарцевал вслед за нею на своем арабском скакуне; в театре он поджидал ее, стоя у подъезда, и по

окончании спектакля усаживал в карету. То же самое повторялось на балах, на концертах, и, кроме того, он ежедневно бывал в доме ее родителей.

Весь город говорил о женитьбе графа Солтыка, все девушки завидовали Анюте Огинской, только она одна равнодушно относилась к ухаживаниям своего кавалера – не поощряла его ни словом, ни взглядом, впрочем, была безукоризненно вежлива с ним, только все время молчала. На нее не действовали ни убеждения родителей, ни дружеские советы приятельниц.

Обманутый в своих ожиданиях иезуит не на шутку встревожился и начал искать удобного случая, чтобы переговорить с Анютой наедине. Случай этот вскоре представился. Однажды после обеда патер зашел к Огинским и застал свою любимицу дома одну.

– Я вижу, ты занимаешься вышиванием символического изображения своей власти, дитя мое, – улыбнулся патер Глинский, садясь возле пялец.

– Что вы имеете в виду?

– Ведь это туфли, если я не ошибаюсь? Как счастлив будет мой граф под этим прелестным игом!

– Ваш граф под моим игом?.. – пробормотала девочка и покраснела до ушей.

– Кокетка! – погрозил ей пальцем иезуит. – Это тебя тешит?.. Знаем мы ваши женские хитрости!

– Боже мой!.. Если бы я надоела, опротивела вашему гра-

фу, я на коленях приползла бы в Ченстохово благодарить Богородицу за эту милость.

– Ты шутишь, Аня?

– Нет, я говорю серьезно.

– У тебя все еще в голове этот поручик?

– Не в голове, а в сердце.

– Ты с ума сошла!

– Может быть... Я никогда не буду графиней Солтык.

Патер Глинский наклонился над пальцами, взял Анюту за обе руки и, поцеловав в лоб, продолжал кротким, назидательным тоном:

– Дитя мое, жизнь дана нам не для одних наслаждений.

На каждого из нас возложены священные обязанности, и мы должны исполнять их по совести, руководствуясь велением разума, а не мимолетными увлечениями нашего сердца.

– Мой разум и моя совесть велят мне стать женой любимого человека. С ним одним я буду в состоянии исполнить обязанности, возложенные на меня Богом и людьми.

Лукавый иезуит был совершенно обезоружен этим прямым, откровенным ответом, но замешательство его продолжалось только одну секунду – он снова принялся за уговоры:

– Разве граф Солтык недостоин твоей любви?... Любая из твоих подруг была бы счастлива оказаться на твоём месте... Этот надменный человек лежит у твоих ног, а ты отвергаешь его!.. Никто не верит тому, что ты его не любишь!.. Твое ребяческое упрямство непростительно, потому что оно огор-

чает твоих родителей, огорчает меня, твоего духовного отца. И хуже всего то, что ты готова променять счастье всей твоей будущей жизни на какую-то пустую мечту.

Долго говорил иезуит, и так как Аня не возражала ему ни словом, ни движением, он был почти уверен в успехе.

– Надеюсь, что ты поймешь всю пользу моих советов, перестанешь упрямяться и отдашь руку моему графу, сказал он в заключение.

Девушка подняла на него взгляд и отрицательно покачала головой.

Патер Глинский ушел домой раздосадованный ее упрямством. Он скрыл от графа свою неудавшуюся попытку и только подумал, глядя как тот, собираясь ехать к Огинским, охорашивается перед зеркалом: «Милый мой, не помогут и твои черные усы там, где мое красноречие было разбито в прах одним кивком упрямой головки!»

Но на этот раз судьба была благосклонна к влюбленному графу. Приехав к Огинским, он застал Аню в слезах.

– Что с вами? – спросил он и прибавил с непритворным участием: – Успокойтесь ради Бога!

– Она плачет, потому что умерла ее любимая канарейка, – объяснила Огинская.

– Бедная птичка!.. Но ведь можно разыскать другую...

Аня снова залилась слезами.

– Да я готов перевернуть весь мир, чтобы вызвать улыбку на ваших устах! – воскликнул Солтык и, как вихрь, выбежал

из комнаты. Спустя час он вернулся назад и повел девушку, на глазах которой еще блестели слезы, в зимний сад. Там их ждали шестеро лакеев графа, у каждого в руках был большой мешок. По знаку хозяина они развязали мешки, и сотни золотистых канареек огласили воздух звонким пением, порхая по ветвям пальм, померанцевых и лимонных деревьев, по лианам и орхидеям.

Радостная улыбка заиграла на губах Анюты, она с благодарностью пожала руку своему кавалеру.

– Я собрал канареек со всего Киева! – воскликнул граф. – Быть может, хоть одна из них заменит вашу любимицу.

Анюта собиралась произнести слова благодарности, но ее смутил пламенный взор графа. По счастью, одна из птичек села к ней на плечо, подняла крылышки и громко запела.

– Счастливица!.. Как я завидую ей! – вздохнул Солтык.

Девушка стояла ни жива ни мертва, ей страшно было взглянуть на своего собеседника.

– Вы так добры ко всем, кроме меня, – продолжал граф, – я, словно падший ангел, стою у дверей рая и не смею войти в него... Для меня у вас нет ни ласкового слова, ни приветливого взгляда.

– Не требуйте от меня любви, граф, – сказала Анюта, не поднимая головы, – я не могу... Почему вы не хотите быть моим другом?

– Я готов довольствоваться и этим, дорогая Анюта, хотя и не теряю надежды со временем заслужить вашу любовь.

– Не знаю почему, но мне кажется, что любовь нельзя заслужить. Она дается добровольно или отвергается без всякого очевидного основания... Здесь нами управляет высшая, неведомая нам сила.

– Значит, вы отнимаете у меня последнюю надежду?

Анюта не ответила. Граф глубоко вздохнул, поклонился и вышел.

Другую девушку он непременно возненавидел бы в эту минуту, но Анюту он полюбил еще сильнее прежнего.

Вся гордость его возмущалась при мысли, что она будет принадлежать другому. Он принял твердое решение избавиться от своего соперника, уничтожить его во что бы то ни стало.

XXI. Шаг вперед

В один из вечеров у Огинских собралось небольшое общество. Посреди ярко освещенной и роскошно обставленной залы с темно-красными занавесями и порттьерами стоял бильярд. Вокруг него суетилась веселая молодежь, вооруженная длинными киями.

В углу у камина шла игра в вист. Партию составляли: хозяин и хозяйка дома, патер Глинский и старик статский советник, похожий на египетскую мумию в черном фраке. В другом углу два генерала времен императора Николая I играли в шахматы.

Граф Солтык не спускал глаз с Анюты, прислушивался к каждому ее слову, следил за каждым ее движением, не обращая ни малейшего внимания на остальное общество. Упавший с бильярда шар вывел его из оцепенения. Анюта и Беляров бросились поднимать шар, а Генриетта, лукаво улыбаясь, обратилась к Сесавину с вопросом:

- С кем это вы вчера прогуливались по бульвару?
- Вероятно с моей тетушкой, – отвечал молодой человек.
- Нет, это была молоденькая, хорошенькая дамочка...

Признавайтесь, кто она?

- Да-да, и я тоже слышала, – вмешалась в разговор Анюта.
- Теперь я припоминаю, – сказал Сесавин, – это была мадемуазель Эмма Малютина.

– Актриса?

– Нет, она дочь почтенных родителей. Мать ее вдова и живет постоянно в деревне, неподалеку от Киева, а девушка приехала сюда погостить у своей тетушки.

– Генриетта в восторге от ее красоты, – заметила Аня, – и говорит, что она похожа на героиню романа.

– Уж скорее драмы, а не романа, – усмехнулся Сесавин, – в ней столько гордого, даже я бы сказал, классического величия.

– Вы возбуждаете мое любопытство! – вскричала Аня. – Граф Солтык, не знакомы ли вы с этой красавицей?

– Нет, не знаком.

– В самом деле, это какая-то загадочная личность, – продолжал Сесавин, – мне иногда кажется, что она целиком выскочила из какой-нибудь волшебной сказки или старинной хроники. Я был недавно свидетелем такой потрясающей сцены, которую невозможно забыть... Я и теперь содрогаюсь при одном воспоминании о ней!

– Расскажите, расскажите! – раздалось со всех сторон.

– О ком это вы говорите? – спросила Огинская.

– О новой знакомой господина Сесавина.

– Наверно, какая-нибудь студентка!

– О, нет! Благородная барышня, мадемуазель Малютина.

– Не дочь ли полковника Малютина?

– Кажется...

– Это очень хорошее семейство... Расскажите же нам, ге-

роиней какого романического происшествия она была?

Сесавин подробно рассказал о происшествии в зверинце. Присутствующие слушали его, затаив дыхание, только граф Солтык сидел в стороне, понутив голову, и, по-видимому, не разделял всеобщего восторга, хотя рассказ Сесавина и произвел на него глубокое впечатление.

– Вы влюблены в эту Эмму Малютину? – с задорной улыбкой спросила Генриетта.

– Я этого и не скрываю... За нею ухаживает и Ядевский. Анята вздрогнула и покраснела.

– Как бы мне хотелось с нею познакомиться! – воскликнула Генриетта.

– И мне тоже, – чуть слышно добавила Анята.

– Желание ваше исполнить нетрудно, – вмешался хозяин дома, – мы пошлем ей приглашение.

– Эмма Малютина нелюдимка, – возразил на это Сесавин. – Позвольте мне прежде рассказать ей о вашем желании.

– Что за церемонии! – перебила Огинская. – Мы с Анятой сделаем ей визит и наверняка завербуем ее в наше общество.

Молодежь вернулась к бильярду, а старики – к карточному столу; но и теми и другими овладело какое-то непонятное, тревожное ощущение, всем так и чудилось, что в комнате невидимо присутствует очаровательная таинственная героиня трагического приключения. Сильнее других испытывал это чувство граф Солтык. Он был уже заочно влюблен в Эмму Малютину, как некогда, в дни своей юности, в древ-

нюю царицу Семирамиду. Он верил в силу магнетизма, но мог ли он в эту минуту подозревать, что юная жрица неведомой ему секты мечтает о том, как бы поймать его в свои сети. Случайно взглянул он на Анюту и подумал: «Просто хорошенькая девочка, которую забавляют канарейки, а не борьба со львами!...»

Дня через два Сесавин вбежал к Эмме и сказал:

– Огинские едут к вам с визитом. Они сейчас будут здесь.

– И что же? – без малейшего удивления спросила девушка.

– Я употребил все свое красноречие, и они захотели с вами познакомиться. Только, ради Бога, дайте им понять, что в знакомстве с ними для вас нет ничего особенного. Вы должны сыграть выдающуюся роль в кругу киевской аристократии.

– С благодарностью воспользуюсь вашим советом.

– И еще...

– Знаю, знаю!.. Мне надо принарядиться для того, чтобы оправдать ваши преувеличенные похвалы, не так ли?

– Вы угадали... хотя это совершенно лишнее, потому что вы прекрасны и в самом простом платье. Прощайте! – и Сесавин поспешно вышел из комнаты.

Эмма задумалась. Это был первый шаг к желаемой цели, удобный случай для встречи с графом Солтыком. Она очарует его, опутает своими сетями и, что бы там ни было, найдет способ исполнить возложенное на нее поручение.

Она поправила прическу и осмотрела себя в зеркале с головы до ног, без кокетства и без тщеславия, а так, как солдат осматривает свое оружие накануне сражения.

Борис пришел доложить о приезде Огинских.

– Какой приятный сюрприз, – сказала Эмма, приветливо встречая их на пороге гостиной. – Чем заслужила я такую честь?..

– Я слышала о вас так много хорошего, даже необыкновенного, – начала Огинская, присаживаясь на диван, – что не могла устоять против желания познакомиться с вами покороче и должна признаться, что расточаемые вам похвалы несколько не преувеличены. Вы такая хорошенькая, дитя мое, дайте мне на вас наглядеться... Сколько ума, сколько смелости в вашем взгляде!.. Теперь я понимаю, почему львы вам повинуются!.. Вы сами львица... О, как должна гордиться вами ваша мать!

Между тем Анюта не спускала глаз с Эммы, а той было достаточно и одного взгляда на невинную девочку, чтобы убедиться в том, что ей будет нетрудно отбить у нее графа Солтыка, но зато почти невозможно будет вырвать ее образ из сердца Казимира Ядевского. Ей предстояла борьба не на жизнь, а на смерть, и исход этой борьбы был покрыт мраком неизвестности.

Прощаясь, они пристально взглянули друг на друга, улыбнулись и поцеловались.

– Ну, какова ваша новая знакомая? – спросил Солтык,

приехав к Огинским в тот же день вечером.

– В высшей степени интересна! – ответила мать.

– И красавица в полном смысле этого слова, – добавила дочь.

Граф не мог удержаться от иронической усмешки.

– Чему вы так зло улыбаетесь? – спросила Аня. – Глядя на Эмму Малютину, я подумала, что вы сотворены друг для друга и что вы будете героем ее романа.

Огинская бросила на дочь строгий укоризненный взгляд, но та его даже не заметила.

– Вы уже слышали, что она способна быть героиней драмы, а не романа, – шутя, заметил граф.

– Пожалуй, и драмы, – это для меня безразлично.

XXII. Кровожадный взгляд

Граф Солтык возвращался из театра. Антракты он провел в ложе Огинских, по окончании спектакля усадил их в карету, приказал своему кучеру ехать домой, а сам пошел пешком. Он был взволнован и хотел пройтись, чтобы успокоить нервы. Дойдя до своего дома, он повернул в узенький, слабо освещенный переулок, ведущий к реке. Вскоре он очутился в лабиринте незнакомых улочек. У него невольно мелькнула мысль о ночном приключении, и тут же в тишине ночи раздались громкие проклятия и грубый хохот очевидно пьяных мужчин и среди них, диссонансом, – звучный женский голос. Граф поспешил на помощь и, подойдя ближе, увидел женщину, окруженную толпою молодых людей. Защищаясь с невероятной храбростью, ей удалось сильным толчком в грудь повалить на землю одного из нападавших, и выхватить револьвер. Мужчины отшатнулись, и она произнесла твердым голосом:

– Я застрелю как собаку каждого, кто осмелится подойти ко мне!

Несмотря на это предостережение, Солтык сделал шаг вперед и сказал, вежливо снимая шляпу:

– Сударыня, позвольте мне предложить вам свои услуги.

– Благодарю вас, хотя я и не нуждаюсь в посторонней помощи, – произнесла незнакомка, сурово взглянув на графа

сквозь вуаль. – Хорошо, потрудитесь проводить меня, – прибавила она, беря его под руку.

Между тем, шайка негодяев уже успела опомниться.

– Так вот почему вы ломались! – вскричал один из них.

– Этот новый претендент нравится ей больше, чем мы! – заорал другой.

– Мы потребуем от него удовлетворения, – прибавил третий.

– Удовлетворения?! – гордо вскинув голову, воскликнул граф. – Берегитесь, как бы вас самих не привлекли к ответственности!.. Прочь с дороги, если не хотите, чтобы моя палка познакомилась с вашими спинами!

– Попробуйте!

Граф не стал повторять, и через мгновение двое из нападавших, окровавленные, лежали на снегу, а остальные – спасались бегством.

Незнакомка молча шла под руку со своим защитником, а он любовался ее величественной осанкой, безукоризненным профилем и выбившимися из-под меховой шапочки золотистыми волосами. Им овладело странное, незнакомое чувство: он еще не был влюблен в эту женщину, но ему казалось, что он, наконец, нашел подругу жизни, с которой его ничто не сможет разлучить.

На углу одной из улиц незнакомка остановилась и с благодарностью пожала ему руку.

– Я вам больше не нужен? – спросил граф, устремляя на

нее выразительный, умоляющий взгляд.

– Очень вам благодарна... Теперь я могу прийти домой без провожатого... здесь недалеко.

– Как вам угодно... Но признаюсь вам, мое сердце болезненно сжимается при мысли, что мы с вами уже более не встретимся.

– Быть может, когда-нибудь вы меня и увидите.

– Позвольте узнать...

– Нет, нет, нет, – быстро прервала его незнакомка. – Сегодня вы от меня ничего не услышите, кроме того, что я благородная девушка, достойная защиты графа Солтыка.

– Вы меня знаете?

– Да... Но, довольно об этом... Скоро вы обо мне услышите. До свидания! – и она ушла, надменно кивнув ему головой.

Граф долго смотрел ей вслед и вдруг ударил себя ладонью по лбу:

– Ведь это она, – пробормотал он, – та странная, отважная девушка, о которой говорил Сесавин... Это личность выдающаяся... такие встречаются редко... И зачем столкнула меня с ней судьба, для счастья или для гибели?..

Вернувшись домой, граф долго сидел в задумчивости перед угасающим камином. Весь следующий день он мечтал о таинственной незнакомке: ее очаровательный образ преследовал его и на катке, и в клубе, и за обедом у знакомых, и даже вечером, у Огинских.

Когда Солтык вошел в гостиную, Эмма Малютина была уже там, и хозяйка дома тотчас познакомила их. Но начинало смеркаться, а лампы еще не зажигали, так что граф не мог рассмотреть ее черты. Он только внимательно прислушивался к звуку ее голоса и этот голос казался ему знакомым.

Наконец гостиную осветили, и чудная девушка предстала перед его взором во всей красоте. На ней было черное бархатное платье, отделанное белым кружевом, роскошные волосы были гладко зачесаны назад и копной лежали на затылке. Благородная простота этого наряда придавала ей неотразимую прелесть. Она разговаривала с Анютой. Случайно обернувшись и увидев Солтыка, она бросила на него выразительный взгляд. Это не ускользнуло от патера Глинского и произвело на него самое неприятное впечатление.

– Вы сдержали свое слово, – чуть слышно произнес граф, подойдя к Эмме.

– Пользуюсь случаем, чтобы еще раз поблагодарить вас за услугу, – отвечала красавица, протягивая ему руку.

В эту минуту к ним подошел иезуит.

– Слышали ли вы, граф, об ужасном происшествии в Каменец-Подольске? Там в лесу нашли наполовину сожженную на костре молодую женщину.

– Ах, какой ужас... Кто же виновники этого преступления? – раздалось со всех сторон.

– Полагают, что это дело рук секты, так называемых «Небесных посланников, или парадизиаков».

– Вам известно что-нибудь о них? – спросила Огинская.

– Я слышал кое-что, – отвечал патер Глинский.

– Расскажите же нам! – вскричала Анюта.

– Все, что вы знаете! – прибавила Генриетта.

– Это таинственная секта, члены которой убивают своих ближних во имя Бога Живаго. До сих пор полиции не удалось передать в руки правосудия ни одного из ее приверженцев.

– Не выдумка ли это? – спросил Солтык.

– Нет, граф, ужасные доказательства ее существования обнаруживаются почти ежедневно. Она сродни известной индийской секте душителей. Догматы их верования основаны на том, что мы живем на этом свете для искупления своих грехов и только те из нас попадут в царство небесное, которые окончат жизнь добровольной мученической смертью. Но и это еще не все. Мнимые благодетели рода человеческого стараются завлечь в свои сети некоторых, заранее назначенных ими личностей, и, если те не пожелают добровольно принести себя в жертву, они без церемонии убивают их во имя Божие, обещая за то отпущение грехов. Кроме того, они подвергают своих жертв ужасающим пыткам, и когда несчастные мученики, истощенные невыносимыми страданиями, начинают молить о смерти, их укладывают на жертвенник перед изображением распятого Спасителя и жрец или жрица из секты умерщвляют их во славу Божию.

– Это невероятно! – воскликнул Сесавин.

– Поверьте, что я не грешу против истины, – подтвердил иезуит. – В этой секте, как и в большинстве русских сект, например, у духовоборов, беспоповщины и других, женщины играют заглавную роль и представляют три различных типа: во-первых, кающаяся грешница или добровольная мученица, подвергающая себя истязаниям в надежде на отпущение грехов; затем, так называемая, «спасительница душ», заманивающая грешников в свои сети; и, наконец, жрица, хладнокровно вонзающая нож в неповинную жертву. Самая опасная из них – «спасительница душ», потому что она скрывается под маской светской дамы, и мы не подозреваем об ее присутствии среди нас.

При этих словах Анюта инстинктивно взглянула на Эмму, которая, казалось, равнодушно слушала иезуита. Но после слов о «спасительнице душ» она устремила на оратора такой взгляд, что невинная девочка невольно содрогнулась. Это был кровожадный взгляд разъяренной тигрицы.

Никто из присутствующих ничего не заметил, но на Анюту увиденное произвело неизгладимое впечатление. Она вдруг вспомнила, что Казимир Ядевский знаком с Эммой Малютиной, и сердце ее замерло от ужаса.

XXIII. Куда?

– Наконец-то я застал тебя дома! – воскликнул Казимир, входя однажды вечером в гостиную Эммы. – Ах, как давно мы с тобою не видались!.. За что ты меня так наказываешь? – прибавил он, становясь перед ней на колени и покрывая ее руки горячими поцелуями. – Где ты была? Вероятно, у новых друзей, которые для тебя дороже, чем я!

– Мы не виделись всего один день, – улыбнулась девушка.

– Нет, три дня, они показались мне тремя годами!.. Вечностью!

– Ты все преувеличиваешь... Я навестила свою больную приятельницу и отдала визит Огинским.

– Так ты у них бываешь?.. Желал бы я знать, с какой целью они с тобою познакомились? Чего они от тебя хотят?

– Решительно ничего... Да если бы у них и была какая-нибудь предумышленная цель, то поверь, я сумела бы ее разгадать. Неужели ты сомневаешься в твердости моего характера?

– Нисколько... Я и сам не знаю, почему это меня так тревожит... Ты, вероятно, уже познакомилась с Солтыком?

– Разумеется!

– И он произвел на тебя сильное впечатление?

– Ни малейшего... Да встань же, сделай одолжение, сюда может войти тетушка или кто-нибудь из посторонних, а ты

стоишь передо мной на коленях.

– Какая ты красавица, Эмма! – воскликнул Ядевский, садясь возле нее на стул.

Действительно, девушка в эти последние дни расцвела, как майская роза. Неудивительно: впервые в жизни она была влюблена. Это чувство оживило ее, придало всему ее существу еще большую прелесть. Теплая, напитанная запахом цветов атмосфера комнаты, слабый свет лампы под зеленым абажуром, белое платье с голубыми бантами, хорошенькие ножки в голубых бархатных туфлях – все это производило на влюбленного юношу чарующее впечатление. Долго любовался он красавицей и наконец спросил:

– Любишь ли ты меня?

– Люблю, – отвечала Эмма тоном, уничтожавшим всякое сомнение, – тебя одного, и никого никогда больше любить не буду.

– Дорогая моя, ты согласна стать моей женой?

– Да... но не теперь, а со временем.

– Почему же?

– Для супружеского счастья недостаточно одной любви... быть может, мы не сойдемся характерами... А чтобы изучить друг друга, потребуется немало времени. Нельзя, закрыв глаза, броситься в бурный водоворот жизни. Он увлечет нас, а куда?.. Этого мы не знаем.

– Куда? – в раздумье повторил Казимир. – Это и есть главная загадка человеческой жизни. Я не ошибусь, если скажу:

в могилу! Не правда ли?

Эмма вздрогнула и побледнела.

– О, нет! – с трудом произнесла она, и губы ее задрожали. Казимир обнял ее за талию, и она прибавила чуть слышно: – Прошу тебя, не прикасайся ко мне.

Юноша в изумлении взглянул на нее, как бы желая разгадать, что значат эти слова, но это ему не удалось. Эмма поспешила переменить тему разговора.

– Я еду завтра верхом в село Мешково, – сказала она, – не проводишь ли ты меня?

– В такой мороз?.. Впрочем, как тебе угодно.

За чаем молодые люди говорили о политике, о театре, о киевских студентках. Когда они наконец расстались, было уже совсем поздно. Казимир не заметил, что когда он спустился по лестнице, какая-то женщина внимательно следила за ним, стоя на площадке.

– Ты видела его? – спросила Эмма, когда Рахиль вошла в гостиную.

Еврейка утвердительно кивнула головой.

– Узнаешь его при случае?

– Такие черты лица, как у этого барина, нелегко забыть.

– Слушай же: ты и твои люди должны следить за каждым его шагом и обо всем ежедневно докладывать мне.

– Будет исполнено.

– Нет ли чего-нибудь новенького?

– Вы увидите в Мешкове нашего апостола. Скажите ему,

что частный пристав Бедросов делал обыск в шинке и допрашивал меня. Он спрашивал, часто ли бывал у меня Пиктурно и не встречался ли он в моем заведении с какой-то дамой.

– Что же ты ему отвечала?

– Я отвечала, что Пиктурно был влюблен в меня по уши и бывал очень часто, но никогда не назначал в шинке свиданий другим дамам.

– Хорошо. Впредь надо быть осторожнее.

– Понимаю... Мне грозит такая же опасность, как и вам.

Прощайте, барышня, спокойной ночи.

На следующий день рано утром Эмма и Казимир отправились в село Мешково.

– Чудный день! – воскликнула девушка, садясь на лошадь.

– Но очень холодно.

– Скорость согреет нас: за городом можно пустить лошадей в галоп.

Эмма Малютина была в самом веселом расположении духа. Проезжая по городу, она любовалась роскошными магазинами и, как ребенок, хохотала, глядя на евреев в долгополых кафтанах, которые, словно стая ворон, сновали взад и вперед по улицам. За городом она дала волю своей лошади и с быстротой молнии помчалась по дороге, блестящей, как серебряная лента под утренними лучами солнца. По пути повстречалась им едущая на розвальнях баба, и Эмма вдруг высказала свое странное мнение о русских женщинах.

– С первого взгляда они кажутся одалисками, в сущности

же они скифские амазонки, неутомимые, неустрашимые и жестокие создания.

Подъезжая к усадьбе села Мешково, девушка объявила, что пробудет здесь до вечера, и попросила подождать ее в шинке.

– Хорошо, – ответил Ядевский и спросил, издали увидев на дворе мужчину, закутанного в шубу: – Что это за человек? Он ждет тебя?

– Это священник... Не спрашивай меня... Прощай.

Казимир отправился в шинок, а Эмма подошла к апостолу и сказала:

– Я приехала сюда по твоему приказанию.

– Пойдем в дом, и дай мне отчет по делу, которое на тебя возложено, – сухо ответил апостол.

Он привел ее в комнату, слабо освещенную лампой под красным абажуром и заставленную массивной старинной мебелью, сел в кресло и приступил к допросу. Умное красивое лицо его рельефно выделялось на темном фоне обоев, ноги покоились на пушистой медвежьей шкуре; на пальце, как крупная капля крови, блестел огромной величины рубин. Девушка, стоя, рассказывала ему о своих делах.

– Не ожидал я такого быстрого и благоприятного результата, дочь моя, – с благосклонной улыбкой заметил апостол, выслушав рассказ Эммы. – Но теперь мы должны быть очень осторожны. – Ты хочешь еще что-нибудь поведать мне? – прибавил он после минутного размышления.

– Ты угадал, святой отец, – прошептала юная грешница, – ты заглядываешь в самые сокровенные глубины человеческого сердца... и я не смею таиться от тебя...

– Ты желаешь исповедаться?

Эмма упала на колени и горько заплакала.

XXIV. Исповедь

– Расскажи мне, что обременяет твою совесть? – кротким мягким голосом начал апостол, кладя свою холеную руку на поникшую голову кающейся.

– Я великая грешница.

– Не заблуждаешься ли ты, дочь моя? Расскажи мне откровенно все, что лежит на твоей совести.

– Я люблю, – прошептала Эмма и еще ниже склонила голову, трепеща как преступница, ожидающая смертного приговора.

– Это было мне известно еще тогда, когда ты сама об этом не подозревала.

– Грех мой так велик, что я готова искупить его моей смертью, если ты это прикажешь.

– Я не имею права ни осудить, ни наказать тебя, потому что ты не сделала ничего дурного. На земле все происходит по воле Божией, и мы должны ей повиноваться. Пути провидения неисповедимы! Ты не жаждала этой любви, она овладела тобой независимо от твоей воли. Ты считаешь это чувство пагубным, ты борешься против него всеми силами и не ожидаешь в будущем ничего, кроме скорби. Смею ли я наказывать тебя за такую любовь? Она послана тебе Богом неизвестно с какой целью... Покорись же Его премудрому всемогуществу, дитя мое, а я, смиренный раб Божий, именем

Его отпускаю тебе этот грех.

– И позволяешь мне любить Казимира?

– Позволяю.

– Но он требует, чтобы я сделалась его женой... До сих пор я не соглашалась под различными предложениями... Научи, что мне делать?

– Догматы нашего верования не запрещают вступать в брак.

– Нет, мне этого мало... Скажи, разрешаешь ли это ты?.. Мне необходимо твое благословение. Я готова повиноваться твоему приказанию, как бы жестоко оно ни было.

– Поступай по влечению твоего сердца, дочь моя. Стань женой любимого человека и постарайся спасти его душу.

– Я это сделаю.

– Свято исполняй возложенные на тебя обязанности. До сих пор ты делала это безукоризненно, продолжай свою миссию и в замужестве. Рассчитываешь ли ты обратить своего мужа на путь истины?

– Да, с помощью Божией.

– До времени не открывай мужу нашей тайны.

– В этом я поклялась перед алтарем и не изменю своей клятве. Если он меня действительно любит, то будет слепо следовать за мной, если же нет... в таком случае, лучше нам теперь же расстаться с ним навсегда!

– Так, дитя мое, эту благую мысль внушил тебе сам Господь. На тебе лежит Его благословение. Он избрал тебя для

великих целей, недоступных нашему разуму. Ты наследуешь царство небесное, где ликуют святые угодники... Встань, дочь моя.

– Я давно уже не была на богослужении, – сказала Эмма, – когда позволишь ты мне помолиться вместе с моими братьями и сестрами?

– Сегодня!.. Приготовься... Я пришлю за тобой.

Эмма поцеловала руку своего духовного отца и вышла из комнаты. В сенях ее встретила старушка и отвела в маленькую комнату.

– Отдохните здесь, милая барышня, – сказала она, – я принесу вам что-нибудь покушать.

Несколько минут спустя она принесла девушке обед и платье, в котором та должна была присутствовать при богослужении.

Было уже почти темно, когда во двор начали съезжаться экипажи и в коридоре послышался шорох шагов. Наконец явилась старушка и доложила Эмме, что пора идти на молитву.

В зале собралось человек тридцать мужчин и женщин – все они, стоя на коленях, усердно молились. У стены был устроен алтарь, за которым возвышалось распятие. Все присутствующие были в серых одеждах, подпоясанных веревками. Апостол вошел в залу в сопровождении двух хороших мальчиков, поднялся по ступенькам к алтарю и обратился к молящимся с назидательной речью. Затем все вместе за-

пели покаянный псалом, некоторые при этом били себя кулаками в грудь. Вдруг один из молящихся, пожилой мужчина атлетического сложения, выступил вперед, растянулся крестообразно на полу перед алтарем и закричал:

– Братья и сестры мои и ты, служитель Господа, помогите мне искупить грехи мои! Спасите мою душу! Спасите ее от вечной гибели! Вырвите ее из когтей сатаны!

Мальчики обнажили плечи кающегося грешника. Апостол подошел к нему и три раза топнул ногой по его затылку, приговаривая:

– Господи, отпусти ему грехи его и воззри на его смирение! – потом, взяв плеть, трижды ударил гиганта по плечам и сказал: – Прими это бичевание, которое для твоего искупления от первородного греха претерпевал Господь наш Иисус Христос, Спаситель мира, едиnorodный Сын Божий; и Он, ведающий грехи мира, отпустит тебе твои прегрешения!

То же самое повторили поочередно вслед за апостолом и все присутствующие.

Тут вышел на середину залы молодой человек с бледным изнуренным лицом и блуждающим взором. Он бросился на колени и воскликнул:

– Наденьте мне на голову терновый венец, бейте меня по щекам, дайте мне испытать все страдания моего Божественного Искупителя!

В одно мгновение руки добровольного мученика были связаны веревками, которыми были подпоясаны одежды сек-

тантов, девушка надела ему на голову терновый венок и дюжина женских рук придавила его с такой силой, что кровь ручьями заструилась по лицу юноши. Третий фанатик попросил пригвоздить его к кресту и проколоть ребро копьем. Одна из женщин раскаленным железом сделала себе раны на руках и ногах, ничем не обнаруживая своего страдания. Мало-помалу все притихли и, стоя на коленях, стали молиться. Апостол снова подошел к алтарю, простер руки к небу и произнес звучным голосом:

– Возрадуемся о Господе, братья мои, и прославим Творца небесного!

При этих словах он сбросил с себя верхнюю одежду, и остался в белоснежной тунике, в какой изображают ангелов. Все присутствующие последовали его примеру и, стоя в этом ангельском облачении, хором запели хвалебный гимн. Девушки украсили головы венками, взяли в руки зеленые ветки и под звуки тамбуринов начали плясать вокруг алтаря.

Было уже совершенно темно, когда Эмма подъехала к шинку и хлыстом постучала в окно.

– Хорошо ли ты провела время? – спросил Казимир, садясь на лошадь.

– Да, очень хорошо, – сухо ответила девушка, и они шагом поехали по дороге.

– Мне нужно поговорить с тобой, – начала Эмма после долгого молчания, – и поговорить откровенно... Скажи, хочешь ли ты на мне жениться?

– Можешь ли ты в этом сомневаться? Да я так счастлив, что...

– Я согласна сделаться твоей женою, но только с одним условием, которое ты можешь принять или отвергнуть по своему усмотрению.

Выслушай меня... Ты, вероятно, в детстве читал волшебные сказки... Вообрази, что перед тобой стоит гений: добрый или злой – неизвестно, и требует твоего безусловного повиновения его воле, обещая тебе за это самую счастливую будущность... Гений этот – я... Будешь ли ты мне повиноваться?

– Конечно, буду... Ведь ты мой ангел-хранитель?

– Я люблю тебя, Казимир, и желаю, чтобы ты был счастлив не только в продолжение твоей земной жизни, но и на том свете... Я постараюсь спасти твою душу от вечных страданий и ввести ее в царство небесное.

– Эмма, я уже давно догадался, что ты сектантка.

Девушка устремила на него взор полный страдания, но не возразила ни слова.

– Я охотно буду тебе повиноваться, – продолжал Ядевский, – но прошу тебя, выскажи мне все, что у тебя на сердце.

– Изволь... Ты не будешь мучить меня мелочными подозрениями?

– Никогда!.. Клянусь тебе!

– Не будешь ревновать?

– К кому же?

– Да, например, хоть бы к графу Солтыку?

– Опять загадка, прелестный мой сфинкс!

– Нет, милый, я говорю серьезно... Если в тебе есть хоть тень сомнения, я готова отказаться от твоей любви. Теперь я предоставляю тебе полную свободу выбора; после венца будет уже поздно, я буду требовать твоего повиновения... Обдумай мои слова, прежде чем ты решишься сделать этот важный шаг.

– Я уже решился! – вскричал пылкий юноша. – Ничто на свете не разлучит нас, моя Эмма.

XXV. Ледяная Венера

Граф Солтык приглашал всю киевскую аристократию на костюмированный бал. Не только юные сердца трепетали от радости – пожилые люди с напряженным любопытством ждали этого бала, зная, что завзятый выдумщик наверняка готовит им какой-нибудь сюрприз.

Просторные залы барского дома превратились в волшебные сады, гроты, палатки и т. п. Казалось, что все страны света наперебой помогали графу в исполнении его фантазий. Хозяин дома в безукоризненном, выписанном из Парижа бальном туалете принимал гостей, стоя на верхней площадке мраморной лестницы. Родственник графа Тараевич и патер Глинский вводили их в залу и оставляли восхищаться необыкновенной роскошной обстановкой.

Вдруг снизу раздался сигнальный свисток, возвещающий о приезде Огинских. Солтык встретил их у подъезда, и с удовольствием заметил, что вместе с ними приехала и Малютина. Рассыпаясь в комплиментах, радушный хозяин повел старуху Огинскую вверх по ступенькам украшенной экзотическими растениями и изящными коврами лестницы. За ними шли Огинский под руку с Эммой и Анюта – с Сесавиным.

Огинская была в черном бархатном платье; в ушах, на шее и на руках ее блестели фамильные алмазы. На Анюте было креповое платье золотистого цвета, отделанное крошечными

колибри, и такая же птичка была приколата у нее в волосах брильянтовой шпилькой. Ее обнаженные плечи прикрывала ротонда из темно-красного плюша, подбитая чернобуркой. Эмма была поразительно хороша в легком розовом платье, усеянном букетами мелких роз. Шею ее обвивало дорогое жемчужное ожерелье.

Граф ввел своих гостей в зал, утопающий в зелени и цветах: колонны, поддерживающие свод, были обвиты гирляндами, фонтаны обрушивались в серебряные бассейны с золотыми рыбками. На эстраде за стеной из зелени оркестр играл полонез, под звуки которого прохаживались взад и вперед нарядные дамы и кавалерами.

За огромным танцевальным залом шли анфиладой пять комнат меньшего размера, каждая из которых изображала одну из частей света. Там были устроены уединенные уголки для людей, не любящих шумной толпы. Обширная столовая была украшена картинами, изображающими сцены охоты, оленьими рогами, чучелами зверей и охотничьим оружием. Старинный резной буфет был заставлен серебряными подносами и вазами, на которых грудями лежали экзотические фрукты и конфеты. В следующей за тем передней гости надели свои шубы и вышли на террасу. По обеим сторонам ее стояли чучела белых медведей с пылающими факелами в лапах; ступеньки были устланы медвежьими шкурами. Широкая сосновая аллея вела к пруду: воздух был пропитан запахом смолы, ветви деревьев – увешаны разноцветными фо-

нариками. Гости ступали по мягким, оленьим шкурам, которыми была выстелена мерзлая земля аллеи.

Все это было прелестно, точь-в-точь картинка из волшебной сказки!

Посреди озера красовался ледяной храм, наподобие знаменитого ледяного дома на Неве, построенного в царствование императрицы Анны Иоанновны. Внутри храма стояла ледяная статуя Венеры с венком из цветов на голове. Вдоль берегов замерли ледяные дельфины. Из их открытых пастьев извергались фонтаны горячей нефти, ярко освещая это искрящееся ледяное величие. Эскимосы катались в санях, запряженных оленями, собачья упряжка промчала салазки камчадалов; на украшенной зеленой эстраде играли музыканты в костюмах белых медведей; на берегу юрты из звериных шкур так и манили влюбленных на свидание с глазу на глаз.

Граф Солтык заметил, что Эмма стоит на берегу одна и как будто ищет кого-то глазами в толпе гостей.

– Вы, вероятно, потеряли вашего кавалера, – сказал он ей, – позвольте предложить вам свои услуги?

Девушка взяла его под руку.

– Вот ваша эмблема, – продолжал граф, указывая на ледяной храм.

– В каком смысле?

– Вы ледяная богиня любви.

– Лед тает под первыми лучами весеннего солнца.

– Совершенно справедливо... Но когда же настанет для вас эта весна? Какое солнце совершит над вами это чудо?

– Я слышала об одном чародее, легко покоряющем женские сердца...

– Скажите лучше чародейке, то есть любви... Но вы неспособны полюбить кого-нибудь.

– Мне и самой так кажется.

– У вас нет сердца.

– Есть... но ледяное.

– О, если бы пламя моей любви могло растопить его!

– Мое сердце не игрушка, граф, – серьезно возразила Эмма.

Граф прикусил губу... В эту минуту к ним подошла Аня, и разговор прекратился.

«Он мой, – думала Эмма, входя под руку с Аней в танцевальную залу, – я употреблю всю свою хитрость и все свое кокетство; буду дразнить его своей неприступностью... Думаю, это то, что нужно. Бедный граф! Для меня тем легче будет завлечь и погубить его, что он не возбуждает во мне ни малейшей симпатии».

Думая об этом, она заметила, что Казимир Ядецкий задумчиво стоит у колонны и пожирает глазами Аню. Как-то мысль промелькнула у Эммы в голове – она незаметно вышла из зала, воспользовавшись тем, что ее юная соперница с кем-то вальсировала.

В конце коридора находились уборные для дам, желаю-

щих переменить костюм в продолжение бала. У одной из дверей стоял Борис с огромной картонкой в руках. По приказанию своей барышни он отворил дверь комнаты, но стоило Эмме ступить за порог, как ее обхватили две нежные ручки и пара прелестных голубых глаз приветливо заглянули ей в лицо.

– Наконец-то я поймала вас, моя милочка! – воскликнула Генриетта. – Теперь уж я с вами не расстанусь!

– Нам поневоле придется расстаться, – возразила Эмма, – я затеваю маленькую маскарадную интригу и пришла сюда, чтобы переодеться. Надеюсь, вы не помешаете мне осуществить эту невинную шалость.

– Боже меня сохрани! Я никому не выдам вашей тайны. Позвольте мне помочь вам переодеться.

Девушки вошли в уборную и заперли за собою дверь. Картонка с костюмом уже стояла в углу, у окна. Эмма подошла к зеркалу и начала раздеваться, между тем как Генриетта, вынимая одну за другой различные принадлежности костюма, громко выражала свой восторг. Когда красавица была одета, юная пансионерка, вскричала, влюбленно глядя на нее:

– Не знаю, почему все, даже Аня Огинская, считают вас загадочной, опасной личностью! Я же с первого взгляда полюбила вас всем сердцем!

– Берегитесь, – улыбнулась Эмма, – быть может, под этой юбкой скрывается рыбий или змеиный хвост.

– Вы необыкновенное неземное создание! Вы обладаете

тайственной властью привлекать и покорять сердца. Я испытываю эту власть на себе... Меня влечет к вам непреодолимая сила... Примите меня в число ваших союзниц... Я буду вашей сестрой... вашей самой покорной ученицей!

– Вы говорите это, не шутя? – пристально глядя на Генриетту, спросила сектантка.

– Я готова следовать за вами, куда бы вы меня ни повели, без малейшего страха и колебаний...

– Ну, это мы увидим. У вас будет возможность доказать вашу покорность и смирение. А сейчас, для начала, наденьте на меня чулки и башмаки.

Генриетта немедленно опустилась на колени и принялась исполнять приказание, а Эмма смотрела на нее с величественным равнодушием гордой повелительницы.

XXVI. Маскарадная интрига

В танцевальную залу вошла высокая стройная женщина, в роскошном костюме турецкой султанши. Лицо ее скрывалось под густой вуалью, сквозь которую так и сверкали большие голубые глаза. Костюм ее состоял из широких желтых атласных панталон и коротенькой юбочки, поверх которой были надеты голубой, вышитый серебром и отделанный горностаем кафтан и короткая жилетка из ярко-красного бархата; на шее висело монисто из кораллов, жемчуга и дукатов; тюрбан был украшен великолепной брильянтовой брошкой.

Мужчины толпами следовали за ней, осыпая ее комплиментами, но она не обращала на них внимания. Наконец у буфета в столовой она увидела того, кого искала, подошла к нему, положила руку на плечо и сказала:

– Здравствуй, Казимир Ядевский, отчего ты сегодня так грустен и задумчив?

– Меня ничто не радует.

– Помилуй, есть так много способов разогнать тоску!.. Да вот самый лучший из них, – добавила она, беря с буфета бокал с шампанским и подавая его офицеру.

– Что это, сладкий яд или любовный напиток?

– Ни то, ни другое.

– За твое здоровье! – и Казимир залпом осушил бокал.

– Есть еще и другое средство.

– Какое же?

– Ухаживай за мной.

– На это я не способен.

– Потому что ты влюблен.

– Может быть.

– Ты любишь двух женщин... обе они здесь... о которой из них ты сейчас мечтаешь?

– Это инквизиторский допрос?

Султанша засмеялась.

– Теперь я узнал тебя! Ты Эмма Малютина.

– Не выдавай меня, – шепнула она, крепко сжимая его руку, – за нами следит граф Солтык, а мне хочется заинтриговать его.

Действительно, граф стоял у дверей, устремив взор на прекрасную султаншу. Кровь клокотала в его жилах от зависти и ревности. В то же самое время другие, прелестные, подернутые слезами глаза робко, со страхом, смотрели на Казимира. Это была Анюта; она узнала Эмму, и сердце ее болезненно сжалось.

Султанша сделала несколько шагов в сторону графа Солтыка, но в эту минуту к нему подошел патер Глинский и шепнул на ухо:

– Я считаю своим долгом предостеречь вас, граф... Эта султанша – Эмма Малютина... Заметили ли вы, как она разговаривала с офицером и пожимала ему руку?

– Что с того?

– Кокетка опутывает вас сетями...

– Вы ошибаетесь, – с иронической усмешкой возразил граф, – эта девушка холодна как лед.

– Я знаю, что Ядевский часто бывал у нее...

– Как и Сесавин.

– Она одинаково дурачит их обоих.

– Тем лучше!

– Вы добровольно стремитесь к своей гибели! Я вижу, что спасти вас уже невозможно.

– Послушайте, мой любезный патер, если ад населен такими красавицами, как Эмма, то вы первый убежите из рая в царство сатаны.

Солтык устремился вслед за удаляющейся султаншей и догнал ее на пороге комнаты, изображающей Азию.

– Здесь твое царство, – сказал он ей, – позволишь ли ты своему рабу войти вместе с тобой?

Султанша ответила легким кивком головы.

Стены и потолок комнаты были обиты персидскими коврами, в центре возвышался шатер, увенчанной золотым, осыпанным драгоценными камнями полумесяцем; пол был покрыт индийскою тканью белого цвета, в которой ноги тонули, как в мягком снегу. С потолка спускался красный фонарь; там и сям лежали подушки; сильный, одуряющий запах благовоний струился в воздухе. Все это располагало к отдохновению, неге и мечтательности.

Эмма прилегла на диван, покрытый шкурой пантеры.

Граф остановился перед ней, с трудом сдерживая порывы бушевавшей в нем страсти.

– Выслушайте меня! – начал он дрожащим от волнения голосом. – Ободрите меня хоть одним словом, иначе я не решаюсь...

– Неужели вас до такой степени смущает и страшит разговор с женщиной?

– Да, потому что эта женщина вы, Эмма!

– Вы ошибаетесь.

– Нет, я узнал вас... Возможно ли вас не узнать, не различить, даже и под маской, между тысячами женщин?.. Да, это вы, Эмма, всегда надменная, холодная и жестокая.

– Это не жестокость, а лишь благоразумие.

– Чем я заслужил вашу ненависть? За что вы с таким убийственным недоверием относитесь ко мне?

Коварная улыбка скользнула по губам красавицы.

– Какая оскорбленная невинность! – воскликнула она. – А как же ваше прошлое... Поступки Дон-Жуана в сравнении с вашими кажутся проказами неопытного школьника.

– Уверяю вас, что моя репутация в этом отношении слишком преувеличена, хотя я не безгрешен в известном смысле. Что же я за человек по вашему мнению?

– Вы злодей, потому что ухаживаете за мной, будучи влюблены в Анюту Огинскую.

– Меня хотят женить на ней, – это правда.

– Иезуитская тактика! Вы сделаетесь орудием для дости-

жения каких-нибудь политических целей; вот зачем необходимо это соединение двух могущественных польских фамилий.

– Быть может, вы и правы, но я вовсе не гожусь для этих целей.

– Следовательно, вы не любите Анюту?

– Нет... Я люблю вас! – добавил он, становясь на колени.

Громкий смех был ответом на это признание.

– Вы смеетесь... Вы мне не верите... Клянусь, что до встречи с вами мое сердце было свободно! Я ухаживал за женщинами, но никогда не увлекался ими. То были мимолетные юношеские забавы, и больше ничего... Я не умею определить то чувство, которое вы возбуждаете во мне. Оно для меня так ново, так необъяснимо. Я не влюблен в вас, не ослеплен вашей красотой, но мне кажется, что мы созданы друг для друга, что жизнь вдали от вас была бы для меня адом. Если это не любовь, то что же тогда?

Эмма с непритворным участием смотрела на его красивое выразительное лицо.

– Бедный граф, – вздохнула она. – Я начинаю верить, что вы меня действительно любите.

– И вам жаль меня, потому что вы не можете ответить мне взаимностью... Сердце ваше принадлежит другому.

– Я не люблю вас, но сердце мое свободно, попробуйте покорить его. Скажу вам более: из всех моих поклонников вы один нравитесь мне, – прибавила она, расстегивая толстую

золотую цепь, обвивавшую ее руку.

– Следовательно, вы позволяете мне надеяться?.. О, какое счастье!

Вне себя от радости граф покрывал руки красавицы пламенными поцелуями, а она тем временем накинула на него цепь.

– Вы делаете меня своим рыцарем?

– Нет, своим рабом... Вы видите, что я сковала вас.

Между тем, в танцевальной зале к Казимиру Ядевскому подошла маска в розовом домино.

– Ты один, – начала она, – где та очаровательная женщина, в которую ты влюблен?

– Я не понимаю, о ком ты говоришь... Сердце мое свободно, – возразил молодой человек.

– Меня тебе трудно будет обмануть. Я знаю, что ты недавно клялся в любви одной девушке, но ты забыл свои клятвы и влюбился в другую...

– Кто ты? – воскликнул Казимир, схватив незнакомку за руку.

Рука ее дрожала.

– Нет, не может быть... Я ошибаюсь, – процедил он сквозь зубы. – Признайся, тебя кто-нибудь подослал ко мне?

– Никто... Я хочу предостеречь тебя... Тебе угрожает опасность.

– С какой стороны?

– Со стороны любимой тобой женщины.

– Если ты хочешь, чтобы я поверил тебе, расскажи мне все, что ты знаешь.

Глубокое сострадание выразилось в черных глазах незнакомки.

– Изволь, – сказала она, – ты узнаешь все... Но не теперь... Здесь не место для подобных объяснений.

Незнакомка вырвала свою руку из рук Ядевского и исчезла в толпе...

XXVII. Небо и яд

Через два дня Казимир Ядевский получил анонимное письмо, в котором его приглашали на свидание в католическую церковь, ту самую, где он имел последнее объяснение с Анютой Огинской.

В первую минуту ему показалось, что письмо от нее, но разговор с розовым домино навел его на другую мысль. Быть может, Эмма имеет серьезные виды на графа Солтыка. В таком случае, частые посещения другого поклонника могут стеснить ее. И она подслала свою поверенную, чтобы напугать его мнимой опасностью и заставить прекратить свои визиты. Загадочные поступки Эммы были для него неисчерпаемым источником душевных тревог. Мало-помалу недоверие закралось в его сердце и овладело им с невероятной силой.

Тем не менее, в назначенный час он отправился в церковь. Она была пуста, только перед алтарем молилась на коленях какая-то женщина. Шорох шагов Казимира заставил ее оглянуться. Она встала и пошла ему навстречу.

– Благодарю вас за то, что вы пришли сюда, – сказала она, подавая ему руку.

– Возможно ли это?.. Анюта! – в изумлении пролепетал молодой человек.

– Да, это я, – ответила она, откидывая вуаль со своего

бледного печального лица. – Я боюсь за вас, Казимир...

Не могу сказать вам ничего положительного, но я чувствую, что вам угрожает опасность. Загадочная личность Эммы Малютиной внушает мне ужас. Мне кажется, она принадлежит к какой-то таинственной секте, и вы непременно сделаетесь ее жертвой, если Бог не поможет мне спасти вас.

– Какие мрачные предчувствия! – воскликнул Казимир. – Эмма подруга моего детства! Она дочь почтенных, всеми уважаемых родителей.

– Это решительно ничего не доказывает! Тайные религиозные секты стараются приобретать сообщников в аристократических семействах и делают их орудием для достижения своих целей. Быть может, и Эмма принадлежит к одной из таких сект.

– Смерть не страшит меня... Жизнь утратила смысл, когда вы меня разлюбили... Эмма не сделает меня несчастнее, чем сделала ваша измена, Анюта.

– Она убьет вас! – воскликнула девушка. – О, Казимир, сжальтесь над вашей матерью... Сжальтесь надо мной!.. Сердце мое обливается кровью при мысли...

Громкие рыдания прервали ее слова.

– Моя смерть не может огорчить графиню Солтык.

– Я никогда не буду женой графа. Он сделал мне предложение, но я отказала ему.

– Правда ли это, Анюта? Почему же вы скрыли это от меня?

– Я поклялась вам в вечной верности и никогда не нарушу своей клятвы.

– Простите меня... Я усомнился в твердости вашего характера и, под влиянием оскорбленного самолюбия, сам изменил вам.

– Охотно прощаю вам все и не требую вашей любви... Я желаю спасти вашу жизнь, научите меня, как это сделать?

– Уверяю вас, Аня, что вы ошибаетесь.

– Нет-нет! Расстаньтесь с Эммой... Избегайте ее!

– Не могу... Теперь уже поздно...

– Скажите лучше, что не хотите, потому что ваша любовь к ней слишком сильна.

– Вы дали волю своему воображению и видите опасность там, где ее нет. Эмма честная, откровенная девушка...

– Вам только так кажется.

– Я постараюсь принять все меры предосторожности, чтобы успокоить вас.

– Люди, ослепленные страстью, не могут быть осторожными, они блуждают во тьме. Вы не слушаете моих советов, ну так я буду охранять вас помимо вашей воли... Я вступаю в открытую борьбу с Эммой, и Бог поможет мне спасти вас.

– Выкиньте из головы эти фантазии, Аня.

– Это не фантазии, а страшная, ужасающая действительность! – серьезным, решительным тоном возразила Аня. – Я молода и неопытна, но я искренне люблю вас... Прощайте, Казимир, ради Бога, будьте осторожны!

– Когда же мы с вами увидимся?

– Зачем?.. Теперь это ни к чему... Быть может, со временем, когда вы освободитесь от цепей, – и Анюта быстрыми шагами вышла из церкви.

«Эмма действительно находится под чьей-то таинственной властью, в этом она сама мне призналась... Кто управляет ею? К какой секте она принадлежит? Почему я не решаюсь расстаться с ней, несмотря на овладевшее мною сомнение? Неужели, я так сильно люблю ее?.. А эта невинная, любящая девочка?.. Разве возможно любить двух женщин одновременно?»

Все эти вопросы с быстротой молнии промелькнули в голове Ядевского, но не привели ни к какому решению. Его несло с необыкновенной силой, но куда? – этого он и сам не знал. С одной стороны, солнечный свет в образе чистой, невинной девушки, с другой – непроницаемый мрак и дивная красота Эммы Малютиной...

Час спустя Рахиль уже донесла Эмме об этом свидании в церкви.

– Уверена ли ты в том, что это был Ядевский? – спросила Эмма.

– Уверена, я даже слышала их разговор.

– О чем же они говорили?

– О вас, барышня. Она его предостерегала, но он ей не поверил.

– Не объяснялись ли они друг другу в любви?

– Нет. На прощание поручик спросил у барышни, когда они увидятся, а та отвечала ему: «Зачем? Теперь это ни к чему».

– Хорошо. Ступай домой.

По уходе еврейки Эмма написала два письма: одно – графу Солтыку, подписанное ее именем, другое – Ядевскому, измененным почерком и без подписи. Она приглашала обоих приехать в оперу. Первое было послано с Борисом, второе отнес лавочник-еврей.

Граф явился в театр еще до начала спектакля и стоял на лестнице, ожидая приезда красавицы, покоровшей его гордое сердце. Наконец появилась и она в сопровождении своей мнимой тетушки в старомодном, впрочем, очень приличном костюме. Солтык вежливо поклонился Эмме, пожирая ее своим страстным взором, а она только кивнула ему и молча прошла мимо.

Казимир, сидя в партере, видел, как она вошла в ложу и тотчас обратила на себя внимание публики. Простой, но изящный наряд как нельзя лучше гармонировал с ее величественной красотой. Она спустила с плеч мантилью и гордым, равнодушным взглядом окинула зал.

«Где она выучилась одеваться с таким вкусом? Знаю, что в Париже она не бывала», – глядя на нее, думал Солтык.

Во время первого антракта Казимир хотел было пойти в ложу Эммы, но граф опередил его. Кровь так и закипела в жилах пылкого юноши, когда он увидел, с какой приветли-

вой улыбкой красавица встретила его соперника.

«Что со мной? – мысленно спрашивал он себя. – Неужели это ревность?»

Самые мрачные мысли проносились у него в голове, волнение возрастало с каждой минутой, он задыхался. Вне себя от бешенства он вышел из зала, чтобы освежиться, а возвращаясь, стал у колонны, поджидая, когда выйдет Солтык, но – увы! – граф так увлекся разговором, что отклонялся только после второго действия, и Казимир тотчас же занял его место.

– Почему ты так опоздал? – спросила Эмма, не замечая его волнения. – Разве ты не получил моей записки?

– Я получил анонимное письмо... Вот оно...

– Не сердись, это была шутка! Мне хотелось поразить тебя моим нарядом и вскружить тебе голову.

– Я здесь с самого начала оперы.

– Неужели? А я тебя и не заметила.

Ядевский устремил на нее взгляд полный укоризны, но тем не менее страстно поцеловал ее руку. А она мысленно торжествовала, сознавая, что сердце его всецело принадлежит ей.

XXVIII. Путь в царствие небесное

Смелая, хладнокровная, невозмутимая Эмма Малютина слегка вздрогнула, когда Борис подал ей визитную карточку патера Глинского, до такой степени неожиданным был этот визит. Однако, она быстро овладела собой и сказала:

– Просите.

Хитрый иезуит вошел в гостиную с самой сладкой улыбкой. Хозяйка легким движением руки указала ему место на диване и с сознанием собственного достоинства устремила на него вопрошающий взгляд.

– Извините меня... Я, кажется, побеспокоил вас не вовремя, – начал патер Глинский, – но причина моего визита так важна, – я бы даже сказал, священна, – что я отчасти имею право на ваше снисхождение... Речь идет о счастье моего дорогого графа... Я воспитывал его и люблю, как сына...

Наступила довольно продолжительная пауза. Иезуит надеялся, что Эмма поможет ему каким-нибудь вопросом или замечанием, но она слушала его с таким непритворным равнодушием, словно хотела сказать: «Какое мне дело до твоего графа». Патер растерянно потирал руки и расправлял складочки на своем рукаве. Наконец он решился прервать это затянувшееся молчание и сказал:

– Я полагаю, сударыня, что вы уже угадали причину моего визита?

– Вы ошибаетесь, я о ней даже не подозреваю, – ответила девушка с таким неподдельным простодушием, что буквально поставила в тупик опытного дипломата ордена иезуитов.

– Я желал бы... Но, прежде всего, позвольте отдать вам должное, вы были восхитительны в костюме султанши.

– Неужели вы пожаловали сюда для того, чтобы сказать мне этот комплимент? – насмешливо улыбнулась Эмма.

– О нет, – пролепетал иезуит, – я веду речь к тому, что мой граф влюбился в вас до безумия...

– Да, он за мною ухаживал, – равнодушно ответила гордая красавица.

– Значит, я не ошибся... Понятно, что внимание графа льстит вашему самолюбию, положим даже, что это чувство доставляет удовольствие и ему самому, но вместе с тем оно огорчает многих и в особенности меня, его воспитателя, от души желающего видеть его счастливым.

– Теперь я вас уже вовсе не понимаю, будто вы говорите на незнакомом мне иностранном языке.

– Известно ли вам, что граф Солтык помолвлен?

– Да, я это слышала.

– Что вся Польша жаждет этого союза двух могущественных фамилий?

– И это мне известно.

– Скажите, почему же вы так стараетесь разрушить наши планы?

– Я?! – Эмма надменно вскинула голову и засмеялась. –

И не думаю!

– Зачем же вы завлекаете графа?

– Не могу же я запретить ему ухаживать за мной! Я бы стала предметом всеобщих насмешек. Впрочем, он ничем не нарушает законов приличия.

– Вы уклоняетесь от положительного ответа... а между тем всеми силами поощряете графа...

– Нисколько.

– Не пора ли прекратить эту игру словами, сударыня, оставим остроумие в стороне... Разрыв графа с семейством Огинских был бы несчастьем для всех, кто желает ему добра, а для него самого – в особенности... Вы препятствуете этому браку... в этом я уже убедился... и потому прошу вас, сударыня, прекратить ваши преследования.

– До сих пор граф не говорил со мной о любви, но если бы он это и сделал, то, поверьте, я не стала бы его слушать.

– Все это только слова! – возразил иезуит. – Я человек опытный и прекрасно понимаю, что вы имеете виды на моего бедного графа!

– Избавьте меня от ваших предположений, – строгим шепотом заметила Эмма. – Я не люблю вашего графа – достаточно ли этого для вашего успокоения?

– Виноват, сударыня, мы не понимаем друг друга. Я говорю, что вы желаете овладеть его сердцем.

– Нимало, а рукой – и того меньше, – не без гордости возразила Эмма.

– Да, не рукой... Мечта ваша совершенно иного свойства... Будем же говорить откровенно...

– Возможно ли это для человека, носящего рысу! – ядовито пошутила Эмма.

– Скажу вам откровенно, я еще не разгадал ваших намерений, но сердце мое подсказывает, что вы погубите графа.

– Если бы я действительно имела какие-нибудь виды на графа Солтыка, то вряд ли бы вы разгадали их, патер Глинский.

– Следовательно, вы признаетесь, что у вас есть определенная цель.

– Прошу вас, не приписывайте мне ваших собственных умозаключений... Я не сказала вам ничего.

– Опять громкие фразы!.. Вы злой гений моего графа, и я считаю своей священной обязанностью разлучить его с вами, во что бы то ни стало, потому что я желаю ему добра, а вы...

– Разве вы знаете, чего именно желаю ему я? – перебила его сектантка. – Мы оба хотим спасти графа, но идем к этой цели различными путями. Вы объявляете мне войну, и я смело принимаю ваш вызов... Я не боюсь ничего, потому что твердо уповаю на милосердие Божие!

Проницательный иезуит буквально остолбенел от изумления; перед ним была неразрешимая загадка. Неизвестно чем бы окончилось это объяснение, если бы в гостиную не вошла Генриетта Монкони. Пока она с восторгом обнимала и целовала Эмму, патер Глинский встал с дивана и начал отклани-

ваться.

– Вы уже уходите? – спросила вежливая хозяйка.

– Я полагаю, что отношения наши достаточно выяснились.

– Итак, война, не правда ли?

– Это зависит от вас, – и иезуит, бросив на Генриетту выразительный взгляд, полный искреннего сострадания, поклонился и вышел из комнаты.

– Зачем он сюда приходил? – спросила Генриетта.

– Он вообразил, что я отбиваю графа Солтыка у Анюты Огинской.

– Вы?! – и Генриетта громко захохотала. – Виноваты ли вы в том, что все мужчины, увидев вас, сходят с ума? Понятно, что Солтык потерял голову! Но ведь вам это безразлично, не так ли?

– Разумеется!

– Вы сотворены для всеобщего обожания, – продолжала восторженная девушка, – я это чувствую, точно так же как и другие. Вы сверхъестественное, неземное создание!

Генриетта упала на колени перед своим кумиром и продолжала, не спуская с Эммы больших синих глаз:

– Вы святая!.. Я молюсь на вас! В сравнении с вами все наши так называемые красавицы кажутся мне ничтожными. Даже Анюта Огинская, хотя я люблю ее, как сестру.

– Какое заблуждение!

– Это выше сил моих, я не могу думать о вас иначе. Не

отталкивайте меня, умоляю вас! Если я не достойна быть вашей подругой, я с радостью стану вашей рабой.

– Глупенькая фантазерка, – сказала Эмма, глядя ее по щеке.

– Осчастливьте меня!

– Если это в моей власти, я готова.

– Говорите мне «ты».

– Охотно, душа моя.

Генриетта бросилась к ней на шею и шепнула на ухо:

– Любишь ли ты меня хоть немножко? Позволишь ли ты мне всегда быть рядом с тобой?

– А что скажут на это твои родители? Ты невинный, неопытный ребенок, Генриетта, а я посвящена в такие тайны, от которых содрогнулось бы и мужское закаленное сердце. Тебе все улыбается в жизни, а я заглянула в глубокую пропасть бытия и увидела на дне ее такие ужасы, которые заставили меня отказаться от всех земных наслаждений. Поверь мне, для человека нет большего несчастья, как родиться на свет, а смерть есть истинное для него благоденствие. Ты не знаешь, даже не подозреваешь, на какие страдания обречен человек во время своей земной жизни, а я знаю все это.

– И ты не боишься?

– Нет, я не боюсь ничего на этом свете, потому что со мною Бог!

Голос Эммы звенел, как струна, глаза ее горели фанатизмом.

– Ты совсем не такая, как мы, ничтожные создания! – пролепетала Генриетта, с благоговением глядя на юную жрицу. – Ты похожа на боговдохновенную, премудрую и строгую ветхозаветную пророчицу. Ты предназначена Богом для великих подвигов! Это я угадываю сердцем... Позволь мне следовать за тобой повсюду. Укажи мне путь в царство небесное, где ты будешь ликовать наравне со святыми мученицами.

Эмма устремила на девушку долгий, пронизательный взгляд, погладила рукой ее шелковистые волосы и проговорила печальным тоном:

– Бедное, неразумное дитя, ты сама не знаешь, чего ты просишь...

Путь, по которому я иду, тернист и скорбен, и полит слезами... Иди своей дорогой!

– Нет, нет! – умоляла Генриетта, со слезами на глазах. – Не лишай меня блаженства жить и умереть с тобой! Я буду твоей послушной ученицей, твоей покорной рабой!

– Обдумала ли ты этот шаг?

– Серьезно, глубоко обдумала.

– Готова ли ты выдержать испытание?

– Какое тебе угодно.

– Тогда слушай меня. Первым условием для достижения царства небесного есть смирение, самое глубокое, самое неограниченное. Люди тщеславные и высокомерные не угодны Богу. Господь наш Иисус Христос избрал своих учеников

среди людей самых бедных. Сможешь ли ты променять это нарядное платье на рубище, сделаться слугой твоих ближних, не возмущаясь никакой работой. Обещаешь ли ты не оскорблять никого и смиренно переносить всякие обиды во имя умершего за нас Искупителя?

– Обещаю.

– Будешь ли ты повиноваться даже и тогда, когда приказание покажется тебе постыдным или жестоким?

– Буду.

– Отречешься ли ты от земных радостей?

– Я готова на все... готова следовать за тобой хоть в пустыню.

– Если ты обещаешь исполнить все эти условия, – сказала Эмма высокомерным тоном языческой жрицы, – то я во имя Бога Всемогущего нарекаю тебя нашей сестрой и позволяю тебе жить при мне в качестве служанки до того дня, когда Господу угодно будет призвать тебя к Себе!

При этих словах Эмма Малютина выпрямилась и дала девушке пощечину. Генриетта бросилась к ее ногам, покрыла их поцелуями и слезами и воскликнула:

– Я буду твоей рабою! Буду с наслаждением повиноваться твоей воле!

– Это не так легко, как ты думаешь. Для начала я тобой довольна – ты сразу поняла свою роль. Но ты меня еще не знаешь. Боже тебя сохрани восстать против моей власти! Простись навеки со своей волей и со своими желаниями. С этой

минуты я для тебя все, ты же сама – ничто! – И, гордо подняв голову, Эмма наступила ногой на затылок своей новой рабыни, а та, словно объятая священным ужасом, горько заплакала.

XXIX. Живые карты

В одно прекрасное утро Огинская намекнула мужу, что ему следовало бы тоже дать бал и пригласить графа Солтыка. Понятливый супруг согласился с ее мнением и только прибавил, что средства не позволяют ему соперничать с миллионером.

– Это совершенно справедливо, – согласилась Огинская, – поэтому мы должны придумать что-нибудь чрезвычайно оригинальное. Это уже твое дело, друг мой.

– Оригинальное!.. Легко сказать! Ты знаешь, что я не могу похвастать особенной изобретательностью...

– Поройся в своей библиотеке и, заодно, воспользуйся случаем и прикажи стряхнуть пыль со своих книг.

Огинский вздохнул, закурил сигару и отправился в библиотеку. Шкафы с книгами навели его на мысль, что в Киеве у него есть старый школьный товарищ, поэт, доживающий свой век где-то на чердаке, в обществе двух кошек.

– Нашел! – торжественно объявил он, возвратясь в будуар жены.

– Рассказывай же скорее.

– Нет, нет! Идея еще не созрела. Я пойду пройдуся и соображу, как все это устроить.

Огинский явился к голодному поэту не с пустыми руками. Он принес ему паштет и полдюжины бутылок вина. Старые

товарищи обнялись и расцеловались.

Поэт был в самом веселом расположении духа. После вкусного завтрака и нескольких стаканов вина в голове его так и зароились разнообразные проекты праздника. Между ними были и грандиозные, и смешные, и дикие, и сентиментальные, так что Огинский едва успевал записывать их в свою книжку. Наконец приятели расстались чрезвычайно довольные друг другом.

– Обдумал? – спросила Огинская, когда муж вернулся домой.

– Нет еще!

– Да ведь ты говорил, что какая-то идея созревает у тебя в голове.

– У меня их двадцать, и одна лучше другой. Вот послушай.

Огинский вынул из кармана записную книжку и начал читать вслух. Жена не могла надивиться его необыкновенной изобретательности и в первый раз в жизни взглянула на него с уважением.

– Превосходно! – воскликнула она, – все так хорошо, что выбор весьма затруднителен.

После долгих обсуждений остановились на одном из проектов, и Огинский взялся за его осуществление. Он лично выбирал среди знакомой ему молодежи самых красивых представителей обоего пола, заказывал им костюмы и распорядился репетициями национальных танцев для предсто-

ящего костюмированного бала.

Настал день праздника. Аня была грустна и задумчива, ее нисколько не интересовали все эти хлопотливые приготовления. Она была уже почти совсем одета, когда в комнату вошла ее мать и начала внимательно осматривать ее костюм с лихорадочной тревогой дуэлянта, проверяющего свои пистолеты накануне дуэли.

– Ты очень бледна, дитя мое, – заметила она, – тебе надо подрумяниться.

Лицо Ани искажилось презрительной гримасой.

– Что с тобой? Тебе как будто невесело?

– Странно, что ты этого до сих пор не замечала.

– Опять твои ребяческие фантазии! Тебе досадно, что мы не пригласили Ядевского... Неужели ты позволишь Эмме Малютиной отбить у тебя богатого жениха?

– Я охотно уступаю ей все права на сердце и руку графа Солтыка, – усмехнулась Аня.

– Очень глупо, – заметила Огинская и, пожав плечами, вышла из комнаты.

Хозяин встречал гостей у входа в залу. Солтык явился одним из первых.

– Вы так пунктуальны, граф! – сладко улыбаясь, пролепетала Огинская.

– Помилуйте! Я всегда так приятно провожу у вас время, что не желал лишиться себя ни одной минуты удовольствия.

– Очень рада, что вы у нас не скучаете.

Анюта стояла возле матери как окаменелая. Глаза ее были бессознательно устремлены в пространство – казалось, она ничего не видит и не слышит. Бал открылся полонезом. В первой паре шла хозяйка дома с графом Солтыком. Когда Эмма вошла в залу, уже танцевали вальс. На ней было белое шелковое, отделанное кружевами платье и жемчужное ожерелье.

– Ваш наряд символичен, – заметил Солтык, пожирая ее взором, – лед и снег!

– И слезы, – добавила она, указывая на жемчуг.

– Не угодно ли вам сделать со мной тур вальса?

– Благодарю вас, я не танцую.

– Даже и кадрили?

– Я буду танцевать только одну, от которой невозможно было отказаться!

– Стало быть, вы участвуете в готовящемся для нас сюрпризе?

– Да... Неужели такие пустяки могут возбуждать ваше любопытство?

– Почему же нет? Блеск, великолепие и пестрота нарядов нравятся мне более, нежели серая, однообразная, будничная жизнь. В шумном водовороте бала невольно забываются житейские невзгоды.

– Понимаю! Наш сюрприз подействует на вас, как хорошая доза опиума?

– Может быть... Во всяком случае, прекрасная мечта луч-

ше неприглядной действительности.

– Это ваше личное убеждение или только причуда избалованного богача?

– Мое личное, хотя и чрезвычайно неутешительное убеждение.

– В этом отношении я вполне разделяю ваше мнение. Пройдемтесь по зале.

Солтык вздрогнул от прикосновения обнаженной руки красавицы, кровь быстрым потоком хлынула ему в лицо.

По условному знаку хозяина дома некоторые из приглашенных удалились в уборные. Полчаса спустя в залу вошли двенадцать пар в национальных польских костюмах самых ярких цветов и лихо протанцевали мазурку. Затем, после непродолжительной паузы, снова отворились двери, и вошел Огинский в роскошном древнепольском костюме, с маршальским жезлом в руке. За ним шли музыканты в турецких костюмах прошедшего столетия и, наконец, взорам изумленных зрителей предстала целая колода живых карт, изображающая могущественные державы, принимавшие участие в Семилетней войне.

Впереди других шла червонная масть – Франция, – туз в виде пажа, с государственным флагом в руках; король Людовик XV с маркизою де Помпадур, герцог де Субиз изображал валета, а за ним двигались остальные карты, до двойки включительно, в костюмах французских гвардейцев того времени. У каждого на груди была карта, которую он пред-

ставлял.

Затем следовала пиковая масть – Пруссия, – гоф-юнкер со знаменем, то есть туз, Фридрих Великий с королевой, Цитен в образе валета и остальные карты в костюмах прусских гренадеров.

Бубновая масть изображала Австрию. К высокой, стройной, белокурой Ливии очень шел костюм Марии Терезии. Она шла под руку со своим супругом, Францем I, позади туза – стрелка со штандартом в руке, валетом был маршал Даун, остальные карты были в красных плащах пандуров.

Наконец, трефовая масть – Россия, – с тамбурмажором Преображенского полка во главе; Эмма Малютина – в костюме императрицы Елизаветы, рядом с ней Алексей Разумовский; затем валет – граф Апраксин, – и казаки.

Картина была действительно великолепная. По зале пронесся гул всеобщего одобрения, потом раздались аплодисменты и крики «браво!». Пары, обойдя три раза вокруг залы, разместились живописными группами у стены. Коронованные особы стояли на первом плане.

Несколько минут спустя французские гвардейцы и прусские гренадеры протанцевали какой-то танец с оружием в руках; казаки и пандуры исполнили казацкую пляску и, наконец, коронованные пары – классический менуэт.

Эмма с невозмутимым равнодушием принимала восторженные комплименты своих поклонников, ища глазами графа Солтыка; а он, бледный и задумчивый, стоял у колонны

в немом созерцании ее дивной красоты. Легкий, едва заметный знак веером, и он уже был возле нее.

Бальная зала снова огласилась звуками оркестра. Обмен пламенными взглядами, приветливыми, задорными и саркастическими улыбками, более или менее остроумные замечания и робкие признания в любви – все шло своим чередом. Граф и Эмма сидели друг против друга в одной из самых отдаленных комнат, куда не долетали ни звуки музыки, ни веселый говор, ни шорох шагов танцующих. Они лишь изредка обменивались короткими фразами, но зато взоры их были необыкновенно красноречивы. Графу казалось, что ледяная стена между ним и Эммой постепенно тает, что красавица отличает его в толпе своих поклонников. Эта мысль ободряла его – он взял девушку за руку и прошептал нежным голосом:

– Эмма!..

– Что вам угодно?

– Выслушайте меня...

– Это ничего не изменит... Я знаю все, что вы мне скажете, точно так же как вам заранее известен мой ответ: не забывайте ваших обязательств, граф.

– Неужели вы полагаете, что на меня можно наложить цепи, помимо моего желания?

– Нет, я этого вовсе не думаю... Пора прекратить этот разговор... До свидания, граф, уйдите отсюда, я желаю остаться одна.

Солтык повиновался, как кроткий ягненок, и, печально склонив голову, вышел из комнаты.

Не прошло и нескольких минут, как тяжелая портьера снова распахнулась и вбежала Аня.

– Извините, – вспыхнув, проговорила она, – я думала, что найду здесь графа Солтыка...

– Странная идея! – со злой усмешкой процедила сквозь зубы Эмма.

– Странности не должны удивлять вас, потому что они составляют отличительную черту вашего характера.

– Что вы хотите сказать?

– Не думайте, что я намерена оспаривать ваши права на графа Солтыка!

Эмма вскочила, как раненая пантера, схватила Аню за руку и прошипела, задыхаясь от злобы:

– Не советую вам становиться мне поперек дороги... Говорю вам это исключительно из чувства сострадания к вашей неопытности... Но терпение мое имеет границы... не забывайте этого! – и гордая красавица с видом оскорбленной королевы вышла из комнаты.

XXX. В лабиринте любви

Следующий бал давал отец Генриетты Монкони. Приглашенные должны были ехать в санях до имения его, села Ромшино, лежавшего верстах в тридцати от Киева.

Часов около двенадцати целая вереница саней остановилась перед домом Монкони. Гостям был предложен роскошный завтрак, состоящий преимущественно из польских национальных блюд. В числе приглашенных был и Казимир Ядевский. Поднимаясь по ступенькам лестницы, он вдруг почувствовал, что маленькая женская ручка опустилась ему на плечо. Оглянувшись, он увидел даму с напудренными волосами, в щегольской бархатной шубке. Она приветливо улыбалась ему, но он не сразу узнал в ней юную подругу своего детства.

– Что это значит? Ты не узнаешь меня? – спросила Эмма.

– Неудивительно, – отвечал Казимир, – ты так изменилась... Про тебя рассказывают просто чудеса!

– Что именно?

– Ты сделалась светской девушкой, кокеткой, граф Солтык от тебя без ума...

– Тут нет ничего необыкновенного.

– Не разлюбила ли ты меня, Эмма? Скажи, за что ты меня так терзаешь?

– Глупенький! – с неподражаемой иронией проговорила

красавица. – Пойми, я умышленно преследую Солтыка, а о любви между ним и мной нет и речи.

– Докажи мне это, позволь сегодня быть твоим кавалером.

– С удовольствием, только это зависит не от меня, а от патера Глинского.

Войдя в залу, Ядевский отозвал в сторону иезуита и заявил ему о своем желании ехать в санях вместе с Эммой Малутиной.

– Как распорядится судьба, – с лукавой усмешкой отвечал патер Глинский.

– Моя судьба в ваших руках.

Иезуит снова улыбнулся и тихонько пожал Казимиру руку. Принесли две вазы с билетиками. Анюта и Эмма вынимали билетики и подавали патеру Глинскому. Тот громко произносил имена дам и кавалеров, а затем бросал билетики в третью вазу. Вышло так, что Солтык поехал с Анютой, а Ядевский – с Эммой. Впереди ехал герольд в польском костюме с гербом Монкони, за ним – полдюжины трубачей, два барабанщика, человек двадцать казаков, сани с музыкантами в турецких костюмах, еще одни – с людьми, переодетыми в монахов, медведей, гигантских петухов и тому подобное. Затем санки с дамами и кавалерами и, в заключение поезда, – целая толпа молодых людей в польских костюмах верхом на лошадях.

За городом лошади помчались во весь дух и часа через гости благополучно добрались до Ромшино, где их встретили

крестьяне в праздничных платьях. На крыльце господского дома стоял маршал с жезлом, окруженный слугами в древнепольских ливреях, и тотчас по приезде гостей за усадьбой раздались пушечные выстрелы.

Дамы и кавалеры попарно вошли в столовую, где стол буквально ломился под тяжестью старинной серебряной посуды и множества ваз с цветами и фруктами. Пока гости обедали, на дворе поднялась страшная вьюга, Ветер бушевал с такой силой, что двери и рамы дрожали. Присутствующие обменивались испуганными взглядами – в этой местности бывали случаи, когда снегом заваливало целые деревни и сообщение с городом прекращалось на несколько дней. Старик Монконни поспешил успокоить взволнованное общество.

– Это неожиданное приключение заставит вас погостить у меня несколько дней! – воскликнул он, обращаясь к гостям. – Я этому очень рад! С голоду мы не умрем, музыка у нас есть, только господам кавалерам придется спать на соломе в зале, но эта беда еще невелика!

Слова радушного хозяина ободрили гостей: они успокоились и беззаботно предались веселию. Между тем, снежная стена перед окнами росла с каждой минутой. Тотчас после обеда все парадные комнаты были освещены; старики сели играть в карты, а молодежь по инициативе патера Глинского затеяла постановку живых картин. В одной из комнат устроили небольшую сцену и рядами поставили стулья для зрителей.

Первая картина изображала Юдифь и Олоферна. Солтык в костюме ассирийского полководца лежал на турецком диване, возле него стояла Эмма, задрапированная пестрой столовой скатертью, с распущенными волосами и поднятым мечом в руке.

– Поняли ли вы этот намек? – обратилась Эмма к графу, когда занавес опустился. – Вас предостерегают. Берегите свою голову.

– Напрасное предостережение!

– Боже, каким трагическим тоном вы это произнесли!

– Право, я не знаю, что со мной происходит! – воскликнул Солтык. – Я чувствую себя точно в плену на галере у турецкого корсара. Вы для меня загадка, а между тем меня влечет к вам какая-то сверхъестественная сила.

– Что значат эти косвенные упреки?

– Мне иногда мерещится, что между вами и мной существует тайный союз, что мы составляем исключение из общей массы людей, а между тем я видел сегодня, как вы приветливо улыбались и пожимали руки какому-то поручику.

– А! Вы ревнуете! Это меня забавляет!

Раздался звонок. Вторая картина представляла времена года: Анюта – весну, Катенька – лето, Генриетта – осень и Ливия – зиму.

Патер Глинский предложил графу участвовать в третьей живой картине, но тот отвечал:

– Оставьте меня в покое.

– Помилуйте! Разве вы не замечаете, что ваши причуды не нравятся обществу?

– Вы устроите опять какую-нибудь глупую аллегию!

– Очень рад, что вы поняли мое предостережение. Вам нужен ангел-хранитель... им буду я. Эта таинственная девушка погубит вас, я это предчувствую!

– Погубит?! – с неподражаемо задорной усмешкой повторил граф. – Приятно умереть в когтях такой красивой пантеры!

В третьей картине Ливия изображала героиню одной из поэм Мицкевича, а граф – ее возлюбленного. В четвертой – участвовали Катенька с Беляровым: она была жожаком, а он отлично исполнил роль медведя. Публика ликовала. Вслед за тем музыканты начали настраивать свои инструменты и вскоре в танцевальной зале, раздались громкие звуки полонеза. В первой паре шел хозяин дома с мадам Огинской, за ними Анюта с графом Солтыком... и пестрая вереница гостей попарно потянулась через длинную анфиладу комнат в танцевальную залу.

Как только окончился полонез, граф подошел к Эмме Малутиной, которая сидела в углу за колонной.

– Как вы любите уединение, – улыбнулся он.

– Я ждала вас, – отвечала девушка.

– Эмма, скажите мне, кто вы: ангел, демон, тигрица или кокетка?

– Быть может, все вместе.

– Чего вы от меня добиваетесь?

– Вы еще не догадались? Так слушайте же: я никогда не полюблю вас, но желаю, чтобы вы меня любили.

– Я уже люблю вас... Что же дальше?

– Дальше?.. Со временем вы это узнаете...

Бал длился до самого утра. Дамам были отведены комнаты для отдыха, а мужчины расположились в столовой на солоне. Между тем, метель утихла, солнце озарило необозримую белоснежную равнину, и сотни крестьян усердно принялись работать лопатами, расчищая дорогу для проезда господ.

XXXI. Чистилище

Усталые гости проснулись на следующий день только к полудню, весело позавтракали и тем же порядком, как накануне, поехали обратно в Киев. Эмма Малютина под предлогом головной боли не вышла к завтраку и осталась в Ромшино вместе с Генриеттой. Об этом они договорились накануне.

– Поверили? – спросила красавица, когда ее подруга, проводив гостей, вошла в спальню.

– Еще бы! – ответила молодая хозяйка, – Солтык побледнел как смерть и спрашивал, не опасно ли ты захворала.

– Пора мне вставать... Подойди, моя раба, и служи мне.

– Не угодно ли тебе позавтракать?

– Да, но только поскорее... А ты должна поститься... Понимаешь?

Генриетта принесла на подносе кофе и держала его, стоя на коленях перед своей повелительницей.

– Теперь приготовь мне ванну.

Девушка выбежала из комнаты и четверть часа спустя пришла доложить, что ванна уже готова.

– Надень на меня туфли и подай шубу.

Невольница повела свою султаншу в ванну, и прислуживала ей с примерным старанием. Стоя на коленях, она вытерла ей ноги и затем проводила ее обратно в спальню.

– Причеши мне волосы, – приказала ей Эмма.

Руки бедной девушки дрожали, так что она никак не могла справиться с затейливой прической. Суровый взгляд и полновесная пощечина были единственной наградой за все ее старания. Генриетта не выдержала, и крупные слезы покатались по ее покрасневшим щекам. Последовал еще один удар, гораздо сильнее первого.

– Я заслужила это наказание, – простонала Генриетта, бросаясь к ногам своей строгой госпожи и осыпая их поцелуями.

– Ты не хочешь ни служить, ни повиноваться мне.

– Хочу, хочу! – стонала несчастная, ломая руки.

– Ты слишком горда! Тебя надо смирить, растоптать... и я это сделаю!.. Накрывай на стол и подавай мне завтрак.

И это приказание было немедленно исполнено. После завтрака девушки уехали в Мешково. Солнце уже село, когда они остановились у ворот старинного помещичьего дома. На дворе не было ни души.

– Эй! Есть тут кто? – окликнул кучер.

Из дома выползла старая баба и, ворча, отворила ворота. Генриетта приказала своему кучеру ехать в Киев, а сама вошла вслед за Эммой в маленькую комнатку с голыми стенами и закрытыми ставнями; девушка невольно вздрогнула, заметив в полу подъемную дверь.

– Чего ты испугалась? – спросила Эмма. – Если боишься, можешь уйти, пока еще есть время. Я не принуждаю тебя вступать в наше общество.

– Нет, я готова следовать за тобой, куда ты прикажешь.

– Сними свое платье и надень вот это, – приказала Малютина, указывая на балахон из грубого серого холста. – Ступай вперед, – прибавила она, подняв тяжелую дверь.

Трепещущая жертва спустилась по каменным ступеням в подземелье, слабо освещенное небольшим фонарем. В углу лежала охапка соломы, над которой было ввинчено в стену большое железное кольцо. Сектантка надела кандалы на руки и ноги Генриетты и привязала ее веревкой к кольцу.

– Молись и кайся, – произнесла она тоном неумолимого палача и, выйдя из подземелья, с шумом захлопнула подъемную дверь.

Эмма позвонила, и несколько минут спустя в комнату вошел апостол.

– Ты привезла послушницу? – спросил он.

– Да, она молится в подземелье. Она тщеславна и самолюбива... ее надо смирать.

– Ты можешь это сделать, она в твоих руках. Не щади ее. Людей надо дрессировать как собак для их же блага, потому что в сердце каждого из них гнездится сатана. Твоя задача изгнать его из этой девушки. Топчи ее ногами без всякого сострадания, и вскоре с помощью Божьей она из ядовитой змеи превратится в кроткого ангела. Господь укрепит тебя, дочь моя, и поможет совершить угодное ему дело.

Прошло несколько часов. Генриетта усердно молилась, обливаясь слезами. Наконец Эмма снова спустилась в под-

земелье и, сняв цепи со своей жертвы, привела ее в комнату и спросила:

– Приготовилась ли ты ко второй степени испытания?

– Я готова на все, – отвечала добровольная страдальца, опускаясь на колени. Но когда Эмма сорвала с нее балахон и взяла в руки плеть, дрожь пробежала по ее телу и в глазах блеснули слезы.

– Трусиха, – презрительно сказала сектантка, – я покажу тебе пример смирения! Возьми эту плеть и бей меня, – приказала она, поспешно обнажая плечи и становясь на колени, – бей же! Чего ты ждешь? Опять струсила? Я такая же грешница, как ты.

Генриетта дважды ударила ее плетью и закричала в отчаянии:

– Не могу!.. Не могу!.. Дай мне другую жертву, а тебя я бить не смею... Рука моя не поднимается!..

– Глупое, негодное создание! Бездушная кукла, не умеющая карать ни себя, ни других!.. Подожди, вот я свяжу тебе руки за спиной.

– Изволь, – отвечала жертва.

В одно мгновение руки ее были связаны, и удары плети градом посыпались на ее обнаженную спину.

– Молись... Кайся... Читай вслух покаянный псалом... – приговаривала Эмма, не обращая внимания на стоны несчастной послушницы; плеть так и свистела в ее руке.

– Пощади!.. Сжалесь!.. Ради Бога!.. – вопила юная жертва,

извиваясь в пыли на полу и задыхаясь от боли.

Жестокая неумолимая сектантка в исступлении топтала ее ногами, воображая, в пагубном ослеплении, что поступок ее угоден Богу.

– Неблагодарная, я оказываю тебе благодеяние! – беспрестанно повторяла она. – Я помогаю тебе искупить твои грехи! Я призываю на тебя милосердие Творца небесного, а ты, недостойная, молись о пощаде!..

Наконец пытка прекратилась... Окровавленная жертва лежала в прахе у ног палача...

– Встань, – сказала ей Эмма, – поцелуй бившую тебя руку и топтавшие тебя ноги.

Генриетта повиновалась беспрекословно.

– Оденься, – и та прикрыла свои израненные плечи.

– Третья степень испытания докажет нам, способна ли ты распять свое сердце, побороть в себе чувство сострадания и с непоколебимой верой исполнять заповеди Божии... Надень шубу и иди за мной.

Девушки снова сошли в подземелье и, пройдя несколько шагов по узкому темному коридору, очутились в просторной комнате со сводчатым потолком, освещенной тусклым мерцанием красного фонаря. Там в углу на соломе лежал прикованный цепью к стене пожилой мужчина с всклокоченными волосами и бородой. Рядом с ним в кресле сидел апостол, а немного поодаль стояли два крестьянина.

– Вот она, – сказала Эмма. Генриетта подошла к апостолу

и встала перед ним на колени.

– Вооружилась ли ты мужеством, дитя мое? – спросил он, пристально глядя на новую послушницу.

– Да, – прошептала девушка.

Апостол приказал ей встать и обратился к пленнику:

– Спрашиваю тебя в последний раз: хочешь ли ты каяться в грехах своих?

– Нет, нет! – неистово закричал несчастный, потрясая цепями. – Вы обманом затащили меня сюда, подлецы, разбойники!.. Убейте меня, но не требуйте, чтобы я перед вами смирился!

– Не перед нами, а перед Господом.

– Ваш бог – сатана!.. Какие вы последователи Христа! Он проповедовал мир и любовь на земле, а вы палачи, мучители!..

– Ты одержим бесом, – сказал апостол, вставая с места. – Спасите его душу, – прибавил он, обращаясь к девушкам.

В один миг оба крестьянина бросилась к пленнику, сняли с него цепи и крепко привязали к ввинченным в стену кольцам. В углу стояла жаровня, в которой лежали раскаленные железные прутья.

– Этими прутьями мы будем изгонять из него беса, – сказала Эмма своей подруге.

В голубых глазах Генриетты вспыхнул дикий кровожадный огонь.

– Не щади его! Смело вонзай раскаленное железо в его

грудь! Помни, что это богоугодное дело. Ты спасаешь от вечной муки душу закоренелого грешника.

Генриетта схватила один из прутьев и решительно подошла к беззащитной жертве.

– Покайся! – строгим тоном проговорил апостол.

– Ни за что!

Послышалось злое шипение... комната наполнилась смрадом... Несчастный мученик стонал от боли.

– Хорошо, дочь моя, хорошо! – ободрял апостол неопытную послушницу, а та, в порыве дикой ярости продолжала беспощадно терзать нераскаявшегося грешника.

Наконец несчастный изнемог, почти без чувств повалился на землю и умирающим голосом начал молить о пощаде, обещая исполнить все, что от него потребуют.

– Довольно, – сказал апостол, благословил девушек и обоих крестьян и приказал им выйти из комнаты.

Инквизитор и его жертва остались с глазу на глаз.

XXXII. Завеса поднимается

Было уже далеко за полдень, когда патер Глинский вошел в кабинет своего бывшего воспитанника. Граф только что встал с постели и, закутавшись в роскошный халат, подбитый собольим мехом, читал записку. Судя по почерку, она была прислана женщиной, а изящество бумаги доказывало, что женщина эта принадлежит к аристократическому обществу.

– Новая любовная интрига? – пошутил иезуит.

– Вы ошибаетесь, – возразил Солтык, – это холодная, как февральское утро, записка от Эммы Малютиной. Она пишет мне, что здоровье ее поправилось.

– Вы посылали узнать о ее здоровье?

– Да, посылал.

– Тем лучше!

– И это говорите вы, святой отец?.. Удивляюсь!..

– Тут нет ничего удивительного. Она не должна подозревать, что мы следим за ней и вскоре развеем тот мрак, которым окутаны ее таинственные похождения.

– Что значат ваши слова?

– Я убедился в том, что Эмма действует по хорошо обдуманному плану. Она преследует какую-то свою цели. Остерегитесь, граф. У нее на уме не любовная интрига.

– Это для меня не новость.

– Знакомство с этой девушкой опасно для вас.

– Все те же нелепые фантазии! – засмеялся Солтык.

– Напрасно вы думаете, что это игра моего воображения.

Прежде я только подозревал кое-что, теперь же я удостоверился...

– Это чрезвычайно интересно! Расскажите мне все, что вы узнали.

– Эмма Малютина не кокетка и вовсе не намерена сделать-ся вашей женой. Теперь для меня очевидно, что она исполняет какое-то тайное поручение, – политического или какого-нибудь иного свойства, мне пока неизвестно. Она имеет тайные свидания с подозрительными личностями – по всей вероятности, подчиненными ей – и сама часто отлучается из Киева, чтобы докладывать о ходе возложенного на нее дела. Деятельность полиции нашего ордена всем известна, от нее ничто не укроется! Лично Эмма Малютина не заинтересована в этом деле, но она член тайного общества, и будучи красавицей, в полном смысле этого слова, без особенного труда привлекает в свои сети не только мужчин, но и женщин. Между прочими ее жертвами я могу назвать вам поручика Ядевского и Генриетту Монкони. Эта последняя сделалась ее рабой и слепо повинуетя ее приказаниям.

– Великолепная, но абсолютно фантастическая картина!

– Поверьте в истинность моих слов, граф. Впрочем, если вам угодно, я могу доказать вам это и наглядно. Дело в том, что кроме знакомой вам Эммы Малютиной, светской девуш-

ки, есть в Киеве ее двойник, нечто вроде ночного демона...

– Подождите, – прервал его Солтык, вспоминая свою первую встречу с Эммой, – здесь вы, быть может, и не ошибаетесь. Впервые я столкнулся с Эммой при более чем странных обстоятельствах.

– Расскажите же мне...

– Нет, милый мой! Сперва докажите мне основательность ваших убеждений.

– Извольте! Хоть сегодня, если у вас найдется свободный часок.

– Ночью?

– Да, ночью. Но я не могу пока назначить вам часа.

– Я останусь дома и буду ждать вас...

Патер Глинский утвердительно кивнул головою и вышел из кабинета.

Часов около одиннадцати вечера граф Солтык вышел из дома вместе со своим бывшим наставником. Оба были одеты в овчинные полушубки, барашковые шапки и тяжелые сапоги. Кто бы мог узнать в этом наряде богатого барина, любимца женщин, и хитроумного члена ордена иезуитов? Патер повел графа по темным переулкам. Они вошли в грязный кабачок против дома купца Сергича и сели на деревянную скамейку среди полупьяных кучеров и работников. Несколько минут спустя туда же вошел еврей и шепнул что-то на ухо патеру Глинскому.

– Пойдемте, – сказал иезуит своему спутнику. Они вышли

на улицу и притаились в тени.

Вскоре в дом Сергича вошла дама высокого роста, закутанная в шубу.

Лицо ее было закрыто густой вуалью. Несмотря на эти предосторожности граф тотчас же узнал Эмму Малютину по одной ей свойственной грациозной величественной походке и своеобразной привычке надменно вскидывать голову.

– Это она, – шепнул Солтык. – Тем не менее, я желаю в этом удостовериться... Подойдем поближе.

Не прошло и минуты, как из дома Сергича вышла Эмма в мужском костюме. Увидя у ворот двух крестьян, она на секунду остановилась и затем быстро пошла вдоль по улице.

– Что значит этот маскарад? – проворчал граф. – Уж не любовная ли интрига?

– О, нет! – возразил иезуит. – Она на это не способна... Тут кроется что-нибудь другое.

– Я пойду за ней.

– Не делайте этого! Вы все испортите! Все труды мои пропадут даром.

– Я буду осторожен, но мне надо непременно убедиться.

Несмотря на значительное расстояние, граф вскоре догнал Эмму. Поравнявшись с ней, он притворился пьяным и, шатаясь из стороны в сторону, затянул заунывную малороссийскую песню. Девушка вошла в Красный кабачок, и он за ней туда же, сел на скамейку, ударил кулаком по столу и потребовал полуштоф водки.

В комнате никого не было, кроме стоявшей за прилавком Рахили. Но и та, подав водку графу, тотчас же вышла. Вслед за тем снова распахнулась наружная дверь, и в кабачок вошел укротитель диких зверей Каров.

Появление красивого атлета произвело на Солтыка очень неприятное впечатление. В сердце его шевельнулось чувство ревности, но он овладел собой и, опорожнив стакан водки, опустил голову на стол и притворился спящим.

– За вами следят, – начал Каров, садясь возле Эммы, – я пришел предостеречь вас.

– Кто же?! Уж не полиция ли?

– Нет, еврей, известный агент ордена иезуитов, беспрестанно снует вокруг дома Сергича.

– Его подослал патер Глинский.

– Вероятно... Я советую вам не приходить больше в Красный кабачок и не принимать у себя Рахиль.

– Пожалуй, вы правы. Очень вам благодарна.

Не успела Эмма сделать нескольких шагов по направлению к дому Сергича, как ее догнал мнимый крестьянин и положил руку ей на плечо.

– Эмма, – слышался знакомый ей голос.

Гордая девушка невольно содрогнулась.

– Это вы, граф? – проговорила она, мгновенно овладев собой. – Скажите, с какой целью вы меня преследуете?

– К чему эти вопросы, вы ведь знаете, как я вас люблю?

– Следовательно, причиной является чувство ревности? –

и красавица захохотала.

– Кто этот молодой человек, которому вы назначали свидание в Красном кабачке? Я слышал, что вы влюблены в Ядевского, но я вижу, что у вас масса обожателей!.. Назовите мне имя этого красивого незнакомца. Я вызову его на дуэль... Один из нас двоих должен умереть.

– Даю вам честное слово, что я совершенно равнодушно отношусь к этому молодому человеку – он мне не друг и не поклонник.

– Если это правда, то друзья мои не напрасно предостерегали меня. У вас какие-то загадочные знакомые... Какую тайну скрываете вы от меня и от всего света?

– Это похоже на допрос, – заметила Эмма, – но я вовсе не обязана отвечать вам. Вас предостерегают... Разве я искала вашего доверия или старалась завлекать вас?.. Нисколько!.. Вы совершенно свободны... Идите своей дорогой, я не удерживаю вас.

– Эмма, чем заслужил я эти упреки, этот суровый тон? Вы знаете... вы должны знать, что ничто на свете не разлучит нас. Я не салонный шаркун и не мимолетный поклонник. Я человек серьезный, который не перестанет любить вас даже тогда, когда узнает, что вы участвуете в политическом заговоре.

– Я не заговорщица.

– Кто же вы, Эмма? Снимите же наконец маску... Доверьтесь мне... Примите меня в число ваших сообщников... Я

сделаюсь слепым орудием в ваших руках... Буду повиняться вашей воле... Пойду вслед за вами, куда бы вы ни потребовали... Меня не страшит никакая опасность... Я готов умереть за вас!

Девушка устремила на графа долгий, испытующий взгляд и потом подала ему руку.

– Благодарю вас, – сказала она, – я верю вам и знаю, что вы меня не предадите, но в настоящую минуту не могу открыть вам своей тайны. Подождите еще три дня, и вы узнаете все. Довольны ли вы моим ответом?

Солтык молча поклонился и проводил Эмму до угла улицы, где они расстались.

На следующий день рано утром сектантка надела крестьянское платье, села в простую повозку и вместе с Каровым уехала в Мешково к апостолу.

XXXIII. Еще один шаг вперед

Три дня показались графу Солтыку вечностью. На третий день вечером, когда он был в дворянском клубе, Борис принес и лично вручил ему письмо от Эммы Малютиной.

– Скажите, что я сейчас приеду, – сказал он, пробежав глазами долгожданные строки и, сунув в руку лакею ассигнацию, поспешно спустился по лестнице, сел в карету и отправился домой, чтобы переодеться.

Час спустя он уже входил в гостиную молодой хозяйки.

– Вы одна? – спросил граф, целуя ее руку.

– Одна, – отвечала красавица, садясь против него у камина.

Солтык пристально смотрел на нее, стараясь прочесть хоть что-нибудь в ее взгляде, но прекрасные синие глаза были по-прежнему холодны. Тем не менее, он обратил внимание, что хозяйка тщательно готовилась к его приезду. При кажущейся небрежности ее туалет был тщательно продуман. До сих пор граф еще не видел ее в домашнем платье. На ней был голубой шелковый пеньюар, отделанный белым кружевом, поверх него – коротенькая жакетка из темно-красного бархата на собольем меху. Роскошные белокурые волосы густыми прядями спадали на плечи, за ухом как будто нечаянно прицепилась красная камелия; на руке – узенький золотой браслет, на ногах – прелестные, вышитые бисером туфли.

Все было продумано до тонкостей.

Эмма со своей стороны мысленно смеялась над завитыми волосами графа, над его тонкими духами и странным галстуком, неизвестно почему видя в этом проявление его слабости и чувствуя свою власть над ним.

– Разрешите ли вы мне, наконец, интересующую меня загадку? – начал Солтык.

– Да, – равнодушно ответила красавица.

– Я никогда не видывал женщины красивее вас, но вместе с тем и страннее. Вы так же таинственны и жестоки, как древние сфинксы.

– Это правда. У меня нет сердца.

Тонкие пальчики Эммы машинально перебирали пушистый мех на жакетке, а взгляд ее был задумчиво устремлен вдаль.

– Не уверяйте меня, что вы демон, я вам не поверю.

– Я не особенно добра, но и не зла... повинуюсь властям без ненависти и без любви.

– Кто же эти власти?

– Вы узнаете это, граф, хотя сегодня я заметила в вас один недостаток...

– Какой именно?

– Вы тщеславны и всеми силами стараетесь мне понравиться, а это смешит меня, – и Эмма захохотала.

Граф покраснел до корней волос.

– Жестокая женщина, вы играете со мною, как тигрица со своей беззащитной жертвой!

– Несмотря на открытый мною в вас недостаток, я готова довериться вам и высказать мою тайну. Во многих отношениях вы лучше других молодых людей; вы мужчина, а не салонная кукла, вот почему я решаюсь говорить с вами откровенно.

– Ваша власть надо мной неограниченна... Вы необыкновенное создание, Эмма! С вами нельзя, как с другими девушками вашего возраста, объясняться в любви. Вам известны самые сокровенные движения человеческого сердца; вы угадываете все помыслы... Сознайтесь, вы давно уже угадали, что я люблю вас?

– Угадала...

– И знаете, до какой степени я вас люблю?

– Знаю.

– Я мечтаю о вас и днем, и ночью... Для вас я готов отказаться от всего... Нет жертвы, которой бы я не принес вам!.. Но ваша холодность и ваши насмешки доводят меня до безумия.

– Насмешки? – повторила Эмма. – Возможно ли это? Напротив, меня радует ваша пылкая страсть, я так искренно желаю возбудить ее в вас.

– С какой целью?

– Вы это узнаете.

– Я готов сделаться слепым орудием в ваших руках, готов

служить вам для достижения ваших таинственных целей, но не раньше, как вы станете моей женой.

– Я никогда не стану вашей женой.

– Почему же? Сжальтесь надо мной! – и граф упал на колени перед Эммой и прижал ее к своему сердцу. Девушка вырвалась из его объятий и, откинувшись на спинку кресла, сказала строгим голосом:

– Не смейте прикасаться ко мне, иначе мы навсегда расстанемся с вами.

– Простите меня! – умолял Солтык. – Я не желал оскорбить вас, клянусь вам!

– Напрасные клятвы. Между вами и мной зияет бездна. Я не полюблю никого и никогда не выйду замуж.

– Это невероятно!

– Я говорю вам совершенно серьезно.

– Неужели вы так неумолимы?

– Встаньте же, граф! Вы не тронете меня вашими мольбами. Встаньте и выслушайте меня со вниманием.

Солтык повиновался.

– Не смотрите на эту обстановку, эту дорогую мебель, это шелковое платье и кружева. Представьте, что на мне длинная белая одежда, на ногах сандалии, а лицо мое закрыто покрывалом – и тогда вы поймете, кто я.

– Весталка?

– Нет, – жрица.

– В самом деле... Здесь недостает только жертвенного но-

жа, а жертва уже готова.

Что заставило содрогнуться эту мраморную красавицу? Какой огонек блеснул в ее гордых, холодных глазах? Так, вероятно, стоя посреди арены, смотрели голодные львицы на отданных им на съедение беззащитных жертв. Граф не понял этого взгляда и спросил:

– Что с вами?

– Ничего, ничего, – ответила Эмма и, откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза.

– Вы принадлежите к религиозной секте? – начал Солтык после довольно продолжительной паузы.

– Нет, я член небольшой общины миссионеров великих святых подвижников... Мы переживаем эпоху сильного брожения умов... С одной стороны, слепая бессмысленная вера, чтение молитв, которых никто не слушает, исповедь у священников, заботящихся исключительно о своем личном благосостоянии; с другой стороны, абсолютное безверие. У этой последней категории людей нет ничего святого. Безнравственные материалисты определяют наклонности людей по устройству их черепа, следят за произрастанием трав и кустарников, наблюдают за движением планет, но не веруют в Бога, потому что не видят Его даже посредством усовершенствованных телескопов. Представьте себе, что посреди этой ни во что не верящей массы людей встречаются, хотя и очень редко, такие личности, которые верят в загробную жизнь и стараются войти в общение с душами умерших.

– И вы полагаете, что это возможно?

– Я в этом твердо убеждена.

– Следовательно, вы спиритка?

– Нет, граф, такими вещами не шутят... Горе тому, кто дерзновенно поднимает завесу, отделяющую нас от невидимого мира! непоколебимая вера ведет человека к познанию истинного, вечного света!

– Вы обладаете этой верой, Эмма?

– Обладаю.

– И верите, что вы Божья избранница?

– Да, верю.

– Не сомневайтесь в том, что вам открыты тайны, о которых остальные смертные и подозревать не могут?

– Да.

Солтык побледнел как мертвец; в глазах его сверкнул какой-то таинственный огонек, и он продолжал глухим, дрожащим от волнения голосом:

– Я начинаю понимать вас... Вы добиваетесь моей любви и моего полного доверия для того, чтобы направить меня на путь спасения?..

– Вы угадали.

– Докажите же мне существование Бога.

– Это не в моей власти.

– Докажите мне, что за пределами видимого нами мира существуют бесплотные духи, повинующиеся воле Предвечного Бога, и докажите мне это наглядно, осязательно, так как

вы посредством вашей веры можете входить с ними в общение.

– Это я могу сделать.

– Заклинаю вас, Эмма, не обманывайте меня! Шутки тут вовсе неуместны!

– Я не шучу, – строго ответила девушка, – и готова исполнить ваше желание.

– Когда же?

– Быть может, даже завтра.

– Честное слово?

– Я сдержу его... но тогда?..

– Я буду вполне принадлежать вам, Эмма!

XXXIV. Призраки

На следующий день граф Солтык получил от Эммы Малутиной записку такого содержания:

«Сегодня вечером я буду у Монкони, там у нас будет возможность переговорить наедине. Придите непременно».

Монкони затеял домашний спектакль, и в этот вечер была назначена репетиция одной из новелл даровитого Мюссе. Так как ни Эмма, ни граф не были в числе участвующих, то они остались в гостиной одни, и никто не обратил на это внимания.

– Что же вы мне скажете? – начал Солтык.

– Я готова ввести вас в таинственный мир, – отвечала сектантка, – но для этого необходима своего рода нравственная подготовка. Вы должны удалиться на несколько дней от шумного света и обратить все ваши помыслы к Богу. Советую вам употребить это время на говенье, исповедь и приобретение к святым тайнам.

Все эти предписания были буквально исполнены графом, и несколько дней спустя Эмма пригласила его к себе в одиннадцать часов вечера. Борис доложил молодой хозяйке о приезде ожидаемого ею гостя. Она встретила его в зале и, взяв под руку, вышла вместе с ним из дому. Дойдя до площади, они сели в наемную карету, поехали в одну из самых отдаленных частей города и остановились перед старым, оди-

ноко стоящим домом, окруженным высокой стеной. Седой старик в овчинном полушубке и с фонарем в руке отворил им ворота и повел их через сад к дому, который, казался необитаемым. Стены его поросли мхом и во многих местах дали трещины, ставни были закрыты, вокруг царила глубокая тишина, не было даже цепной собаки на дворе. Полуразрушенная лестница вела в длинный коридор, на одной из стен которого висел женский портрет без рамы. Старик ввел посетителей в небольшую комнату, где местами на потолке еще сохранились следы лепных украшений, зажег свечи в канделябрах, подбросил несколько поленьев в топившийся камин и остановился у дверей, ожидая дальнейших приказаний.

– Ты можешь уйти, Аполлон, – сказала ему Эмма, – я позвоню, когда ты мне понадобишься.

В комнате пахло сыростью. Кроме стола, комода и двух стульев не было никакой мебели. На окнах висели гардины из шерстяной материи темного цвета, двери в смежные комнаты были затворены, на камине стояли старинные часы, на стене между иконами Богородицы и Св. Ольги висело распятие. Один из углов комнаты был отделен белой занавеской.

Эмма, не снимая ни шубки, ни башлыка села на стул у камина, а граф с любопытством принялся рассматривать странную обстановку комнаты.

– Что скрывается за этой белой занавеской? – спросил он.

– Посмотрите сами, – ответила девушка, – теперь там ни-

кого нет, но ровно в полночь появятся бесплотные духи.

Солтык приподнял занавеску и удостоверился, что за ней действительно никто не был спрятан.

Часы показывали три четверти двенадцатого. Эмма сняла с себя шубку и башлык; на ней было черное бархатное платье без всяких украшений. Лицо ее было бледно, большие синие глаза горели лихорадочным огнем. Долго и усердно молилась она, стоя на коленях перед распятием, затем взяла графа за руку и поставила его рядом с собой у камина.

Наступила полночь. Послышался дребезжащий монотонный бой часов. Не успел еще последний звук замереть в воздухе, как свечи погасли сами собой, и водворился непроницаемый мрак. Затем по комнате начало витать что-то странное, непонятное: это было в одно и то же время и слабое мерцание света, и нежные, чуть слышные звуки, и необыкновенно приятный запах. На полу образовалось пустое белое облако; не принимая никакого определенного очертания, оно вытянулось, поднялось к потолку и исчезло.

– Что это значит? – тихонько спросил Солтык.

– Я не знаю.

– Каким образом могу я войти в общение с дорогими мне умершими людьми?

– Вы должны сосредоточить все ваши мысли и желания на одной известной вам личности, душу которой вы хотите вызвать сюда.

После довольно продолжительной паузы приподнялась

белая занавеска и показалась тень мужчины высокого роста.

– Отец мой! – воскликнул граф.

– Поговорите с ним.

– Могу ли я к нему приблизиться?

– Вы можете делать все, что вам угодно.

– Позвольте ли вы мне выстрелить в этот призрак? – спросил Солтык, вынимая из кармана револьвер.

– Почему же нет... Стреляйте.

Грянул выстрел. Когда дым рассеялся, Солтык увидел, что призрак стоит на том же самом месте.

– Скептик! – проговорил он глухим голосом.

Граф протянул руки с намерением обнять тень своего отца, но она мгновенно испарилась.

– Невозможно не верить тому, что сам видишь и слышишь, – в раздумье произнес Солтык и прибавил, обращаясь к Эмме: – Если я не сойду с ума, то готов сделаться членом вашего общества.

Снова поднялась занавеска, и явилась тень женщины, взоры которой с выражением неземной любви устремились на графа.

– Моя мать! – вскричал он, вне себя от испуга и изумления.

– О дитя мое, – проговорила тень, – зачем уклоняешься ты от Бога? Опомнись и покайся, пока еще есть время. Я буду молиться за тебя у престола Всевышнего и Он смилостивится над тобой.

– Скажи мне, откуда ты пришла?

– Из далекой неведомой тебе страны.

– Куда ты стремишься?

– В высокие надзвездные сферы... Туда влечет меня непреодолимая сила... Прощай, дитя мое, прощай!

Призрак исчез, и комната снова погрузилась в глубокий мрак.

– О ком вы думаете в эту минуту? – спросила Эмма.

– О моей сестре.

Комната внезапно озарилась сверхъестественным светом, в воздухе возник нежный аромат цветов. Легкое белое облачко приняло образ прелестной девочки в белом платье, с вьющимися волосами и большими синими глазами.

– Это ты, Богуслав! – произнес нежный, мелодичный голос. – Я так давно с тобой не играла... Пойдем! Я не смею здесь долго оставаться.

Слова эти произвели на графа потрясающее впечатление. Он сделал два шага вперед, упал на колени, закрыл лицо руками и зарыдал, как ребенок. Его обняли две бесплотные маленькие ручки, свежие и душистые, как лепестки розы. Ощущение это было до такой степени приятно, что граф пролепетал, задыхаясь от восторга:

– Не покидай меня!

– Не могу, – отвечал призрак, – вот эта девушка останется с тобой навсегда.

– Кто? Эмма?

– Да... Она укажет тебе путь к вечному блаженству...
Прощай!.. Не забывай меня... Я часто о тебе думаю...

Милый призрак с улыбкой на устах поднялся вверх. Напрасно граф старался поймать его руками – он упорхнул, как резвая птичка. Дивные звуки вихрем пронеслись по воздуху и умолкли, аромат цветов исчез бесследно, в комнате снова воцарилась темнота.

– Довольно! – воскликнул Солтык. – Иначе я сойду с ума!
Умоляю вас, Эмма, прекратите этот опыт!

– Это не от меня зависит.

– Прикажите зажечь свечи.

Девушка позвонила. В комнату вошел Аполлон и зажег свечи.

– Отдерни занавески, – приказал ему граф.

Старик обменялся с Эммой быстрым выразительным взглядом и немедленно исполнил приказание. Снова раздались нежные, жалобные, неземные звуки; вдали показался неясный призрак в виде белого туманного облачка и спросил торжественным, как струна звучащим голосом:

– Неужели ты и теперь еще сомневаешься?

– Нет, нет! – возразил граф.

Призрак исчез, как дым.

– Убедились ли вы, наконец? – спросила Эмма.

Вместо ответа Солтык упал перед ней на колени и покорно склонил голову, а сектантка смотрела на него с невозмутимым равнодушием, без насмешки, но и без сострадания.

XXXV. Маску долой

Огинский с прискорбием начал замечать, что дочь его бледнеет, не шутит, не смеется, не поет, а сидит постоянно одна в глубокой задумчивости.

Он переговорил об этом с женой, и оба они очень обрадовались, когда Аня попросила у них позволения брать уроки рисования у старого живописца-поляка.

«Это послужит развлечением для бедной девочки, – решили заботливые родители, – ее будет провожать к учителю наш добрый, верный старик Тарас».

Огинские и не подозревали, что урок этот был только предлогом для того, чтобы отлучаться из дома, и что Аня вместе с Тарасом следят за таинственным поведением Эммы Малютиной.

Однажды вечером, когда они шли за ней по направлению к Красному кабачку, сектантка, подозревая в них шпионов патера Глинского, вдруг остановилась и спросила:

– Что вам нужно? Вы следуете за мной по пятам... – и прибавила, всплеснув руками: – Аня!.. Вы ли это?

– Да, я, – дрожащим голосом отвечала Аня. – Теперь я вас узнала... Я думала, что вы кокетка, но убедилась, что вы преследуете какие-то таинственные цели, переодеваетесь в мужское платье и ходите по ночам.

– Как вы это узнали? – воскликнула Эмма, схватив Аню

за руку.

– Я вас не боюсь, – воскликнула та, отталкивая от себя соперницу. – Я знаю, что жизнь Казимира Ядевского находится в опасности. Вы завлекли в свои сети и его, и графа Солтыка... Этого последнего я вполне предоставляю вам, но будьте уверены, что вам не удастся сделать Казимира своей жертвой!

– Вот как! – ядовито усмехнулась сектантка. – Вы дарите мне графа, будто он ваш невольник, и взамен его требуете, чтобы я подарила вам Ядевского, но я не имею на него никаких прав, так же как и вы.

– Не отговаривайтесь, – строго перебила ее Аня. – Вы очень хорошо понимаете мои слова... Я требую, чтобы вы отказались от Ядевского, – не в мою пользу, о нет! – я чувствую, что вы его погубите, каким образом – это для меня тайна... Но жизнь его находится в опасности, пока он дышит одним воздухом с вами.

– Напрасно ты стараешься разгадать мои планы, неопытная девочка! – горделиво возразила Эмма. – Знай же, что я люблю Казимира, и потому желаю спасти его душу, а ты, сама того не подозревая, губишь его безвозвратно.

– Ты любишь его?! – вскрикнула Аня. – Ты, чьи руки обагрены кровью!..

– Замолчи!

– Нет, я не замолчу! Ты убила Пиктурно!.. Ты губишь всех, кто тебя любит!.. Ты принесешь в жертву и Казимира...

ты жаждешь его крови... Я это предчувствую... Но я разорву адские сети, которыми ты его опутала... Знай это и лучше откажись от него теперь же.

– Никогда.

– Ну, так берегись!

– Берегись же и ты меня, безумная!

– Маску долой! – горячилась Анята в порыве глубокой ненависти. – Признавайся, зачем ты рыщешь по ночам, как голодная волчица?

Эмма готова была убить молодую девушку тут же на месте, но быстро одумалась, сознавая, что такой поступок был бы небезопасен и для нее самой.

– Мне не в чем признаваться, – отвечала она сдержанным, холодным тоном. – Выкиньте из головы эти ребяческие фантазии... Быть может, я принадлежу к тайному обществу, пекущемуся о благе нашего народа... Неужели вы решили выдать меня русскому правительству? Это было бы бесчестно с вашей стороны... Никто не знает, почему Пиктурно решил на самоубийство. Если он действительно был влюблен в меня и оскорбился моей холодностью, то меня в этом винить нельзя. Быть может, он оказался изменником и был умерщвлен своими сообщниками... Это случается...

– Положим, что вы говорите правду... Я готова сохранить вашу тайну, только откажитесь от Казимира.

– Это не в моей власти.

– Ну, так я спасу его помимо твоей воли!

– Попробуй.

– Ты желаешь борьбы?... Будь по-твоему... Ты еще меня не знаешь! Я не боюсь и самой смерти! Одна из нас погибнет в этой борьбе.

– Только не я, потому что со мною Бог.

– Не богохульствуй! – вскричала Анята, повернулась спиной к своей собеседнице и хотела уйти, но Эмма схватила ее за руку и прошипела как змея: – Не советую тебе болтать о нашей встрече... мне жаль тебя... Я не желаю, чтобы ты сделалась жертвой своей безумной любви к Ядевскому.

– Ты меня не запугаешь, – сказала Анята, – обеим нам грозит одинаковая опасность... Я готова на все для спасения Казимира.

Анята ушла. Эмма долго смотрела ей вслед и потом отправилась уже не в Красный кабачок, а в дом Сергича, где из отважного юноши снова превратилась в светскую девушку-кокетку, у ног которой лежала вся киевская молодежь большого света. Анята вернулась домой взволнованная, но довольная собой. Она сознавала всю силу своего характера и не боялась борьбы. Она хладнокровно обдумала все шансы как дурные, так и хорошие, и мысленно начала подбирать себе помощников, первым из которых стоял патер Глинский. Не медля ни минуты, она написала ему записку и попросила зайти к ней вечером, когда родителей ее не будет дома.

– Ну, что новенького? – с улыбкой спросил иезуит. – Не одумалась ли ты, наконец, дитя мое? Не могу ли я поздра-

вить моего милого графа?

– Он обо мне теперь и не думает, – возразила Анюта. – Но шутки в сторону: мне нужно серьезно поговорить с вами. Мы должны действовать вместе против нашего общего врага – Эммы Малютиной.

– Что значат эти слова?

– Она опутала сетями Солтыка и Ядевского. Ваша обязанность спасти графа, а я постараюсь спасти Казимира, которому принадлежит мое сердце. Если бы Эмма была кокетка в буквальном смысле этого слова, я из гордости не стала бы оспаривать ее прав на этого молодого человека; но она член какого-то тайного политического общества и для достижения известной ей цели, не пощадит ни графа, ни Ядевского, точно так же, как она не пощадила студента Пиктурно.

– Почему ты знаешь, что Малютина виновата в его смерти?

– Я этого не утверждаю. Но я почти уверена, что она была участницей этой ужасной кровавой истории.

– Игра твоего пылкого воображения, и больше ничего.

– Нет, я в этом убеждена, да и Эмма сама почти призналась мне в этом.

– Это другое дело.

– Я расскажу вам все, что знаю, но, ради Бога, не дразните меня больше вашим графом.

– Даю тебе честное слово, – сказал иезуит, подавая Анюте руку. Девушка почтительно поцеловала ее.

Патер Глинский внимательно выслушал Анютин рассказ и мысленно поблагодарил судьбу, пославшую ему такую умную энергичную союзницу.

Вернувшись домой, он попытался еще раз уговорить графа и сказал ему:

– Вы и не подозреваете о той опасности, которая нависла над вами.

– Опять старые песни!

– Я уже говорил вам, что Эмма Малютина преследует вас с известной целью. Теперь я могу сообщить вам некоторые подробности.

– Я готов вас выслушать.

– Она член тайного общества...

Солтык нахмурил брови.

– Позвольте и мне предостеречь вас, святой отец, – сказал он, – не советую вам громко говорить о таких вещах, да и вообще не следует вмешиваться в чужие дела. Если Эмма действительно член тайного общества – чему я, впрочем, не верю – то какое вы имеете право обличать ее и этим навлекать на себя злобу и месть ее сообщников?

– Так, как поступил Пиктурно, не правда ли?

– Что с ним случилось?

– Он был убит, и кровь его запятнала те прелестные ручки, которые вы целуете с таким наслаждением.

– Ерунда! Я этому не верю.

– Не мне одному это известно... Об этом сильно погово-

ривают в Киеве. Боже сохрани, если ваша очаровательница впутает вас в это дело!

– Интересно узнать эти городские слухи.

– Подозревают политический заговор...

Солтык громко расхохотался.

– Вот уж это, действительно, самые достоверные сведения! – проговорил он, задыхаясь от смеха.

– Тут нет ничего смешного, – обиделся иезуит.

– Я не посвящен в тайны Эммы Малютиной, – продолжал граф, – но настолько изучил ее характер, что ручаюсь головой, что она не способна ни явно, ни тайно восставать против русского правительства. Прошу вас прекратить этот разговор, – прибавил он, указывая рукою на дверь. Патер Глинский вышел из кабинета.

– Так это не заговор, – размышлял иезуит, сидя у каминна. – Что же это тогда?

Внезапно странная мысль промелькнула у него в голове. Он потер лоб и подумал: «Почему же нет?.. В этой стране случается так много невозможного. Сама природа тут какая-то загадочная и ежедневно преподносит нам сюрпризы... Здесь все возможно... Красавица из хорошего семейства, богатая, образованная, созданная для того, чтобы быть счастливой и дарить счастье другим, – принадлежит к ужасной секте кровожадных убийц!.. Это могло бы показаться невероятным... но бывали примеры... В пятидесятых годах я слышал что-то в этом роде... Рассказывали, что какая-то

знатная дама разыгрывает роль Богородицы в гнусной секте, называемой «хлыстовщина». Неудивительно, что и Малютина пошла той же дорогой... Но вот беда, у меня в руках нет явных доказательств...»

Долго обдумывал иезуит план дальнейших действий и наконец пришел к заключению, что еще не все потеряно. Заговор! Да разве этого недостаточно, чтобы обратить на Малютину и ее сообщников внимание полиции и окружить их шпионами?

Задавшись этой целью, патер Глинский, не теряя ни минуты, написал письмо частному приставу Бедрову и послал его с одним из своих тайных агентов.

XXXVI. Новые подковы

Представитель полицейской власти принял иезуита в своем рабочем кабинете, усадил его на диван под портретом императрицы и предложил ему сигару.

– Я пришел к вам по одному чрезвычайно щекотливому вопросу, – конфиденциальным тоном начал патер Глинский, потирая руки, – и рассчитываю на вашу всем известную скромность.

– Это отличительная черта моего характера, – согласился Бедросов, – говорите прямо, что ваш граф опять натворил и из какой истории мне придется на этот раз выручать его.

– Мой бывший питомец страстно влюбился в одну молодую особу и собирается на ней жениться. Она дочь весьма почтенных родителей и во многих отношениях была бы подходящей для него партией, но есть обстоятельства, которые заставляют меня опасаться этого брака.

– Кто она такая?

– Малютина.

– Эмма?

– Вы ее знаете?

– Еще бы! Я был другом ее отца и носил ее на руках, когда она была ребенком, я и теперь вижу с ней очень часто.

– Вы не подозреваете ее в убийстве?

Бедросов улыбнулся.

– Извините меня, ваше преподобие, – сказал он, – откуда явилась у вас такая странная мысль?

– Вы не допускаете возможности совершения преступлений под влиянием необузданного фанатизма?

– Эмма вовсе не экзальтированная девушка; я нахожу, что она холодна и благоразумна не по годам.

– Вы полагаете, что она неспособна увлечься сумасбродною идеей... например, политической?

– Ни в коем случае: я уже заметил вам, что Эмма Малютина очень сдержанная и скромная девушка.

– Я знаю наверно, что она имеет тайные сношения...

– С кем?

– С купцом Сергичем.

– Это старый знакомый ее матери, очень добрый и скромный человек.

– По ночам в его доме она переодевается в мужское платье и отправляется в Красный кабачок. Неужели это не кажется вам странным?

– Да... только это ничего не доказывает. Поручик Ядевский влюблен в Эмму и надеется на ней жениться, она же, как видно, предпочитает сделаться графиней Солтык – поощряет ухаживания графа, но скрывает от него свои тайные свидания с Ядевским. Вот вам простое объяснение ее ночных прогулок. Малютина – девушка безукоризненная во всех отношениях, даже не кокетка в буквальном смысле слова. Желание ее сделаться женой богатого графа нельзя на-

звать преступлением.

– Ее подозревают в убийстве Пиктурно.

– И это для меня не новость. Эмма была причиной американской дуэли между этим студентом и графом Солтыком. Молодому человеку не посчастливилось, и он был принужден лишиться себя жизни.

– Допустим, что все это правда... но меня тревожит мысль о том, что граф будет замешан в какую-нибудь интригу политического свойства.

– Повторяю вам, тут главную роль играет любовь, – усмехнулся Бедросов, – тем не менее, я воспользуюсь вашими указаниями и приму все зависящие от меня меры для того, чтобы разъяснить этот вопрос... прикажу полицейским агентам следить за Эммой.

– Недурно было бы, если бы вы лично переговорили с ней об этом предмете... От вашего внимания не ускользнут некоторые оттенки, которые кажутся мне неудобопонятными.

– Извольте, я готов сделать и это. Вы же со своей стороны постарайтесь удержать графа от визитов к Малютиной хоть на несколько дней. Займите его чем-нибудь, придумайте для него постороннее развлечение.

– Постараюсь всеми силами и, если узнаю что-нибудь новенькое, немедленно сообщу вам.

Собеседники расстались. Улыбку Бедросова можно было бы перевести словами: «Куда как ты наивен, приятель,

несмотря на то что ты член ордена иезуитов!» А дружеское рукопожатие патера означало: «Этот полицейский крючок чрезвычайно недалёковиден!».

Глинский немедленно послал эстафету к родственнику графа, господину Тараевичу, отъявленному кутиле и страстному игроку. Когда тот приехал в Киев и остановился в «Европейской гостинице», патер тотчас же отправился к нему для переговоров. Иезуит знал, что за известную сумму денег этот человек будет слепым орудием в его руках.

Спустя час после их встречи нежный родственник, как бомба, влетел в кабинет Солтыка и чуть не задушил его в своих объятиях.

– Милый мой Богуслав! – воскликнул он. – Вот я и опять в Киеве! Я готовил тебе приятный сюрприз и потому не известил тебя заранее о моем приезде. Как мы покутим здесь с тобою, милый друг!..

Я, понятное дело, становлюсь у тебя.

Граф вздохнул свободнее, узнав, что Тараевич приехал в Киев не надолго, и тотчас же приказал своему камердинеру привезти из гостиницы его багаж и приготовить помещение в доме.

– С чего же мы начнем наши невинные развлечения? Надо составить программу.

– Как тебе угодно.

– Сегодня мы обедаем в клубе, поиграем в картишки; оттуда поедем в театр... Что сегодня дают?

– «Травиату».

– Отлично!.. Прямо из оперы катнем к цыганам. Говорят, там завелась такая красавица, какой никогда и не видывали... Земира... Неужели ты с ней еще не познакомился?

– Слышал кое-что.

– Красавица-дикарка, чистейшая баядерка!

Программа Тараевича заинтересовала графа – ему захотелось взглянуть на хорошенькую цыганку. После обеда в клубе сели играть в макао. Приезжий гость был, как говорится, навеселе и играл отчаянно, но фортуна улыбалась ему, и он уехал из клуба с полными карманами денег. В театре он вел себя почти неприлично, поднес примадонне великолепную бонбоньерку и после каждой арии кричал во все горло «Браво!».

Солтык был возмущен выходками Тараевича и заметил ему, садясь в карету:

– Послушай, мой милый, веди себя сдержанней. Цыганки кокетливы и любят, чтобы за ними ухаживали, но строгость их нравов не подлежит сомнению. Не затевай скандала, иначе их смуглые рыцари без церемоний пустят в дело кинжалы.

– Знаю, знаю! – проворчал Тараевич.

Обширный павильон в восточном вкусе напоминал собою дворец из «Тысячи и одной ночи». В средней ротонде была устроена танцевальная зала: вдоль ее стен стояли мягкие диваны, на которых в самых живописных позах сидели и лежали украшенные драгоценностями загорелые дочери Индии.

Большие черные глаза их напоминали глаза газели, улыбка не покидала их уст, белоснежные зубы так и сверкали при ярком освещении. Они были окружены целой толпой поклонников. Две-три пары молодых цыганок плясали посреди залы под звуки тамбурина.

Граф стоял у колонны, между тем как его родственник вполголоса разговаривал со старой безобразной цыганкой. Эта последняя как бы в знак согласия кивнула головой, и тут же к Солтыку подошла стройная черноокая красавица. Плечи ее были обнажены, волосы перевиты жемчугом и кораллами. Костюм ее состоял из широких турецких панталон, короткой пестрой юбки и ярко-красной бархатной курточки, украшенной драгоценными камнями. На ногах были надеты вышитые золотом туфли.

– Здравствуй, граф, – улыбаясь, сказала она.

– Разве ты меня знаешь?

– Знаю... А ты меня не знаешь. Я Земира, так называемая киевская звезда. Нравлюсь ли я тебе?

– Обратись с этим вопросом к своему жениху.

– У меня нет жениха... ей-богу нет!

– Цыганским клятвам никто не верит.

– Уж больно ты умен, барин, как я вижу, – заявила черноокая красавица. – Говорят, все киевские знатные дамы от тебя без ума. Почему же не может влюбиться в тебя простая бедная цыганка? Ну, скажи, по крайней мере, что я хороша.

– Этого я не отрицаю.

– Хорошее всем нравится... так полюби меня!

Солтык засмеялся.

– Не смейся! – и цыганка топнула ногой. – Я хочу, чтобы ты меня полюбил! Выпей вот это, – прибавила она, подавая ему пузырек с жидкостью, – и ты наверняка в меня влюбишься.

– Меня ты не очаруешь ни огненным взором, ни любовным напитком.

Земира отступила на несколько шагов, протянула руки к графу, а затем прижала их к груди, нашептывая какие-то непонятные слова.

– Колдовство действует только на тех, кто ему верит! – пошутил Солтык.

– Да ведь и ты не каменный!.. Покажи-ка мне свою руку.

Цыганка взглянула на ладонь графа и вздрогнула – на ее хорошеньком личике изобразился ужас.

– Ты видишь что-то недоброе?

– Мало ли что написано в книге судеб!

– Но я желаю узнать, что меня ожидает в будущем?

– Твоя жизненная линия внезапно пресекается... ты умрешь скоро... и умрешь ужасной, насильственной смертью.

Граф равнодушно пожал плечами, сунул червонец в руку цыганки и подошел к Тараевичу.

– Ты хочешь уехать домой? – спросил тот.

– Нет... мне пить хочется. Стакан хорошего вина развеет

и этот удушливый запах цветов, и эти резкие звуки скрипок, и неприятное впечатление от этих лукавых смуглых красавиц. Мне так и мерещится, что они вот-вот превратятся в ядовитых змей!

Между тем как Солтык и Тараевич опорожняли одну бутылку за другой, Бедросов получил от своего агента следующее донесение:

«Эмма Малютина действительно бывала в Красном кабачке и приходила туда в мужском платье. Студент Пиктурно ухаживал за содержательницей кабачка, Рахилью Басси, посещал ее почти ежедневно. В ту ночь, когда он пропал без вести, ни Малютиной, ни еврейки не было в Киеве».

XXXVII. Травля

Казимир Ядевский несколько раз заезжал к Эмме, но ни разу не застал ее дома и решился написать ей полное упреков письмо. Она насмешливо отнеслась к его претензиям, но, тем не менее, пригласила приехать к ней вечером.

– У тебя снова появляется чувство ревности, друг мой, – приветливо улыбаясь, встретила она Казимира.

– А тебя, выходит, радуют мои страдания, – ответил он ей.

– Вовсе нет. Ты не имеешь права обвинять меня. Когда мы ехали с тобой из Мешкова, я откровенно высказала тебе все, чего ты можешь ждать от меня, и согласилась сделаться твоей женой. Но ты не исполняешь тех условий, которые я от тебя требую – ты не доверяешь мне.

– Ах, Эмма! – вскричал юноша, прижимая ее к своей груди. – Все это происходит оттого, что я слишком сильно люблю тебя!

– Любовь основана на взаимном доверии, а тебе мерещится, Бог знает что, ты увлекаешься нелепыми фантазиями.

– А твое отношение к Солтыку?

– Оно неизбежно, потому что я преследую определенную цель.

– Все одни и те же отговорки!.. Разве ты не видишь, как я страдаю!

– В этом нет моей вины. Я свято исполняю все данные

тебе обещания.

– Это правда... Прости меня!

Ядевский, стоя на коленях, целовал ее руки и был совершенно счастлив, заметив приветливую улыбку на губах ее. Но счастье его было непродолжительно: в комнату вошел Бедросов.

– Не помешал я вам? – обратился он к Эмме, указывая глазами на Казимира. – Виноват... Мне нужно переговорить с вами наедине.

– Уйди, – шепнула она Казимиру. – Это старинный знакомый моей матери, он, вероятно, не вызовет у тебя ревности.

Проклятие готово было сорваться с языка раздосадованного юноши, но он сдержался и, склонив голову, вышел из гостиной.

Эмма села в углу дивана, так что лицо ее было в тени, между тем как сама она могла свободно наблюдать за собеседником.

– Вы, кажется, были знакомы со студентом Пиктурно? – равнодушным тоном начал незванный гость.

– Да, я встречалась с ним раза два, не более.

– Насколько я помню, вы говорили мне, что между ним и графом Солтыком была американская дуэль?

– Я передала вам то, что слышала.

– В таком случае, должен сказать, что вас обманули...

Пиктурно был убит...

Бедросов был уверен, что эти слова поразят и собьют с

толку его слушательницу, но она возразила ему с невозможным спокойствием:

– В самом деле? И вам уже известны виновники этого преступления?

– Я недавно попал на их след.

– Это делает честь вашей проницательности... Скажите, с какой же целью было совершено это убийство? Молодого человека вероятно ограбили?

– Об этом я должен умолчать.

– Почему же? Неужели вы допускаете, что я выдам вашу тайну? – сказала красавица, беря Бедросова за руки, и прибавила. – Это нехорошо с вашей стороны. Зачем же вы будили мое любопытство?

– Здесь, в Киеве, существует известный притон, любимое место воров и мошенников, так называемый Красный кабачок.

Эмма засмеялась.

– Тут, кажется, нет ничего смешного, – сухо заметил частный пристав.

– Я думала, что в этом кабачке преимущественно назначаются тайные любовные свидания.

– Бывает и это... Содержательница заведения, ловкая хитрая еврейка, давно уже под подозрением... Она заодно с мошенниками занимается контрабандой... Вообще, эту шайку подозревают в воровстве и даже убийствах.

– Хорошо, что вы мне это сказали.

– Это почему? – спросил Бедросов. – Неужели вы когда-нибудь заглядывали в этот воровской вертеп?

Эмма снова засмеялась и покраснела.

– Скажу вам по секрету, что я уже несколько раз ходила туда, – отвечала девушка. – Тетушка моя так строго за мною присматривает... Понимаете?

– Вы виделись там с Ядевским?

– Этого я вам не скажу.

– Не беспокойтесь! Я знаю больше, чем вы подозреваете.

– Что же, например?

– Знаю, что часто по ночам вы выходите на улицу в мужском платье.

Новый взрыв хохота.

– Теперь я понимаю, почему киевская полиция никогда не может поймать ни воров, ни убийц! Ей некогда... Она занимается выслеживанием влюбленных! Как это забавно! Ха-ха-ха!

В комнату вошла Генриетта Монкони.

– Что тебя так рассмешило? – спросила она, целуя руки своей повелительницы.

А пристав думал: «Так и есть... Самая пустая невинная любовная интрига! А этому чудаку иезуиту Бог знает что мерещится».

– Господин Бедросов рассказал мне смешное приключение, – ответила Эмма и прибавила, обращаясь к своему гостю. – Продолжайте же.

– О таких вещах нельзя говорить при посторонних.

– Эта девочка не знает, о ком идет речь, а вы так сильно возбудили мое любопытство. Полицейские чиновники представляются моему воображению в виде охотников: они травят не лисиц и медведей, а разумную дичь – делают облавы на людей. Я страстно люблю охоту!

Как весело скакать по широкой степи на хорошем коне! Охота на людей должна быть в тысячу раз интереснее. Доставьте мне случай хоть один раз разделить с вами это удовольствие.

– Вы ошибаетесь, – возразил Бедросов, – тяжелы и при-
скорбны наши служебные обязанности!

– Быть может, для вас лично, но для меня они были бы наслаждением, смешанным с ужасом. Примите меня в число ваших агентов... Я говорю вам это серьезно... Поверьте, что я сумею принести вам пользу. Хотелось бы мне встретить хоть одного мужчину хладнокровнее, отважнее и хитрее меня.

– Полицейский агент, одаренный такими качествами, был бы для нас находкой... но шутки в сторону...

– Я вовсе не шучу.

– Возьмите и меня на службу, – прибавила Генриетта, – вы будете мною довольны.

– И вас? – засмеялся Бедросов. – Хорошее начало!

Вслед за вами я завербую всех наших киевских красавиц. Честь имею кланяться.

«Какое безумие подозревать такую простодушную девушку, – думал он, сходя по ступенькам лестницы. – Положим, что Пиктурно застрелился вследствие несчастной любви... это понятно... а все остальное – чепуха!»

Между тем Эмма стояла у окна и прислушивалась. Как только захлопнулась дверь у подъезда, лицо ее приняло мрачное и жестокое выражение.

– Этот человек напал на наш след, – шепнула она.

– Что же он узнал? – бледнея, спросила Генриетта.

– Он уверен, что Пиктурно убит нашими сектантами и подозревает наших сообщников из Красного кабачка. Мне удалось отчасти успокоить Бедросова, но кто сможет поручиться, что мы не будем преданы в руки правосудия? Это может случиться завтра же... сию же минуту, – и Эмма в сильном волнении начала ходить взад и вперед по комнате.

– Что же ты намерена предпринять? – спросила Генриетта после довольно продолжительной паузы.

– Мы должны принять самые быстрые, самые энергичные меры для обеспечения нашей личной безопасности.

– Убить Бедросова?

– Да.

– Но ведь он друг твоей матери?

– Для меня он враг нашей богоугодной общины, и пощадить его было бы преступлением с моей стороны.

– Это правда.

– Он должен погибнуть... Я считаю его смертный приго-

вор делом решенным и возлагаю на тебя обязанность изловить его в наши сети.

– Приказывай... Я готова беспрекословно повиноваться тебе.

– Ты скоро узнаешь, в чем будет состоять твоя задача... Этот полицейский чиновник из охотника превратится в дичь, и мы будем травить его беспощадно... Он не вырвется из наших рук!.. Я сама принесу его в жертву во славу великого святого дела, которому все мы служим.

XXXVIII. В западне

На следующий день вечером в полицейскую контору явилась дама, лицо которой было покрыто густой черной вуалью, и сказала, что ей нужно переговорить с частным приставом. О ней доложили, и она была немедленно принята. Бедросов с утонченной вежливостью светского человека сделал несколько шагов ей навстречу, между тем как она поспешно запирала на ключ дверь кабинета.

– Нас здесь никто не подслушает? – спросила Генриетта, откидывая с лица вуаль.

– Это вы?! Что с вами? Вы так взволнованы...

– Я пришла сообщить вам важную новость, – начала де-вушка, – обещайте, что вы никому не выдадите моей тайны, даже Эмме Малютиной... Я наведу вас на след преступников, я хочу, чтобы эта заслуга принадлежала мне одной... Я знаю, кто убил студента Пиктурно.

– Шайка мошенников из Красного кабачка, не так ли?

– Нет, вы не угадали... Не задавайте мне вопросов, а пойдете вместе со мной и как можно скорее... Только вам нужно будет переодеться в крестьянское платье.

– Могу ли я взять с собой одного из моих агентов?

– Разумеется... но и на нем должен быть надет крестьянский полушубок. Я буду ждать вас неподалеку от дома моего отца и прошу вас не терять времени.

– Не более как через полчаса мы оба будем к вашим услугам.

Генриетта Монкони побежала в дом Сергича, чтобы переодеться. Несколько минут спустя Бедросов и его агент Мирров были уже в условленном месте. Там они увидели простые деревенские сани, запряженные тройкой плохих лошадей. В них сидела Генриетта, закутанная в полушубок и обвязанная пестрым платком.

– Пошел! – крикнула она кучеру Доливе, усадив своих спутников рядом с собой, и лошади тронулись мелкой рысью.

Выехав за заставу, Бедросов начал понемногу расспрашивать Генриетту. Она без запинки отвечала на все его вопросы, так что у него не могло возникнуть ни малейшего подозрения.

– Скажите мне, милая барышня, что побудило вас оказать нам такую важную услугу? – спросил он.

– Ваш последний разговор с Эммой, – улыбаясь, отвечала девушка, – вы подстегнули мое любопытство и возбудили во мне желание испытать нечто для меня новое – подвергнуться некоторого рода опасностям.

– Каким образом попали вы на след убийц?

– Совершенно случайно. Недавно молодые парни и девушки собрались в одной из хат нашей деревни на посиделки. И одна из присутствующих рассказывала, что она была свидетельницей странного приключения. Местом действия

был шинок, стоящий на большой киевской дороге, неподалеку от села Мешкова. Из дверей этого шинка вынесли связанного по рукам и ногам молодого человека и увезли его в близлежащую рощу. Затем она слышала, как вдали раздались выстрелы. Полчаса спустя разбойники вернулись обратно в шинок, и один из них предлагал хозяйке купить у него золотое кольцо.

– Следовательно, эта хозяйка была их сообщницей?

– По-видимому, эти разбойники были ее старыми знакомыми.

– Как зовут содержательницу шинка?

– Прасковья Вотрубешко. Допросите нашу деревенскую девушку, и она подтвердит вам мои слова.

– Вы полагаете, что Пиктурно похоронен в той роще, где его убили?

– Вероятно... Но были ли это разбойники, еще неизвестно.

– Быть может, заговорщики? Но с какой же целью...

– Известно ли вам о существовании секты «небесных посланников»?

– Господи, Боже мой! – воскликнул Бедросов. – Я давно уже преследую эту проклятую кровожадную секту и до сих пор мне не удалось поймать ни одного из ее членов. Эти изверги люты, как тигры, и лукавы, как змеи!.. Вы убеждены в том, что именно они убили несчастного Пиктурно?

– Я в этом не сомневаюсь.

– Почему же ваша крестьянка говорила, что убийство студента совершено разбойниками?

– Они были всего лишь оружием в чужих руках и действовали под влиянием угроз или просто за известную плату.

– Это совершенно справедливо... Спасибо вам, барышня.

– Вы никому не скажете, что я выдала вам эту тайну?

– Даю вам честное слово.

Вдали показался шинок и за ним – небольшая сосновая роща.

– Здесь мы свернем с дороги, – сказала Генриетта, – и пройдем прямо в лесок. Там я останусь, а вы с вашим агентом и моим кучером отправитесь в шинок. Не забудьте только закурить трубки – у здешних крестьян они постоянно торчат в зубах.

– Да какая же вы умница, милая барышня!

В роще было совершенно темно. Лошади шли шагом при слабом мерцании звезд. Наконец сани остановились в чаще леса.

– Позвольте мне оставить здесь с вами моего агента, – начал Бедросов, – вас могут испугать.

– Я ничего не боюсь... Впрочем, как вам угодно.

Она заранее знала, что ее не оставят одну ночью в лесу. Миров взял вожжи в руки, между тем как Бедросов раскуривал коротенькую малороссийскую трубочку.

– Когда вы мне понадобится, я подам вам сигнал, – сказал он, – а если услышите выстрел, тотчас же бегите ко мне на

помощь. – И, пожав девушке руку, он отправился вместе с кучером Доливой по тропинке к шинку.

Огромный волкодав с громким лаем бросился на непрощенных гостей; в окнах шинка светился огонек, но на дворе не было ни души. Частный пристав подошел к окну и увидел сквозь закоптелые стекла, что в шинке у одного из столов, свесив голову на грудь, дремлет пьяный мужик, а хозяйка, сидя за прилавком, считает деньги.

Бедросов и Долива вошли в шинок. Первый сел в темный угол у стола, а второй потребовал вишневки. Хозяйка подала бутылку наливки и два стакана и, заигрывая с кучером, ударила его кулаком по плечу.

Тот отвечал ей подобной же шуткой, с добавлением крепкого словца.

Между тем частный пристав не без любопытства рассматривал плотную женщину среднего роста. На ней была пестрая юбка, короткий полушубок, вокруг шеи в несколько рядов – коралловые бусы, из-под белого платка торчали космы черных как смоль волос, оттеняя слегка загорелое, довольно красивое лицо; вздернутый нос и приподнятая толстая верхняя губа изобличали в ней сварливый характер. На вид ей было слегка за тридцать.

– Как зовут твоего приятеля? – спросила хозяйка, пристально глядя на Бедросова. – Мне кажется, я его где-то видела... Никак не припомню его имени.

– Это Иван Клучанка.

– Из Ромшина?

– Ну да, он самый.

– Вы приехали из города?

– Экая любопытная!

– Нас потребовали к допросу, – вмешался в разговор частный пристав, – проклятые полицейские крючки пронюхали, что у тебя в шинке зарезали какого-то молодого барина... вот, значит, у нас и спрашивали, не знаем ли мы, кто его убил.

– Этого дела никто не знает, кроме меня, – возразила хозяйка.

– Так это правда?

– Сущяя правда!.. Раз ночью приехал сюда из Киева молодой барин, красавец-мужчина... и вслед за ним барыня с закрытым лицом... Вдруг отворяется дверь, и в шинок врываются разбойники... связывают меня по рукам и ногам, завязывают платком глаза и бросаются на молодого барина... Я слышу, как он с ними борется... кричит сердечный... зовет на помощь, а я и пошевелинуться не могу!.. Потом все утихло, и все они куда-то уехали... Когда они вернулись в шинок, то есть разбойники-то, ни барина, ни барыни с ними не было, ну развязали они мне глаза, руки и ноги, да и показывают мне золотое колечко: купи, дескать, тетка, дешево продадим.

Между тем Генриетта, оставшись в лесу с Мировым, мысленно молила Бога вразумить и поддержать ее – бедной

неопытной девушке досталась самая трудная роль в этой кровавой драме.

– Кажется, все идет благополучно, – после долгого молчания заметил полицейский агент.

– Беда, если там догадаются, что Бедросов не мужик.

– Я слышал, что вы дружны с девицей Малютиной?

– Да, я с ней знакома.

– Говорят, что она участвовала в убийстве студента Пиктурно.

Генриетта не возразила ни слова.

– Быть может, это вас удивляет, – продолжал агент, – но я уже давно слежу за девицей Малютиной и пришел к убеждению, что она принимала личное участие в этом преступлении.

– Я не нахожу тут ничего невероятного.

– Носятся слухи, что она принадлежит к ужасной секте губителей...

Не замечали вы чего-нибудь странного в ее поведении?

– Нет, но, зная ее характер, полагаю, что она способна совершить преступление.

В эту минуту неподалеку, между деревьями, показалась женщина верхом на лошади. Она махнула белым платком. Миров не мог этого увидеть, потому что стоял к ней спиной.

– Что это значит? – вскричала Генриетта. – Сюда кто-то идет...

Агент оглянулся... В тишине ночи раздался выстрел, и

несчастный с окровавленным лицом повалился на снег... Он еще дышал, но не мог говорить, только в глазах его застыл немой вопрос: «За что ты меня погубила?».

– Покайся, – сказала ему Генриетта, – ты в моих руках, и я принесла тебя в жертву... За это Господь отпустит тебе твои грехи.

Миров поднял сжатые кулаки, но в это мгновение сектантка снова нажала курок... Этим окончилось первое действие кровавой драмы.

Услышав первый выстрел, Бедросов выбежал из шинка вместе с Доливой, но не успели они сделать нескольких шагов по направлению к роще, как навстречу им выехал на лошади Каров.

– Стой! – закричал частный пристав. – Стой, или я застрелю тебя!

В ту же минуту, словно из-под земли, выросла Эмма Малютина. С быстротой молнии она накинула Бедросову петлю на шею и во весь дух помчалась по полю, увлекая за собою несчастную жертву... Вопль отчаяния замер в воздухе... Никто не явился на помощь... От свирепой амазонки нельзя было ждать пощады.

XXXIX. Небылицы

Рано утром на следующий день старик Монкони приехал в полицейское управление вместе со своей дочерью. Бледная как смерть молодая девушка была сильно встревожена: глаза ее горели, лихорадочная дрожь пробегала по всему телу.

– Застав однажды господина Бедросова у моей приятельницы, Эммы Малютиной, – начала Генриетта, обращаясь к полицмейстеру, – я шутя попросила его принять меня в число его агентов и вчера вечером, переодевшись в крестьянское платье, поехала вместе с частным приставом и господином Мирковым в село Мешково. По дороге, неподалеку от шинка, на нас напала шайка жутких разбойников. Они остановили наших лошадей, вытащили из саней Бедросова и его агента, связали их по рукам и ногам и увезли в лес, приказав нашему кучеру отвезти меня обратно в Киев.

Крестьянин Долива дал при допросе точно такие же показания.

Полицмейстер, взяв с собой лучших из своих агентов и человек двадцать конных казаков, немедленно поехал на место преступления. Двери шинка были заперты, так что пришлось их выломать, но в домике не нашли ни души, только на конторке лежала записка следующего содержания:

«Напрасный труд. Вы не найдете людей осудивших и казнивших изменника Пиктурно».

Обыскали лес: там на одном из деревьев висели трупы Бедросова и Мирова, под ними к стволу был прибит гвоздями плакат с надписью: «Смертный приговор».

На этом месте были казнены киевский частный пристав Бедросов и полицейский агент Миров, вследствие приговора революционного трибунала. Тайное правительство Киевской губернии».

Трупы несчастных положили на розвальни и отправили в Киев. Туда же возвратился и полицмейстер в полном убеждении, что преступление совершено революционерами.

Патер Глинский поспешил сообщить графу Солтыку, что полиция нашла след заговорщиков.

– Мне сообщили по секрету, что в этом деле замешана Эмма Малютина, – прибавил он таинственным тоном, – не ездите к ней, умоляю вас! Она вас погубит.

– Она не занимается политическими дразгами. Я знаю это лучше, чем вы, – возразил на это граф, – оставьте ее в покое... Какое право вы имеете подозревать и обвинять эту молодую девушку?

Солтык решил повидаться с Эммой во что бы то ни стало и полчаса спустя сказал Тараевичу:

– Мне нужно предостеречь Малютину; я съезжу к ней и вернусь через час.

– Я от тебя не отстану! – вскричал союзник иезуита. – Возьми меня с собой.

– Ты с ума сошел! Мне надо переговорить с ней наедине...

Вообще я замечаю, что в разговоре со мной ты принимаешь тон строгого опекуна... Предупреждаю, мне это не нравится.

– Я не могу хладнокровно смотреть на твою явную погибель!.. О, ты еще не знаешь, что я намерен сделать! В крайнем случае, я соберу семейный совет и призову на помощь представителей закона!

– Ты совсем помешался, как я вижу... Впрочем, делай, что хочешь, я все-таки поеду к Эмме, – и граф начал поспешно одеваться.

– Ну, хорошо, – сказал Тараевич после минутного размышления, – отправляйся к твоей сирене, но завтра мы едем с тобою в Комчино и устраиваем там охоту на волков.

– Изволь!

Четверть часа спустя Солтык уже сидел в гостиной у Малутиной.

– Глинский и Тараевич составили против нас с вами заговор, – объявил он ей, – меня караулят, как преступника и держат под опекой, как школьника. Завтра они увозят меня в Комчино на охоту. Я воспользовался этим предложением и приехал пригласить вас. У меня там будет все семейство Монкони; приезжайте вместе с ними или с вашей тетушкой. В деревне мы будем видеться чаще.

– Я терпеть не могу интриг, какого бы свойства они ни были, – заметила Эмма, – когда же вы прогоните этого Тараевича?

– Я не смею этого сделать... На меня накинутся все мои

родственники...

Девушка задумалась.

– Надо обезвредить его как можно скорее, – сказала она.

– Придумаете, каким образом?

– О, это нетрудно! Не теряйте только присутствия духа, а бояться нам нечего... Я непременно приеду к вам в Комчино.

– Благодарю вас! – воскликнул граф и, поцеловав руку Эммы, поспешил вернуться домой.

Проводив гостя, сектантка написала письмо своей матери, прося ее приехать в Киев немедленно, и в ожидании ответа не спала почти целую ночь.

Село Комчино находилось в двух часах езды от Киева. Роскошная усадьба была окружена дремучим лесом. Солтык и Тараевич уехали туда рано утром, призвали лесничих и отдали им необходимые приказания. Остаток дня они посвятили карточной игре. Мы уже знаем, что Тараевич был страстным отчаянным игроком; граф играл рассеянно, а заботливый родственник, пользуясь этим случаем, обыгрывал его, как говорится, в пух и прах.

Вечером накануне отъезда в Комчино к Эмме зашел Ядевский, и она без церемоний объявила ему, что он должен отказаться от приглашения Солтыка в случае, если тот предложит ему участвовать в охоте на волков. Оскорбленный юноша осыпал ее упреками, которые она выслушала совершенно равнодушно. Она знала, что будет достаточно одного ее

нежного поцелуя, чтобы Казимир успокоился и выполнил ее требование. Так и случилось: несколько минут спустя он уже стоял перед ней на коленях и целовал руки.

Между тем вернулся человек, посланный с письмом в село Бояры, и доложил, что госпожа Малютина через час будет в Киеве. Мать и дочь успели переговорить и посоветоваться друг с другом до отъезда в имение графа. На следующий день после обеда приглашенные гости отправились в Комчино в маленьких городских санках. Монкони сел с Малютиной, жена его – с Сесавиным, а Генриетта – с Эммой. Граф встретил их на крыльце своего дома и повел под руку старуху Малютину, остальные гости последовали за ними. Таревич весь побледнел, увидев сектантку, сердце его замерло, им овладело предчувствие чего-то недоброго и это предчувствие не покидало его ни на минуту.

После того, как гости переоделись и немного отдохнули в отведенных им комнатах, все общество собралось в столовой, где был подан чай. Эмма успела шепнуть на ухо Солтыку нескольких слов, в результате чего он с нею почти не разговаривал, но зато явно ухаживал за Генриеттой, так что последней удалось незаметно передать ему записочку. Перед ужином под предлогом хозяйственных распоряжений граф вышел из столовой и, заперев на ключ дверь своей спальни, прочел следующие слова: «Мне необходимо сегодня же переговорить с вами наедине. Можете ли вы устроить нам свидание? Эмма».

Граф написал ответ и за ужином передал его Генриетте. По случаю охоты вставать на следующий день предстояло очень рано, и гости вскоре после ужина разошлись по своим комнатам и легли спать.

Помещение Малютиных состояло из двух спален и прелестной маленькой гостиной. Старуха перекрестила свою дочь, ушла в спальню и заперла дверь на ключ, а Эмма села у топившегося камина.

– Кто там? – спросила она, услышав легкий стук в дверь.

– Это я, твоя служанка Генриетта. Я пришла раздеть тебя, – ответила девушка, войдя в комнату.

– Еще рано... Я жду графа, – сказала красавица.

– Так я уйду и возвращусь, когда ты прикажешь.

– Пожалуй, раздень меня. Подай голубую шелковую блузу и туфли... потом останься в спальне и жди моих приказаний.

Когда в доме все стихло, кто-то тихонько постучался в стену гостиной. Эмма прижала пальцем скрытую за рамой картины пуговку, тотчас же отворилась потайная дверь, и на пороге показался Солтык.

– Вам нужно что-то сказать мне, – начал он, садясь по другую сторону камина.

– Послушайте, граф, – сказала красавица, – вы любите меня и желаете на мне жениться, не так ли?

– Это для вас не новость.

– Вот вам рука моя... Докажите мне твердость вашего характера... Если никакие препятствия не устроят вас на пу-

ти к желаемой цели, я с гордостью буду носить ваше имя!

– Чего же вы хотите?.. Перед вами покорный раб, готовый исполнить все ваши приказания!

– Выслушайте меня... До меня дошли слухи, что Тараевич – тайный агент ордена иезуитов, которые желают во что бы то ни стало женить вас на Анюте Огинской. Если это им не удастся, то они не остановятся ни перед какими средствами и так или иначе погубят вас непременно.

Ваши родственники намерены учредить над вами опеку под предлогом вашей необузданной расточительности; они лишат вас права пользования доходами с ваших имений.

– Возможно ли это?

– Все это делается для того, чтобы разлучить вас со мной. Если же все вышеупомянутые средства окажутся безуспешными, вас объявят помешанным и запрут в доме умалишенных.

– Какие адские замыслы! – воскликнул Солтык.

– Мы можем уничтожить все эти козни, – продолжала сектантка, – поверьте, что вы найдете во мне самую ревностную союзницу... Прежде всего, мы постараемся устранить наших общих врагов.

– Вы мой ангел-хранитель! – пролепетал Солтык, покрывая руки очаровательницы пламенными поцелуями.

XL. Союз

Было ясное морозное зимнее утро. Первые лучи восходя-

щего солнца уже позолотили всю окрестность, между тем как вдали, над рекой еще не разошелся туман. В лесу окутанные инеем деревья блестели миллионами бриллиантов, над крышами крестьянских хат клубился легкий дымок. Еще до восхода солнца загонщики устроили облаву. На господском дворе собрались егеря, держа на сворах отличных охотничьих собак. Послушные животные изъявляли свое нетерпение радостным лаем.

В столовой был подан роскошный завтрак, после которого старуха Малютина объявила, что она останется дома, между тем как Эмма, Генриетта и мать ее, красивая женщина лет тридцати шести, с удовольствием приняли участие в охоте.

Дамам было предоставлено право, выбрать себе кавалеров: Эмма избрала Солтыка, Генриетта – Сесавина, а ее мать – Тараевича. На мадам Монкони был прелестный костюм из темно-зеленого бархата, отделанный соболями и такая же шапочка. Брюнетка Генриетта предпочла бархат темно-красного цвета и чернобурую лисицу; а белокурая красавица Эмма знала, что ей очень идет светло-синий цвет. У всех троих за плечами были маленькие ружья, а за поясом – ятаганы. Каждая пара ехала в маленьких санках, между тем как остальное общество, состоявшее из соседних помещиков, заняло большие розвальни, размерам напоминавшие Ноев ковчег. Сани, в которых ехал хозяин дома, изображали собой крылатого дракона. Эмма невольно улыбнулась, глядя на мифического зверя.

– Это символ волшебницы, владычицы стихий, повелительницы бесплотных духов, которая считает всех смертных своими рабами, – отвечал граф на вопрошающий взгляд своей дамы.

– Граф Солтык никогда не будет рабом женщины.

– Не шутите... Вы знаете, что я уже несу это иго и не имею другой воли, кроме вашей.

– Это еще не известно.

– Подвергните меня испытанию.

– Не позже, как сегодня, даю вам честное слово.

Наконец охотники подъехали к опушке леса, вышли из саней и заняли места, указанные лесничими. Солтык остановился со своей дамой в чаще леса, под старым дубом. Обширная поляна открылась их взорам. В нескольких шагах позади них поместился егерь с заряженным ружьем, а и еще немного далее – мужик с рогатиной. Это была необходимая предосторожность на случай появления медведя, которые нередко встречались в киевских лесах.

Воцарилась глубокая тишина: никто не разговаривал, никто не шевелился, между стволами деревьев виднелись пылающие костры, над головами кружили кровожадные вороны, но и они вскоре исчезли.

Наконец раздался сигнал – звук трубы. Загонщики пришли в движение: лес огласился громкими криками, шелканьем кнутов, звоном колокольчиков, стуком палок о деревья. Спущенные со свор собаки разбежались во все стороны.

Вдруг из-за куста выглянула рыжая лисица, и, боязливо озираясь, начала осторожно пробираться к опушке леса. Эмма уже взвела курок, но граф остановил ее и шепнул на ухо:

– В лисиц стрелять запрещено.

– Почему?

– Потому что преждевременные выстрелы могут разогнать волков.

Казалось, что лисица сознает свою безопасность. Она спокойно продвигалась вперед, не обращая на охотников никакого внимания. Несколько минут спустя на поляну выбежал оцетинившийся зверь грязно-серого цвета, глаза его метали искры.

– Это волк? – спросила Эмма.

Граф утвердительно кивнул головой.

Еще одно мгновение... грянул выстрел и окровавленный хищник повалился на землю, оглашая окрестность самым отчаянным воем.

– Надо его пристрелить, – сказал Солтык и шагнул вперед.

– Предоставьте это мне, – попросила Эмма и, выхватив из-за пояса ятаган, со свирепым наслаждением вонзила его по самую рукоятку в брюхо издыхающего волка.

Изумление и ужас изобразились на лице графа – щеки Эммы пылали, глаза искрились, кровожадная усмешка искривила ее губы.

– Охота доставляет вам удовольствие? – спросил он.

– О да! – отвечала красавица, снова заряжая ружье. – Мне

кажется, что в каждом человеке кроется одновременно и божественное и дьявольское; вот почему мы убиваем, уничтожаем и творим добро с одинаковым наслаждением.

– Какие у вас странные, своеобразные воззрения!

– Разве вы только теперь заметили, что я недюжинная натура?

– О нет!

– Признаюсь вам, что мне не очень нравится этот способ охоты, в нем мало наслаждения. Выстрел или ловкий удар ножом – и все кончено... убитая дичь лежит у ног ваших. То ли дело травля! Вы спугиваете дичь, преследуете ее и, наконец, убиваете. Вот истинное удовольствие!

– Какая жестокость!

– Нет, это не жестокость... Я с удовольствием подверглась бы самой ужасной пытке и, как древняя мученица-христианка, пела бы хвалебные гимны, стоя на арене, посреди хищных зверей, готовых меня растерзать... Я не боюсь смерти, потому что жизнь не имеет для меня ничего привлекательного.

В эту минуту раздался выстрел, другой, третий и целая стая волков, преследуемых собаками, вырвалась на поляну и устремилась к опушке леса. Но Эмма, граф и сопровождающий их егерь выстрелами преградили им путь. Три волка повалились на землю, обогрив снег алой кровью, остальные скрылись в чаще леса. Охота была окончена.

Граф приказал подать свои сани, усадил в них Эмму и

уехал домой. Они уже успели переодеться и, сидя у камина, пили горячий чай, в то время как остальные охотники еще ждали в лесу сигнала, возвещающего окончание травли. Наконец один из лесничих протрубил отбой, и озябшие, проголодавшиеся гости графа Солтыка собрались в обратный путь.

– Итак, мы будем обороняться общими силами? – обратилась красавица к своему собеседнику.

Граф молча кивнул. В продолжение нескольких минут оба они не говорили ни слова.

– Черта вашего характера, которую я подметил только сегодня, еще сильнее привязала меня к вам, – начал Солтык. – Как бы мне хотелось увидеть вас в ту минуту, когда ваш злейший враг будет лежать в прахе у ваших ног!

– Осуществление этой мечты зависит от вас самих.

– Вы хотите сказать... Тараевич...

– Да, наш общий враг... О, как я буду счастлива, когда этот человек окажется в моей власти!

– Нет ничего легче... Вам стоит только захотеть.

– Сама я ничего не могу: это возбудит подозрение, но вы можете предать его мне.

– Охотно... но каким образом?

– Это уже ваше дело.

Граф глубоко задумался.

– Итак, между нами заключен союз против Тараевича, – после довольно продолжительной паузы снова начала сек-

тантка.

– Против всего мира, – в порыве необузданной страсти возразил Солтык.

– Тараевич сегодня же должен быть обезврежен.

– Я придумал кое-что и надеюсь как нельзя лучше устроить это дело... А когда Тараевич будет в вашей власти, что вы намерены предпринять? – спросил граф тоном, изблещившим его нероновскую натуру во всем ее демонском величии.

– Этого я еще и сама не знаю.

– Я этому не верю.

– Быть может, я не желаю, чтобы вы это знали.

На дворе послышался звон колокольчиков и щелканье кнутов – усталые охотники вернулись в Комчино.

– Извините меня, mesdames, – обратился хозяин к мадам Монкони и ее дочери, – я поспешил возвратиться домой, потому что моя дама очень озябла. Прошу вас не стесняться и распоряжаться здесь как у себя дома.

– Помилуйте, граф! – возразила хорошенькая женщина.

– Мы переоденемся и сейчас же придем в столовую.

Сидя вокруг роскошно сервированного стола, никто из гостей и не подозревал, что невинная забава будет иметь развязкой самую ужасную, кровавую драму. Вечер прошел быстро, в приятных разговорах – шутки и остроты градом сыпались со всех сторон. Наступила ночь. Соседние помещики давно уже разъехались по домам, дамы ушли в гостиную, а мужчины, сидя у стола, опорожняли последние бока-

лы.

– Давай играть в карты! – воскликнул вдруг Тараевич, вставая с места и едва держась на ногах.

– Изволь, – ответил Солтык и приказал приготовить стол.

XLI. Проиграл!

Эмма и Генриетта сидели в маленькой турецкой гостиной: первая – полулежа на диване, а вторая – на ковре у ее ног.

– Теперь он в моих руках, – сказала Малютина, продолжая начатый разговор.

– Скажи, как тебе удалось покорить этого деспота? – спросила Генриетта.

– Странно... ему понравилась моя мнимая жестокость.

Я нередко спрашиваю себя, почему люди, обладающие непреклонным характером, внушают окружающим не только страх, но и уважение. Это мнение подтверждается историческими фактами: почему, например, злодеяния такого изверга, как Иоанн Грозный, производят на людей более сильное впечатление, чем благодеяния Тита? Есть люди, которые с восторгом отзываются о Семирамиде и совершенно индифферентно относятся к матери Гракхов... Моя жестокость поражает графа Солтыка, опьяняет его. Ты, быть может, воображаешь, что я с наслаждением подвергаю человека пыткам или умерщвляю его своими руками? Вовсе нет! Я постоянно опасуюсь, чтобы чувство излишнего сострадания не повредило мне при исполнении моих священных обязанностей. Вот ты – другое дело.

Я замечала, что страдания наших жертв приносят тебе явное наслаждение. Вот почему ты до сих пор не можешь сде-

латься жрицей нашей секты. Советую тебе воздерживаться от этих неуместных восторгов. Я с душевным прискорбием исполняю мои священные, но тяжелые обязанности; ты же, наблюдая пытку или участвуя в ней, радуешься не хуже самого бесчеловечного палача.

– Виновата ли я в том, что Бог сотворил меня такой жестокой? Содрогание жертвы под ударами моего ножа доставляет мне неизмеримое наслаждение, запах человеческой крови опьяняет меня!

– В этом отношении вы с Солтыком поразительно схожи. Он холодный неумолимый деспот в полном смысле этого слова. Он способен беспощадно казнить людей, топтать их ногами, приносить каждую красивую женщину в жертву своему мимолетному капризу. Людей такого рода я считаю полусумасшедшими. У них избыток жизненной силы проявляется в стремлении мучить и умерщвлять людей, даже не сделавших им ни малейшего зла.

– Следовательно, и я не в своем уме? – спросила Генриетта.

– Разумеется.

Девушка склонила голову, но не возразила ни слова.

Между тем граф играл со своим родственником в баккара. Тараевич, сам того не замечая, опорожнял одну бутылку за другой и находился в сильно возбужденном состоянии, не обещавшем ничего хорошего. Монкони и Сесавин, опасаясь быть свидетелями неизбежного скандала, ушли наверх,

в свои комнаты. Наконец Солтык бросил карты на стол, подошел к окну, отворил его, прошелся несколько раз взад и вперед по комнате и, остановившись на пороге турецкой гостиной, подал Эмме едва заметный знак.

– Разве ты не хочешь больше играть? – спросил Тараевич, перед которым лежала на столе груда выигранного им золота. – Я обязан дать тебе реванш.

– Благодарю, мне уже надоела эта игра вдвоем, – ответил граф, – наша обязанность занимать юных дам, которые сидят в гостиной и скучают.

– Вовсе нет, – сказала Эмма, подходя к карточному столу, – продолжайте играть, господа, а мы на вас посмотрим.

– Извольте, если это вам угодно, – сказал граф и начал тасовать карты.

Девушки сели у стола. Эмма смотрела на игру со свойственным ей равнодушием, зато Генриетта следила за каждой открывающейся картой с напряженным вниманием; глаза ее искрились, губы нервно дрожали. Счастье начало постепенно изменять Тараевичу, но он не унывал, увеличивал ставки и пил стакан за стаканом старое венгерское вино. Не прошло и часа, как он проиграл графу весь свой выигрыш и все наличные деньги. Волнение его усиливалось с каждой минутой, щеки его пылали. Наконец он, тяжело дыша, откинулся на спинку стула и засунул руки в карманы.

– Ты желаешь прекратить игру? – спросил у него Солтык.

– Станный вопрос! Я проиграл все, что у меня было в

карманах.

– Если хочешь, я могу открыть тебе кредит.

– Отлично! – обрадовался несчастный игрок. – Я ставлю на карту мою четверку вороных, она стоит пятьсот червонцев... Согласен ли ты принять ее по этой цене?

– Я держу за нее тысячу червонцев.

– Дамы будут свидетельницами, – прибавил Тараевич.

Но ему не повезло, и лошади были проиграны.

– Черт побери! – закричал он. – Пропади все пропадом! Я ставлю на следующую карту мой лес; он не заложен и стоит, по крайней мере, четыре тысячи рублей.

– Идет.

Тараевич потребовал карту, взглянул на нее и положил на стол.

– Восемь, – сказал граф, переворачивая свою карту.

– Опять проиграл! Будь она проклята!.. На эту карту я ставлю все, что у меня осталось: усадьбу, овец и все мои паи на нефтяном заводе... Во что оценишь ты все это?

– Я держу против этого все, что тут на столе и, кроме того, еще десять тысяч рублей.

– Согласен.

Открыли карты, у Тараевича было семь, у графа – девять. Отчаянный игрок ударил кулаком по столу с такой силой, что бутылки и стаканы зазвенели.

– Я нищий! – воскликнул он. – Ты пустил меня по миру!.. Как это благородно... заманить к себе в гости и обыграть до

нити!

– Это неправда, я тебя не только не заманивал, но всеми силами старался от тебя избавиться. Я хотел прекратить игру, когда ты был в выигрыше, а ты сам принудил меня играть.

Тараевич встал из-за стола весь бледный, с искаженным злобой лицом, и проговорил сквозь зубы:

– Это правда... Я изъявил желание продолжать игру, не подозревая за тобой искусства исправлять ошибки судьбы, как говорят французы.

Наглая выходка бессовестного родственника вывела графа из терпения. Он вскочил, повалил на пол Тараевича, наступил на него ногой и сказал:

– Я мог бы избить тебя как собаку, но я великодушен и потому позволяю тебе убежать.

– Не хвастай своим великодушием, – пробормотал Тараевич, дрожа всем телом, – а докажи его на деле. Возврати мне все, что ты у меня выиграл.

– Изволь, я позволяю тебе сделать еще одну ставку.

Солтык снова сел к столу и начал тасовать карты.

– На что же я буду играть? У меня ничего нет... Мне остается только пустить себе пулю в лоб!

– В таком случае я предлагаю тебе американскую дуэль. Я пустил тебя по миру, а ты оскорбил меня. Поставь свою жизнь на эту последнюю карту. Я же держу против нее все, что у тебя выиграл, и сверх того еще десять тысяч рублей.

– Идет! – махнув рукой, воскликнул несчастный. – Это

для меня безразлично... Так или иначе, мне все-таки придется застрелиться... Но я требую, чтобы карты сдавала одна из этих девиц.

Эмма Малютина предложила свои услуги и стасовала карты. Все умолкли и затаили дыхание. Взглянув на свои карты, граф сказал: «Довольно», а Тараевич потребовал карту. Наступила решительная минута... Сердце отчаянного игрока замерло... Еще одно мгновение и он, бледный как мертвец, откинул голову на спинку стула, карты выскользнули из рук его... он проиграл...

– Вы свидетельницы, mesdames, что этот человек проиграл мне свою жизнь, – торжественным тоном произнес Солтык, – с этой минуты я имею право распоряжаться ею по своему усмотрению.

Неопределенная улыбка играла на губах мраморной красавицы, она не спускала глаз со злополучной жертвы.

– Безумец! – неистовым голосом закричал Тараевич, колотя себя кулаками в грудь. – Я добровольно предался во власть моих злейших врагов!.. Смейтесь, сударыня, торжествуйте свою победу!.. Теперь никто не помешает вам сделаться графинею Солтык!

– Замолчи! – воскликнул граф.

– Нет, не замолчу!.. Подайте мне пистолет! Я застрелюсь тут же на месте!.. Все вы жаждете моей крови!

– Я вовсе не намерен убивать тебя, – злобно усмехнулся Солтык, но усмешка его была страшнее угрозы. – Ты в моей

власти, и этого для меня достаточно.

– Ты даруешь мне жизнь?

– Нет... Ты останешься здесь в ожидании моих дальнейших приказаний.

Тараевич захохотал.

– Теперь я понял, что это была шутка, – сказал он. – Какая нелепая мысль взбрела мне в голову! Признаюсь, что вы действительно испугали меня... Пусть этот страх послужит мне наказанием за то, что я впутался в эти проклятые интриги... Клянусь Богом, я заслужил это наказание... Но ваша шутка была чересчур жестока. Налейте мне вина, прелестнейшая Геба, и забудем неприятное приключение!

Солтык и Эмма Малютина обменялись выразительными взглядами, между тем как Генриетта наливала вино. Тараевич залпом опорожнил стакан, пошатнулся и без чувств повалился на пол. Старое токайское произвело на него свое обычное действие.

Граф позвонил, приказал лакеям вынести из комнаты Тараевича и, закурив сигару, пошел вслед за девушками в турецкую гостиную.

– Любезный граф, – начала Генриетта, – теперь господин Тараевич сделался вашей собственностью, не правда ли?

– Разумеется.

– И вы имеете право подарить эту собственность кому угодно?

– Конечно, имею.

– В таком случае, подарите его мне.

– Зачем он вам понадобился? Что намерены вы с ним сделать?

– Этого я вам не скажу.

– Мне очень жаль, я не могу исполнить вашего желания.

– Почему же нет? Вы хотите пощадить его?

– Нет... Я желаю распорядиться им по своему усмотрению.

– Неправда... Вы хотите передать его Эмме... Вы ей обещали.

– Тараевич принадлежит мне, – заявила сектантка.

Солтык поклонился с улыбкою на губах.

– Этим я избавляю вас от угрызений совести, – прибавила она.

– Меня?! – удивился граф, пожимая плечами. – Да положите его хоть сейчас же в пылающий костер, – мне решительно все равно! Но я желал бы, чтобы он остался жив.

– Почему это?

– Потому что мертвецы не испытывают страданий.

– Я вовсе не так жестока, как вы воображаете. Если вы хотите увидеть нечто подобное Семирамиде, то обратите внимание на Генриетту.

– Эта кроткая голубица?

Мадемуазель Монкони покраснела, но овладела собою и с необыкновенной смелостью взглянула на Солтыка.

– Вы еще мало знаете меня, граф! – проговорила она. – Я

готовлю вам такой сюрприз, который вам едва ли понравится... Берегитесь!

– Сознаю себя в опасности и начинаю бояться вас, мой прелестный демон!

Генриетта бросила на свою повелительницу выразительный взгляд, ясно говоривший: «Предоставь его мне и ты будешь мною довольна!»

XLII. Богиня мщения

– Уступи мне графа, – умоляла Генриетта, стоя на коленях у кровати Эммы, – я передам его апостолу, точно также как и ты.

– Что с тобой? – спросила сектантка. – Разве ты его любишь?

– Нет, но мне хочется наказать его за то, что он считает меня такой невинной овечкой.

– Все те же своекорыстные мотивы! – перебила ее Эмма. – Ты не понимаешь возвышенной цели нашего учения. То, что мы делаем из чувства глубокого сострадания к ближнему, приводит тебя в кровожадный восторг. Подави в себе это нехорошее чувство, иначе оно не доведет тебя до добра.

– Я готова повиноваться тебе во всем... но дай мне Солтыка!

– Ты не сумеешь с ним справиться, тебе это не по силам: в тебе недостаточно благоразумного хладнокровия.

– А ты уверена в том, что обратишь его на путь истины, и что он добровольно сделается твоей жертвой?

– Это мое искреннее желание.

– Не будет ли лучше, если вы сделаете его членом вашего общества?

Он красив, богат, отважен, умен, словно сотворен для того, чтобы держать людей под своим железным игом.

– Все это правда, но вместе с тем он воплощенный дьявол, с врожденными наклонностями хищного зверя. Он со злорадным наслаждением инквизитора или турецкого паши готов мучить, истязать, убивать людей, одним словом, грешить ежеминутно, без малейшего чувства раскаяния.

– Я, право, не понимаю тебя, Эмма. Ты, например, говоришь, что грешно с радостью исполнять то, что угодно Богу.

– Мы должны служить Ему с благоговением, а не с бесчеловечной жестокостью в сердце.

– Да ты и сама вовсе не человеколюбива.

– Одному Господу известно, что происходит в душе моей, когда я исполняю свои священные обязанности... Если бы существовал другой способ для спасения погибающих грешников, то, поверь мне, никогда рука моя не прикоснулась бы ни к плети, ни к ножу; никогда не пролилась бы ни одна капля человеческой крови.

– Почему же ты с такой радостью овладеваешь Тараевичем?

– Не потому, что он был мне личным врагом, а потому, что он вздумал препятствовать нам в исполнении наших планов. Если бы я ненавидела этого человека, то сочла бы себя недостойной принести его в жертву и попросила бы апостола возложить эту обязанность на другую жрицу.

Генриетта задумалась, но все ее попытки разгадать эту таинственную личность были безуспешны. Малютина по-прежнему была для нее тайной, точно так же, как и для дру-

гих.

Между тем в доме уже все проснулись и собрались к завтраку. Тараевич мысленно спрашивал себя, не пригрезилось ли ему вчерашнее приключение и, чтобы разрешить свое недоумение, обратился к Генриетте с вопросом:

– Скажите, неужели я вчера действительно проиграл все мое состояние?

Девушка молча кивнула головой.

– И даже свою жизнь?

– Нет, это вы видели во сне!

– Ну, я так и думал.

После завтрака супруги Монкони и Сесавин уехали обратно в Киев; остальное общество проводило их до перекрестка и оттуда повернуло на дорогу к селу Мешково. Когда они подъехали к усадьбе, все та же старая баба отворила им ворота. Дом по-прежнему казался необитаемым.

Все четверо вошли в гостиную. Эмма села на диван, Солтык прислонился к стене, Генриетта с пистолетом в руке караулила замкнутую дверь, а Тараевич в недоумении топтался посреди комнаты.

– Помнишь ли ты нашу вчерашнюю игру? – сурово спросил граф у своего родственника.

– Помню, что я проиграл все, что имел.

– И даже свою жизнь.

– О нет! Это я видел только во сне. Не правда ли, мадемуазель Генриетта?

– Эмма и я были свидетельницами, когда вы проиграли графу вашу жизнь, – отвечала девушка, – теперь вы его собственность, и он может сделать с вами все, что захочет.

– Знаю, знаю! Все это не более как шутка!

– Я не шучу, – прервал его граф, – ты оскорбил меня и находишься в моей власти.

– Так убей меня... Я готов умереть...

– Я не намерен убивать тебя, а так как ты мне совершенно не нужен, то я дарю тебя мадемуазель Эмме.

– Перестань шутить, – возразил Тараевич, – разве я невольник, которого можно продать или подарить кому-нибудь?

Злая усмешка появилась на губах графа.

– Жизнь твоя в руках этой прелестной особы. Ты должен исполнять все ее приказания, – сказал Солтык, поклонился дамам и вышел.

Несчастный стоял как громом пораженный.

– Позвольте узнать, какая участь ожидает меня? – спросил он дрожащим голосом.

– Предоставляю вам выбор: или слепо повиноваться моей воле, или умереть, – сказала Эмма, с кинжалом в руке подходя к своей жертве.

– Я буду вашим самым покорным рабом.

– Оставайтесь здесь, пока я не вернусь из Киева. Генриетта будет вас караулить, и вы должны повиноваться ей, точно так же, как мне самой.

– Вы мой пленник, – строго объявила Генриетта, – если вы осмелитесь хоть в чем-нибудь меня ослушаться, я застрелю вас, как собаку. – И она пригрозила ему пистолетом.

– Умоляю вас, скажите, что меня ожидает? – обратился несчастный к Малютиной. – Сжальтесь надо мной!.. Не убивайте меня!

Эмма презрительно пожала плечами.

– Вы сообщник иезуитов, и я не могу иметь к вам сострадания, – отвечала она, гордо подняв голову, – но, быть может, вы мне еще понадобится и я пощажу вас на некоторое время, – понимаете ли вы?

– Благодарю вас.

– Не благодарите: я вам ничего не обещала. – И сектантка вышла из комнаты с гордым величием королевы.

Солтык ожидал ее на крыльце, и они вместе уехали в Киев.

– Теперь я за вас отвечаю, – обратилась девушка к своему пленнику, – убедитесь в том, что здесь вам никто не окажет помощи, а при малейшей попытке бежать вас застрелят.

Тараевич машинально подошел к окну и увидел на дворе двух мужиков с ружьями.

– Будете ли вы повиноваться мне? – спросила Генриетта, не выпуская из рук пистолет.

– Буду.

– Идите же вслед за мной.

И она повела его в то подземелье, где еще так недавно са-

ма молилась, обливаясь слезами. Там ожидали ее две молодые крестьянки. Они совершенно равнодушно посмотрели на новую жертву кровавой секты.

– Свяжите его, – приказала им Генриетта.

– Вы хотите убить меня! – закричал Тараевич.

– Не смейте защищаться, – сказала девушка, приставляя дуло пистолета к груди страдальца.

В одно мгновение несчастный был связан по рукам и ногам; тяжелая, привинченная к стене железная цепь обвилась вокруг его туловища.

– Накажите его, – продолжала Генриетта, – и научите молиться Богу. Он великий грешник.

Крестьянки сорвали с Тараевича сюртук и взяли в руки висевшие у них за поясом плети.

Солтык проводил Эмму до Киева и снова вернулся в Комчино, где его ожидал патер Глинский. Сектантка отправилась прямо к Карову, переговорила с ним и, вернувшись домой, написала записку Ядевскому. Тот не замедлил явиться.

– Скажу тебе коротко, – начала девушка, – счастье наше близко: дня через три я буду готова идти с тобою под венец.

Сначала Казимир не поверил ее словам, но не прошло и двух минут, как он лежал у ног Эммы и страстно клялся ей в вечной любви. Яркий луч надежды снова озарил сердце доверчивого юноши, и он ушел домой, напевая веселую песенку.

Эмма подехала на извозчике к дому, где Солтыку явля-

лись призраки его родителей; у ворот ее ожидал Долива, держа под уздцы верховую лошадь. Не прошло и минуты, как сектантка с быстротой стрелы мчалась по большой дороге, не заметив, что за нею кто-то следит. Когда она приехала в Мешков, Каров был уже там.

– Покорился ли Тараевич своей участи? – был первый ее вопрос.

– Да, – отвечала Генриетта, – но все-таки не обошлось без плетей.

– Воображаю, с каким дьявольским наслаждением ты смотрела на страдания этого несчастного!

– Я заботилась о спасении его грешной души.

– Знаю я тебя!

Эмма вместе с Генриеттой и Каровым спустилась в подземелье, превращенное сектантами в тюрьму и место для пыток. Кровавые палачи в своем безумном ослеплении воображали, что злодеяния их угодны Богу. Окованный цепями Тараевич лежал в углу на грязной соломе. По знаку жрицы две служительницы этого языческого капища освободили узника и помогли ему встать на ноги. Перед ним, скрестив руки на груди, подобно грозной богине мщения, стояла Эмма Малутина.

– Бог наказывает вас за то, что вы старались совратить графа Солтыка с пути истины, – начала она, устремив на свою жертву пронизательный холодный взгляд, – вы хотели погубить меня... Теперь вы в моей власти.

– Накажите меня... но пощадите мою жизнь... вы мне обещали, – умолял Тараевич.

– Я вам ничего не обещала, – прервала его сектантка, – не ждите от меня сострадания.

– Вы желаете отомстить мне?

– Поймите же, наконец, что я действую не под влиянием оскорбленного самолюбия и не из чувства ненависти за то, что вы пытались помешать моему браку с графом Салтыком... Я жрица, служительница алтаря Всевышнего и принесу вас в жертву для искупления ваших грехов, для спасения вашей души от вечных мук. Вы умрете сегодня.

– Сжальтесь! Сжальтесь! – вопил несчастный, простирая к ней руки.

– Идите за мной. Вас ожидает наш апостол. Раскайтесь перед ним чистосердечно во всех ваших грехах и спасите вашу погибающую душу от адских страданий добровольной смертью.

– Куда я попал?! – неистовым голосом закричал Тараевич. – В заведение душевнобольных или в вертеп разбойников?

– Господь пощадит вас, если вы добровольно принесете себя в жертву. Если же вы не последуете моему доброму совету и начнете сопротивляться, то наши служители повлекут вас к алтарю, где я заколю вас ножом.

– Я не хочу умирать, – дрожа всем телом, пробормотал несчастный пленник, – я готов покаяться в грехах, но не при-

несу себя в жертву... Это было бы безумием! Неужели подобные жертвы угодны Богу?

– Вам предоставлен свободный выбор... Решайтесь... Выбирайте единственный путь к спасению, который я вам предлагаю.

– Нет, нет! Я не хочу умирать! – снова закричал Тараевич.

– Свяжите его, – скомандовала неумолимая сектантка.

В одно мгновение несчастного повалили на землю, связали по рукам и ногам и отнесли в смежное, освещенное факелами помещение, где сидел апостол. Последний начал кротко уговаривать лежащего у его ног грешника и довел его до полного раскаяния. После исповеди Тараевич сам попросил, чтобы его строго наказали.

– Это будет исполнено, – отвечал апостол, – возьми его, Эмма.

– Нет, нет! Она убьет меня!

– Успокойся, сын мой, – возразил апостол, – милосердный Господь сам решит, достоин ли ты теперь же предстать у престола его.

Эмма подала сигнал двум служанкам, и те потащили несчастную жертву в следующее помещение, одну из стен которого заменяла массивная железная решетка. Тут они проворно развязали ему руки и ноги, а Каров, отворив едва заметную дверь в решетке, с быстротой молнии втолкнул Тараевича в темное углубление и снова захлопнул дверь.

Ужасная, потрясающая картина предстала взорам зрите-

лей, когда служанки зажгли факелы, прикрепленные к стенам подземелья: в глубине ниши лежали тигр и пантера, перед ними стоял Тараевич, словно христианский мученик древних времен посреди арены. Звери не двигались до тех пор, пока несчастный не испустил жалобного вопля, призывая Бога на помощь. Тогда они медленно поднялись на ноги, расправили свои могучие члены и устремили на жертву сверкающие глаза, как бы вызывая его на кровавый бой.

– Пустите меня в клетку! – приказала Эмма Карову.

Напрасно молодой человек старался удержать ее; она сама отворила дверь и вошла в клетку с револьвером в одной руке и с бичом – в другой.

– Вставайте, ленивцы, исполняйте вашу обязанность! – закричала она повелительным тоном, сопровождая свои слова ударами бича.

Кровожадные животные ошетились, оскалили зубы и злобно зарычали, колотя хвостами по полу. Сектантка снова ударила тигра бичом по спине, но тот не бросился на нее, а заревел и одним прыжком очутился возле Тараевича... Жалобные стоны, отчаянные вопли мученика и злобное рычание хищников слились в один общий, душу потрясающий рев... а Эмма, скрестив руки на груди, равнодушно смотрела на эту сцену, словно мраморная статуя богини мщения.

– Уйдите, пока еще не поздно! – умолял ее Каров.

Медленными шагами, не спуская глаз с разъяренных зверей, вышла неустрашимая героиня из клетки, где Тараевич

испускал последнее дыхание.

XLIII. Каменные сердца

Возвратясь на следующий день в Комчино, Эмма не застала там графа Солтыка: он уехал на охоту. В гостиной старуха Малютина играла с патером Глинским в шахматы. Девушка поцеловала свою мать и с холодной вежливостью поклонилась иезуиту. Она мгновенно поняла всю выгодную для нее сторону настоящего положения: обменялась быстрым, выразительным взглядом со своей матерью, шепнула несколько слов на ухо Генриетте, – и три пары женских рук дружно принялись плести сети для поимки ничего не подозревающего патера Глинского.

– Вы совсем замерзли, милые мои девочки! – воскликнула старуха. – Я пойду похлопочу, чтобы вам дали чаю.

– Позвольте мне этим распорядиться? – предложил свои услуги вежливый иезуит.

– Нет, нет, это не мужское дело! – возразила Малютина, – я предоставляю вам право оказывать этим барышням услуги другого рода, в которых они так нуждаются.

Заботливая маменька вышла из комнаты, а патер помог девушкам снять шубы и башлыки, за что гордая красавица поблагодарила его легким кивком головы.

– Нам надо переодеться, – обратилась она к своей подруге.

– Остайся здесь, я принесу все, что тебе нужно, – и покорная служанка, не дожидаясь ответа своей госпожи, выбе-

жала из комнаты.

– Страшный мороз, – заметила Эмма, садясь в кресло у камина, – я буквально окоченела.

Патер Глинский подостлал ей под ноги тигровую шкуру.

– Благодарю вас! – сказала девушка, – вежливость врага достойна восхищения.

– Я не враг ваш, – возразил иезуит, – я человек, искренне любящий графа Солтыка и желающий ему добра.

– Не думайте, что я хочу погубить его. Мы оба стремимся к одной цели, но только различными путями. Кому из нас повезет – вот в чем вопрос.

– Все преимущества на вашей стороне.

– Допустим, что так. Но к чему поведет нас вражда? Не лучше ли нам действовать общими силами? Вы, вероятно, уже убедились в том, что Аня Огинская не в состоянии обуздать бурных порывов вашего воспитанника?

– К сожалению, да.

– Так возложите эту обязанность на меня.

– Об этом надо серьезно подумать.

Генриетта принесла туфли и меховую кофточку.

– Позволь мне надеть их на тебя? – сказала она.

– Не беспокойся... Для чего же существуют на свете вежливые члены иезуитского ордена? – сказала Эмма задорным тоном светской кокетки. – Тебе надо переодеться, иначе ты захвораешь. Постарайтесь и вы выйти на минуту в соседнюю комнату, – обратилась она к своему собеседнику, когда Ген-

риетта вышла из гостиной.

Глинский повиновался. Когда он несколько минут спустя вернулся в гостиную, Эмма уже успела переменить костюм и в самой обворожительной позе сидела перед камином. Пламя ярко освещало ее белоснежную шею и распущенные густые волны золотистых волос. Но каково же было изумление иезуита, когда красавица устремила на него свои синие глаза и с приветливой улыбкой протянула ему руку. Он, не говоря ни слова, наклонился и крепко поцеловал эту изящную, как мрамор холодную руку.

– Будем же друзьями, – нежным голосом проговорила она.

– Это зависит от вас... Вы преследуете политические цели, которые могут подвергнуть графа неизбежной опасности... Отступитесь от них и тогда...

– Повторяю вам, что я не революционерка.

– Извините меня... но я имею об этом деле более точные сведения, нежели вы думаете... хотя и не принадлежу к числу ваших сообщников.

– Так это вы натравили на нас киевскую полицию?

– Нет, я только из предосторожности... сделал кое-какие указания...

– Патер Глинский! – воскликнула Эмма, грозя ему пальцем, – Не вмешивайтесь в чужие дела, если вы дорожите своей головой.

Иезуит побледнел и пролепетал чуть слышным голосом:

– Надеюсь, что вы меня не выдадите членам вашего тайн-

ственного общества?..

– Не беспокойтесь. Но и я, в свою очередь, попрошу вас не интриговать против меня.

– Даю вам честное слово.

– Откажитесь от намерения женить графа на Аниоте, сделайте меня своей союзницей... союзницей, а не орудием, – понимаете?

– Понимаю.

– Меня знобит, – продолжала Эмма, закутываясь в свою кофточку, – пожалуйста, позовите кого-нибудь снять с меня ботинки. Я простужусь, если их сейчас же не снимут.

– Позвольте мне услужить вам...

– Почему же нет, – и она протянула ему одну за другой свои маленькие ножки, а жирный патер, стоя на коленях, словно влюбленный паж, снял с нее теплые ботинки и подал туфли.

Возвратившийся с охоты граф и Генриетта были свидетелями этой комической сцены, комната огласилась их веселым смехом.

– Наш строгий проповедник превратился в услужливого кавалера! – воскликнул Солтык. – Честное слово, он ухаживает за красавицами не хуже влюбленного рыцаря! Не подозревал я в вас этого таланта, глубокоуважаемый мой наставник!

Иезуит покраснел как рак и готов был провалиться сквозь землю, но Эмма вывела его из затруднительного положения.

– Оставьте в покое патера Глинского, – сказала она графу, – я люблю его более, чем вас. Мы объяснились и поняли друг друга – ни ваши насмешки, ни ваша ревность не нарушат нашего взаимного согласия.

– А я вот назло вам буду ухаживать за мадемуазель Малутиной, – прибавил иезуит, крепко целуя руку красавицы.

– Мне надо переговорить с моим новым другом, – обратилась Эмма к Солтыку, – уйдите на минуту, оставьте нас одних, у нас есть секреты, которых вы не должны знать.

Граф и Генриетта отошли к окну.

– Что прикажете? – спросил патер.

– Согласны ли вы на мои условия?

– Вполне согласен... Через месяц вы будете графиней Солтык.

– А теперь, – прибавила Эмма, пожимая руку своего союзника, – потрудитесь занять чем-нибудь мою татап; поиграйте с ней в шахматы, а Генриетту пошлите читать молитвы.

– Положитесь на меня, – отвечал Глинский, снова целуя руку, держащую его в своих когтях, и вышел из комнаты вместе с Генриеттой.

Сектантка осталась наедине с графом, но сделала вид, что не замечает его присутствия и, протянув ножки к решетке, устремила взор на угасающее пламя камина.

– Эмма! – начал Солтык, подойдя сзади к ее креслу.

– Вы здесь, граф? – притворно удивилась красавица.

– Странный вопрос... Я так долго был с вами в разлуке...

– Фразы, – сквозь зубы процедила она.

– Вы не в духе... Уж не убежал ли от вас Тараевич?

– Из моих рук трудно вырваться.

– Что же вы с ним сделали?

Эмма улыбнулась, но эта улыбка заставила графа содрогнуться.

– Вы убили его?

Она молча кивнула головой.

– Почему же вы запретили мне присутствовать при его казни?

– Потому что вы, беспощадно истязая людей, удовлетворяете тем самым ваши кровожадные наклонности, а я убиваю человека во имя Божье, без сострадания, но и без ненависти.

– Мне бы очень хотелось взглянуть на вас, когда вы исполняете обязанность жрицы вашей секты.

– И это желание ваше бесчеловечно. Вам бы следовало родиться татарским ханом, одним из тех деспотов, которые обращалась с покорными им народами, как с животными: мужчин делали своими рабами, а женщинами наполняли гаремы. В те варварские времена барабаны обтягивали человеческой кожей, а из черепов воздвигали целые пирамиды.

– Не могу скрыть, что я полюбил вас еще сильнее, узнав, что ваши руки запятнаны человеческой кровью.

– Это чистое безумие.

– Называйте это чувство как хотите, но вы мне нравитесь в образе кровожадной тигрицы несравненно более, нежели под маской чистого, юного ангела смерти.

– Я не люблю вас до тех пор, пока вы не отречетесь от этого ужасного образа мыслей. Мне говорили, что вы воплощенный дьявол, а вы еще хуже того... У вас каменное сердце.

– Точно такое же, как и у вас, Эмма. Пора прекратить эту глупую комедию и поговорить откровенно. У нас обоих одинаковая нероновская натура, одинаковое стремление к порабощению людей и желание уничтожать их какими бы то ни было средствами, если они сопротивляются нашей власти. У нас обоих каменные сердца и, говоря откровенно, я, точно так же, как и вы, неспособен любить. Чувство, которое вы мне внушаете, не любовь в буквальном смысле этого слова. Это восхищение, смешанное с ужасом, кровавое братство, гармония душ, – одним словом, я не умею выразить вам то, что чувствую. Я нашел в вас подругу с железным характером и непоколебимой волей, способную смело бороться с небом и преисподней и бестрепетно, не склоняя головы, выдержать кару Всевышнего судии!

Эмма в первый раз в жизни слушала Солтыка с несвойственным ей замиранием сердца. Она была до такой степени поражена, что не противилась ни звуком, ни движением, когда граф в порыве необузданной страсти сжал ее в своих объятиях и покрыл ее лицо жгучими поцелуями. Глубокий вздох вырвался из ее груди, нежные ручки обвилились вокруг

его шеи, и красавица прошептала, забыв обо всем на свете:

– Твоя навеки!..

– Вы согласны сделаться моей женой?.. Позвольте мне переговорить сегодня же с вашей матерью?

– Я прошу вас об этом, граф.

– Боже, как я счастлив! – воскликнул Солтык.

Эмма вместо ответа обхватила руками красивую голову деспота и крепко прижала свои губы к его губам. Он вско-
чил на ноги и, словно пьяный, шатаясь из стороны в сторону,
вышел из комнаты.

– Что со мной? – мысленно спрашивала себя сектантка. –
Неужели я люблю этого человека?.. Нет... нет, этого не мо-
жет быть... Почему же я покоряюсь его власти?.. Не потому
ли, что он заглянул в глубину моей души, куда никто еще до
сих пор не заглядывал?.. Он открыл во мне то, чего я и сама
в себе не признавала... Он озарил сверхъестественным светом
самые потаенные глубины моего сердца... Мне казалось, что
он, как вихрь, увлекает меня в неизмеримое пространство,
что под нами зияют бездны... и мне не было страшно... толь-
ко у меня закружилась голова. Чем все это кончится?.. Боже
мой, Боже мой, не отступи от меня!

XLIV. Губительница душ

Старуха Малютина дала согласие на брак дочери с графом Солтыком, и он считал себя счастливейшим человеком в мире. Цель его была достигнута – обожаемая им девушка будет его женой.

На следующее утро Эмма уже начала полновластно распоряжаться в доме графа, где все повиновались ей беспрекословно, а влюбленный жених не спускал с нее глаз и старался предупредить ее малейшие желания.

Во время завтрака она приказала заложить сани и попросила патера Глинского проводить ее в Киев, возлагая на него обязанность известить Огинских об ее помолвке с графом. Она же намеревалась лично объявить об этом Казимиру Ядевскому.

– Вы останетесь дома в обществе татан и Генриетты, – прибавила она, обращаясь к Солтыку, – я вернусь сегодня вечером или, самое позднее, завтра утром.

Граф вздыхал, уверял, что эта разлука покажется ему целой вечностью, умолял взять его с собой, но Эмма была непреклонна, и он наконец покорился своей горькой участи. Сани уже стояли у крыльца. Он свел с лестницы свою невесту, усадил ее, заботливо укутал ей ноги пушистой медвежьей полостью и получил за это неожиданную награду: красавица протянула к нему свои прелестные губки и позволила

себя поцеловать.

– Пошел! – закричала она кучеру, и откормленные лошади помчались стрелой по белоснежной равнине.

Приехав в Киев, она рассталась с иезуитом и послала Бориса за Ядевским. Тот не замедлил явиться.

– Ваше любезное приглашение удивило меня, – начал он, – я думал, что вы уже забыли о моем существовании.

– Опять упреки! – вспылила Эмма. – Чего тебе еще нужно? Ведь ты мой и я никому не уступлю тебя.

– Ты сама не веришь словам своим.

– Разве ты разлюбил меня?

– Я?! Ты обвиняешь меня?... И это после того, как ты живешь в деревне у Солтыка!

– Вместе с моей матерью.

– И изменяешь мне на каждом шагу.

– Ты не имеешь права говорить со мною таким тоном... Я откровенно предупредила тебя, что в отношении графа преследую известную мне цель, что эта цель вскоре будет достигнута и тогда ничто уже не разлучит меня с тобою. Ты должен вполне положиться на меня даже теперь, когда я решилась на такой отважный шаг, но я вынуждена была его сделать...

– Признавайся, что ты сделала?

– Со вчерашнего дня я помолвлена с графом Солтыком.

– Эмма!

– Не прерывай меня, выслушай до конца. На мне лежит

священная обязанность. Я разыграла эту комедию для того, чтобы овладеть графом... теперь он в моих руках... но клянусь тебе, что свадьба моя с ним не состоится. Через несколько дней я уеду с ним в Бояры, где судьба его решится окончательно. Затем я вернусь в Киев и пойду с тобою под венец.

– Не верю я этой сказке! – вскричал Казимир. – Ты меня обманываешь, как говорится, отводишь глаза для того, чтобы я не помешал тебе сделаться графинею Солтык, и будешь смеяться над легковерным юношей, который любит тебя до безумия!

– Если ты не веришь моим словам, то лучше нам разойтись в разные стороны. Я вижу, что ты меня не любишь... Любовь без взаимного доверия всего лишь дым, а не священное чувство.

– Сознайся, что поверить твоей выдумке было бы чистейшим безумием.

Эмма не ожидала такой настойчивости со стороны Казимира, это заставило ее на минуту призадуматься. Мгновенно в ее голове созрел другой план. Ей надо было, во что бы то ни стало, удержать Ядевского за собой, и она решила на отчаянное средство для достижения своей цели.

– А что, если ты получишь полное доказательство моей любви? – вдруг спросила она. – Если я отдамся тебе?

Казалось, молодой человек не понял смысла ее слов: до такой степени это ошеломило его.

– Здесь я не могу принять тебя, – продолжала она, – я окружена шпионами. Но у меня есть приятельница, у которой собственный дом в одной из самых отдаленных частей города. Там я буду ждать тебя сегодня вечером – ты согласен?

Казимир бросился перед ней на колени и от волнения не мог выговорить ни слова, а только целовал ее руки.

– Придешь?

– Непременно!

– Ровно в десять часов вечера приди на улицу... – она назвала ее и описала внешний вид дома, – там встретит тебя преданный мне человек и проводит ко мне.

– Прости меня! – воскликнул юноша, прижимая ее к груди, а она краснела и улыбалась под его пламенными поцелуями.

Как только ушел Ядевский, сектантка послала Бориса за Рахилью и, когда та пришла, заперлась с ней в своей спальне.

– Сегодня ночью должен на некоторое время исчезнуть поручик Ядевский, которого ты знаешь, – сказала Эмма.

– Если обойдется без кровопролития, то я готова исполнить ваше приказание, – отвечала еврейка.

– Я назначила ему свидание. Жди его на улице около десяти часов вечера и проводи ко мне. Распорядись, чтобы твои люди были на месте до его прихода. Ядевский снимет с себя шпагу, потом начнет меня целовать, и я накину ему петлю на шею. Его свяжут, отнесут в подземелье, где он останется до

тех пор, пока я сама не освобожу его. Скажи своим людям, чтобы они не смели обращаться с ним жестоко.

– Понимаю.

Еврейка ушла домой, получив от Малютиной еще кое-какие инструкции.

Иезуит не решался ехать к Огинским, не обдумав заранее, в каких выражениях он сообщит им поразительную новость. Долго ломал он себе голову, как вдруг в голове его мелькнула мысль переговорить с Анютой, которую наверняка обрадует известие о помолвке Солтыка. Он не ошибся. Девушка бросилась ему на шею и расцеловала его, потом повела в кабинет, где сидели ее родители, и радостно объявила:

– Граф Солтык женится на Эмме Малютиной. Он отказывается от меня, потому что не смог покорить мое сердце и убедился, что я никогда не полюблю его.

На лице Огинского изобразилось изумление, а жена его начала осыпать упреками патера Глинского.

– Перестаньте, – остановила ее Анюта, – вы знаете, что я люблю Казимира Ядевского и пойду в монастырь, если вы не отдадите меня за него замуж. – Скажите графу, – обратилась она к иезуиту, – что я ему очень благодарна и надеюсь, что он останется моим другом.

Этим окончилось затруднительное объяснение, и патер Глинский откланялся. Анюта воспользовалась неожиданно сложившимися обстоятельствами для того, чтобы испросить согласие родителей на брак с Ядевским. Отец был готов усту-

пить ее просьбе, но мать была сильно заражена тем, что называется «польский гонор», и отказала наотрез. Это не обескуражило девушку, и она тотчас послала с Тарасом записку к Казимиру. Старик вернулся вечером и доложил своей барышне, что поручика Ядевского дома нет, а денщик рассказал ему, что какая-то дама назначила его барину вечером свидание.

– Наверно, Малютина! – воскликнула Анята.

– За ней надо следить, – сказал Тарас, – она теперь в Красном кабачке. Кроме того, я узнал, что сегодня была у нее Рахиль. Жаль мне господина Ядевского! Говорят, что Малютина выходит замуж за графа Солтыка.

– Пойдем, посмотрим, что делает Эмма в Красном кабачке? – предложила Анята, и полчаса спустя, переодевшись в крестьянское платье, они вышли из дома.

– Малютина поехала в кабачок на лодке и, наверно, вернется оттуда тем же путем, – заметил старик, – пойдемте и мы рекой, милая барышня.

Зима уже подходила к концу. Днепр вскрылся, погода была холодная, но ясная. Полная луна отражалась в воде, на дворе было светло, только сильный ветер вздымал на реке пенистые волны.

– Не боитесь ли вы, сударыня? – спросил Тарас.

– Я ничего не боюсь, – решительным тоном отвечала Анята, садясь в лодку вместе со своим провожатым.

– Красавица еще там, – заметил старик, увидя огонь в ок-

нах шинка, – подождем, пока она выйдет.

Минут через десять из кабачка вышла Эмма в сопровождении крестьянина, с виду похожего на рыбака, села с ним в лодку и переправилась на противоположный берег реки, не заметив, что другая лодка плывет за ними следом.

На берегу и в узком переулке, куда повернула Малютина, не было ни одного огонька – будто все вымерли. Сектантка остановилась перед домом, где Солтыку являлись тени его умерших родителей, постучалась в ворота, и они тотчас отворились. В ту же минуту Анята схватила ее за руку.

– Что вам надо? – спросила Эмма, нимало не испугавшись.

– Наконец-то я поймала тебя! – вскричала Анята. – Ты завлекла в свои сети и Солтыка и Ядевского, хочешь, я скажу, с какой целью?

– Вы с ума сошли!

– Ты говоришь, что любишь Казимира... нет, ты жаждешь его крови, хищная гиена, и с помощью своих сообщников собираешься его зарезать! Ты убила Пиктурно... отдала Таревича на съедение диким зверям... Ты точно так же убьешь Солтыка и Ядевского, если я тебе не помешаю, кровожадная жрица дьявольской секты!.. Губительница душ!

Дикий яростный вопль раненой пантеры вырвался из груди сектантки. Она выхватила из-за пояса кинжал и готова была пронзить им свою соперницу, но тут вовремя подоспел Тарас и вырвал оружие из ее рук, а она шмыгнула во двор и

захлопнула за собой калитку.

Эмма не потеряла присутствия духа и хладнокровно отдала своим сообщникам необходимые приказания. Юрий перелез через забор и побежал предостеречь Рахиль, Джике было приказано идти на встречу к Ядевскому и назначить ему свидание за городом, на первом перекрестке, по дороге в Комчино, а Табичу велено было как можно скорее оседлать лошадь. Первый успел исполнить возложенное на него поручение, но вторая еще не вышла из дома, когда сани, в которых приехал Ядевский, остановились у ворот.

– Стой! – закричал Тарас, хватая лошадь под уздцы.

– Что тут случилось? – спросил поручик.

– Нам удалось раскрыть готовящееся на вас покушение, – отвечал старик, – вас собирались зарезать в этом доме.

– Кто же?

– Малютина.

– Я едва не поплатилась жизнью за любовь мою к вам, – прибавила Анята.

– Злодейка хотела заколоть мою барышню вот этим кинжалом, но я бросился между ними, и удар достался мне... Ничего... заживет, – прибавил верный слуга.

– Возможно ли это? Неужели Эмма действительно жрица кровавой секты?! – воскликнул Казимир.

– Да, – подтвердила Анята. – Она дьявол под личиной ангела... Она завлекла вас для того, чтобы принести в жертву... и вы поверили клятвам в любви этой сектантки, руки

которой запятнаны человеческой кровью!

– Боже мой, Боже мой! – стонал Казимир, закрывая лицо руками.

– Уйдемте отсюда поскорее, – сказал Тарас, – а то мы все попадем в руки этих дьяволов.

Анюта села в сани рядом с Казимиром, а Тарас – на козлы с кучером.

– Куда прикажете? – спросил тот.

– В полицию и как можно скорее, – отвечал старик, – иначе от этой шайки губителей не останется и следа.

XLV. Побег

Эмма Малютина ужаснулась, узнав о том, что Ядевский уехал вместе с Анютой, и тотчас же послала Табича к Елене, а Джику к Сергичу, чтобы предостеречь их. Сама же она вскочила на лошадь и во весь дух помчалась по дороге в Комчино.

Ей предстояла последняя решительная борьба. Она сознавала всю опасность своего положения, видела, что хитрые уловки теперь уже бесполезны, что надо действовать не теряя ни минуты, иначе Казимир погиб для нее безвозвратно. Она спрашивала себя: действительно ли она любит этого юношу, и внутренний голос вопреки разуму и воле отвечал ей: «Да». А Солтык? Какое чувство питает она к этому человеку? Она к нему равнодушна. Ее ум, воображение, чувства увлечены этой загадочной личностью, но сердце громко говорит в пользу Казимира, быть может потому, что она сознает всю неустойчивость его характера. Он возбуждает в ней чувство нежного сострадания, а ревность и оскорбленная женская гордость превратили это чувство в бешеную страсть. Мысль о том, что Ядевский женится на Анюте Огинской, доводила ее до безумия. Странная вещь, до этой минуты она не боялась смерти, теперь же ей было жаль расстаться с жизнью, не вкусив всех ее наслаждений. До этой минуты ей были чужды радужные мечты юности, теперь же она любила,

любила впервые в жизни, любила со всем увлечением своей страстной натуры. Неужели любовь не возбудит в Ядевском чувства взаимности?

О нет! Она непременно будет его женой, разделит с ним все радости жизни и умрет вместе с ним.

Да... но прежде надо предать Солтыка в руки апостола, надо собственноручно принести его в жертву, и тогда она будет всецело принадлежать своему возлюбленному; тогда уже никакая сила не вырвет из ее рук Казимира Ядевского!

Эмма приехала в Комчино поздно ночью. В доме еще никто не спал, но все уже разошлись по своим комнатам. Старуха Малютина, узнав о случившемся в Киеве, посоветовала дочери немедленно написать письмо Ядевскому, чтобы оно, попав в руки ее врагов, окончательно сбило их с толку и хотя бы на время остановило преследование, и скрыло от них ее настоящее место пребывания. Послание это было отправлено в город с нарочным, и Эмма уже собиралась пойти в кабинет графа, как вдруг Каров и Генриетта вошли в ее комнату. Оба были бледны и расстроены, оба переодеты в крестьянское платье. Укротитель в двух словах объяснил Эмме, что вся местная полиция пришла в движение и не замедлит напасть на их след.

— Это для меня не новость, — с невозмутимым спокойствием сказала сектантка. — Бог уже помог мне вовремя предупредить всех наших друзей, и все они в настоящую минуту находятся в безопасности.

Каров с глубоким уважением взглянул на храбрую героиню и подумал: «Какое необыкновенное присутствие духа!»

– Вам лично угрожает опасность, – произнес он, – прежде всего, подумайте о себе. Все мы вместе взятые не стоим и вашего мизинца.

– Теперь нам дорог каждый час, каждая минута, – сказала Эмма, – но я не выйду из этого дома, не исполнив возложенной на меня обязанности, и нынешней же ночью отведу графа Солтыка к апостолу.

– Я в полном вашем распоряжении, – с непритворным чувством подобострастия заметил ей Каров.

– И я также, – добавила Генриетта, – приказывай, и я буду слепо повиноваться тебе.

– Будьте наготове, вы можете мне понадобиться, – приказала сектантка и пошла в кабинет к графу.

Солтык стоял у окна. Тревожный взор его был устремлен на дорогу. Он так глубоко задумался, что не слышал шагов Эммы и вздрогнул, когда она положила руку ему на плечо.

– Это вы?.. Так поздно... Я уже потерял надежду увидеть вас сегодня, – проговорил он дрожащим голосом.

– Я пришла проститься с вами, граф, и, быть может, навсегда, – сказала девушка.

– Проститься? – воскликнул Солтык. – Разве вы забыли, что нас ничто разлучить не может, что я пойду вслед за вами хоть на край света?

– Я еще не открыла вам моей тайны, и потому вы, вероят-

но, не поверите, что я принуждена сию же минуту уехать не только из вашего дома, но и из России.

– Мне не нужно никаких доказательств, никаких объяснений, – возразил граф, – вы желаете уехать... позвольте же мне сопровождать вас.

– В качестве кого, позвольте узнать?

– В качестве вашего покорного раба.

– Поймите же, что это было бы неприлично.

– Ну, так в качестве вашего мужа.

– Допустим, что я согласилась бы на это, но за какой-нибудь час вы не успеете сделать необходимых распоряжений.

– Они и не нужны, объявите только согласие на наш брак, и мой капеллан немедленно обвенчает нас.

– Извольте... я согласна.

– Вы говорите это серьезно?

– Мне шутить некогда, граф, через четверть часа я буду графиней Солтык и прямо из-под венца уеду отсюда вместе с вами.

– Эмма!.. Возможно ли это?.. Вы согласны сделаться моей женой? – воскликнул граф, бросаясь перед ней на колени.

– Да, да... только не теряйте ни одной минуты и пошлите разбудить вашего капеллана.

Солтык позвонил, сказал несколько слов своему камердинеру и снова вернулся к ногам очаровательницы.

– Как приятно быть любимой, – проговорила она, – особенно, когда сама не увлекаешься слишком сильным чув-

СТВОМ.

– Следовательно, вы и теперь не любите меня?

– Нет... но вы нравитесь мне более всех других мужчин, – и она погладила графа по голове.

– Даже более Ядевского?

– Да, – отвечала сектантка и в порыве необъяснимого чувства обвила руками шею своего нареченного жениха, и начала целовать его не так, как влюбленная женщина, а как свирепая тигрица.

– Ты меня не любишь, – лепетал граф, – но и самая твоя ненависть дороже для меня, чем любовь всех женщин в мире!

– Я и сама не знаю... быть может, я и люблю тебя. Быть может, мое желание задушить тебя в объятиях и есть настоящая любовь.

Скажи мне откровенно: ты не боишься такой любви, не страшишься погибнуть в пламенных волнах, готовых поглотить тебя?

– Нет!.. Высоси всю кровь мою до последней капли, если это доставит тебе удовольствие.

– Когда-нибудь я припомню тебе эти слова.

– Когда тебе угодно! – и граф снова прижал невесту к груди своей и целовал до тех пор, пока камердинер не пришел доложить, что все готово.

– И сани также? – спросила Эмма.

– На дворе идет снег, – отвечал старый слуга, – я приго-

товил два возка и приказал заложить каждый шестеркой лошадей.

– Ты отлично распорядился.

Эмма вышла под руку с графом в залу, где их ожидали Каров и Генриетта. Счастливым жених отправился к своей будущей теще, а невеста воспользовалась его отсутствием, чтобы отдать Генриетте некоторые приказания. Через минуту Генриетта скакала верхом в замок Окоцин к апостолу.

Вскоре вернулся Солтык, ведя под руку старуху Малютину. Шаферами были Каров и старик кастелян, бедный дворянин. Все отправились в домашнюю церковь, где состоялось бракосочетание. Потом новобрачные возвратились в кабинет графа.

– Теперь ты моя, Эмма! – воскликнул Солтык, сжимая в своих объятиях красавицу жену.

Молодая графиня не сопротивлялась и отвечала поцелуем на поцелуй. Затем она вырвалась из объятий супруга и заставила его написать письмо патеру Глинскому. В этом письме граф уведомлял воспитателя о своей женитьбе и о том, что вместе с женой он уезжает в Москву и оттуда – за границу. В заключение он умолял иезуита никому не выдавать его тайны и уверять всех и каждого, что Эмма бежала в Молдавию.

Письмо это было отправлено в Киев с конюхом. Граф и графиня сели в возок, на козлах которого сидел Табич, а старуха Малютина поместилась в другой экипаж, где лошадьми правил Каров. Никто из прислуги не знал, куда уехали гос-

пода. Оба экипажа поехали по киевской дороге, но, проехав несколько верст, свернули в сторону и помчались через Малую Казинку прямо в Окоцин.

– Счастлив ли ты? – спросила графиня у своего мужа.

– Бесконечно! – отвечал Солтык.

– Скоро ты будешь еще счастливее, – шепнула Эмма и подтвердила свое обещание поцелуем.

Во всю остальную часть путешествия новобрачные не обменялись более ни одним словом. Сияла луна, каркали вороны, предвестники смерти. Граф не замечал ничего. Жизнь расстилалась перед ним широкой дорогой – он мечтал о счастье. О чем думала графиня – покрыто мраком неизвестности...

XLVI. Радужные мечты

– Куда мы приехали? – спросил граф Солтык, высаживая жену из возка во дворе древнего замка. – Разве это имение вашей матери?

– Нет, – отвечала графиня, – мы живем в Боярах, а это полуразрушенный замок. Когда-то в нем обитала шайка разбойников. Здесь нам никто не мешает вполне наслаждаться нашим счастьем.

Они прошли в ярко освещенную галерею, по стенам которой были развешаны портреты католических епископов, польских магнатов и знатных дам прошедших веков. Здесь их встретила Генриетта Монкони. Она отвела свою повелительницу в сторону и шепнула ей на ухо несколько слов.

– Делать нечего, – обратилась сектантка к супругу, – мне надо отлучиться на несколько минут. Генриетта проводит тебя в нашу комнату и побудет с тобой до моего возвращения.

Солтык почтительно поцеловал руку своей тещи и последовал за Генриеттой по длинному коридору. Отворив тяжелую дверь, они вошли в просторную, роскошно обставленную комнату. Генриетта села у пылающего камина и с каким-то кровожадным любопытством стала рассматривать графа, между тем как он в глубокой задумчивости прохаживался взад и вперед по мягкому ковру, покрывавшему всю комнату.

– Послушайте, граф, – насмешливо улыбаясь, начала девушка, – я вижу, любовь заставляет вас забывать светские приличия.

– Извините меня, Генриетта, – ответил Солтык, – я до сих пор не могу опомниться... Мне кажется, что я вижу все это во сне...

– Да, да... Вы с нетерпением ждете той счастливой минуты, когда нога Эммы наступит на ваш аристократический затылок.

– Вы угадали.

– Неужели это сделает вас счастливым?

– Вы вряд ли поймете мои чувства, потому что сами никого не любили.

– Вы ошибаетесь, я давно уже влюблена... и знаете в кого?.. В вас...

– Перестаньте шутить!

– Я говорю совершенно серьезно. Я умоляла Эмму уступить вас мне, но она не согласилась. Вы завидная добыча!

– Что вы имеете в виду?

– Подождите, скоро вы все поймете.

– Что с вами, Генриетта? Ваши слова так двусмысленны... какие-то странные, непонятные намеки...

– Не спрашивайте меня... Наслаждайтесь вашим блаженством, упивайтесь им; но знайте, что настанет час, когда вы будете принадлежать и мне. О, как я буду неумолима, когда вы упадете к моим ногам! Как я буду радоваться, глядя

на ваши страдания!

– Неужели вы полагаете, что я изменю жене с вами?

– Нет.

– Так что же, наконец...

– Вы все узнаете со временем... Теперь я играю с вами как кошка с мышью, и это меня забавляет...

– Ребенок!

Генриетта захохотала.

– Как мало вы меня знаете! – воскликнула она. – Если бы вы могли заглянуть в мою душу, вы бы удивились, – мало того, – ужаснулись!

Между тем, Эмма вошла в комнату, где ее ожидал апостол. Она стояла перед ним, гордо подняв голову, с полным сознанием своего достоинства. От прежней покорной ученицы и кающейся грешницы не осталось и следа. Это была женщина, вполне сознающая всю силу своего могущества.

– Тебе угрожала опасность, – начал апостол, – но ты была мужественна и благоразумна. Ты вовремя предупредила наших киевских друзей, и они обязаны тебе своим спасением. Буди над тобой Божье благословение, дочь моя.

– Ты должен немедленно послать в Киев надежных людей, чтобы разузнать, что там происходит, – повелительным тоном произнесла сектантка.

– Там остался Сергич.

– Этого недостаточно. Нам надо задержать Казимира Ядевского и Аниюту Огинскую.

– Об этом я позабочусь.

На минуту в комнате воцарилась глубокая тишина, затем апостол с улыбкой взглянул на свою собеседницу и спросил:

– Ты обвенчалась с графом Солтыком?

– Да.

– И готова предать его?

– Да... только не теперь.

– Почему же?

– Потому что я люблю его... он принадлежит мне. Никто не смеет оспаривать моих прав на него... Он мой муж. Не бойся, я не намерена спасти ему жизнь и не заставлю тебя долго ждать... но я отдам тебе его только тогда, когда сама этого пожелаю.

– Ты останешься с ним здесь, в Окоцине?

– Да.

– Распоряжайся как тебе угодно.

– Благодарю тебя... Дай мне насладиться несколькими часами блаженства... Я предчувствую близкий конец – мы заключим собой вереницу наших жертв... Не избежать нам этой участи!.. Я принесу в жертву Солтыка, затем передам тебе Ядевского, а ты уступи мне Аниюту Огинскую. Я желаю наказать собственноручно эту предательницу... Обещай исполнить мою просьбу.

– Даю тебе честное слово, – ответил апостол, – я пошлю в Киев верного человека, который поймает эту птичку и отдаст ее в твое полное распоряжение.

– О, как я буду счастлива! – воскликнула Эмма; губы ее дрожали, глаза метали искры, – она станет моей рабой... я буду топтать ее ногами... я изобрету для нее такие ужасные пытки, что содрогнется сам дьявол.

– Я сделаю все необходимые распоряжения и уеду в Мешково, – сказал в заключение апостол. – Господь с тобою, дитя мое.

Раздался звонок, и Генриетта выбежала из комнаты. Минуту спустя она вернулась и повела графа в столовую, где был накрыт стол на два прибора.

– Эмма сейчас придет, – сказала она и исчезла за тяжелой портьерой. В то же мгновение отворилась другая дверь, и в комнату вошла графиня.

– Я запретила прислуге входить в столовую, – сказала она, – и потому ты будешь служить мне.

– С величайшим удовольствием! – ответил Солтык.

Долго просидели они за столом, весело болтая, как подбавляет влюбленным, и чуть слышные звуки музыки сопровождали их свадебный пир. Эмма подняла бокал, собираясь произнести тост, но счастливый супруг опередил ее и громко сказал:

– За наше будущее!

Красавица нахмурилась.

– Выпьем лучше за настоящее, – возразила она, – оно принадлежит нам... Бог знает, что ожидает нас впереди.

Они чокнулись и залпом опорожнили бокалы.

– Любишь ли ты меня? – спросила Эмма после минутного молчания.

– Тебе ли это спрашивать!

– Мне так приятно слушать твои уверения в любви.

– Я никогда не любил; ты первая овладела моим гордым сердцем.

– Теперь я пойду и сниму это платье – оно стесняет меня. Потом я пришлю за тобой Генриетту, и мы вместе будем пить чай.

Она позвонила. Мгновенно умолкли звуки музыки, и на пороге появилась Генриетта. В сопровождении покорной служанки графиня прошла в смежную комнату. Вскоре оттуда послышался легкий шорох, сопровождаемый сдержанным смехом. На дворе завывал ветер, мокрый снег хлопьями лепился в окна. Графу послышался за стеной звук поцелуев – это Генриетта целовала ноги своей повелительницы, надевая на них меховые туфли, – целовала со всею страстностью древней языческой жрицы, приносящей жертву Венере.

– Достаточно ли я хороша? – спросила Эмма, любуясь своим отражением в зеркале.

– Ты так прекрасна, что я завидую твоему мужу.

– Почему же не мне?

– Потому что в мире много таких мужчин, как граф, а женщины, подобной тебе, на свете нет. Возбудить любовь в твоём сердце – это то же самое, что оживить мраморную статую.

– Позови сюда графа, скажи, что я жду его.

– Где же она? – спросил Солтык, увидев Генриетту.

– Там, – указала девушка на одну из затворенных дверей и с гибкостью змеи шмыгнула вон из комнаты.

Граф приподнял портьеру и, ослепленный, остановился на пороге.

Перед ним открылась небольшая комната, отделанная персидскими коврами, которые покрывали все: стены, окна, двери, пол и потолок.

Это было нечто вроде шатра, освещенного слабым мерцанием красного фонаря. Там, под великолепным балдахином, на шелковых подушках, покрытых тигровой шкурой, улыбаясь, лежала Эмма, словно турецкая султанша. Распушенные волосы ее были перевиты жемчугом и украшены золотыми монетами, на руках блестели осыпанные драгоценными камнями браслеты, ноги ее были прикрыты чем-то вроде порфиры на горностаевом меху. Сердце графа замерло от волнения, когда он переступил порог этого храма; он упал на колени перед своим божеством и пролепетал:

– Какая ты красавица!

Эмма, улыбаясь, обвила его руками и прижала к своей груди. Градом посыпались жгучие, страстные поцелуи, в которых не было и тени женственности. Она впилась в свою жертву с кровожадной свирепостью тигрицы, так что граф вырвался из ее объятий и почти без чувств упал к ее ногам.

– Что с тобой? – спросила графиня.

– Ничего... Мне показалось, что ты когтями вырываешь сердце из груди моей...

Сектантка усмехнулась и, быстрым движением сбросив с ноги туфлю, наступила на голову графа. Он не сопротивлялся, а проговорил, как во сне:

– Ты для меня всё: и божество, и мир, и свобода! Поставь прелестную ножку на шею твоего невольника. О, моя повелительница!

– Чьи это стихи?

– Шатобриана.

– Поэт знал толк в любви... той истинной, беспредельной любви, которая заставляет нас забывать самих себя, всецело отдаваться любимому существу, вполне покоряться его воле и предупреждать все его желания...

Вместо ответа Солтык прижал к губам обнаженную ножку очаровательницы.

– Перестань, – сказала она, – надень на меня туфлю и веди себя благоразумно.

– Благоразумно? – повторил граф. – Ты уже давно лишила меня рассудка, но я тебе за это благодарен...

Ты даешь мне взамен минуты неизмеримого блаженства... Будем же вполне наслаждаться счастьем, которое посылает нам судьба, не стараясь угадывать, что ожидает нас в будущем.

Сектантка невольно содрогнулась, но смущение ее было кратковременным, и минуту спустя она снова целовала сво-

его мужа в бурном порыве необузданной страсти.

XLVII. Спасены!

В ту же самую ночь в Киеве произошли странные, неожиданные происшествия. По дороге в полицию Анюта сказала кучеру:

– Поверни назад! – и прибавила, обращаясь к Ядевскому, – мне нужно серьезно переговорить с вами, прежде чем вы явитесь к полицмейстеру.

– Куда же мы теперь поедем? – спросил Казимир, – к вашим родителям?

– Нет, к вам.

Четверть часа спустя сани остановились у подъезда, и Анюта шепнула Тарасу, чтобы он вошел вместе с ней в комнату. Девушка была очаровательна в своем малороссийском костюме – в синей юбке, красной безрукавке, белой вышитой рубашке и таком же переднике; на шее у нее висело несколько ниток разноцветных бус, толстая коса была украшена голубым бантом.

– Выслушайте меня, – начала она нежным голосом, – я виновата перед вами, Казимир. Если бы я тогда согласилась обвенчаться с вами, вы не попали бы в сети, расставленные Эммой Малютиной... Простите меня, вы знаете, что я боялась огорчить моих родителей.

– Я один виноват во всем и сам должен просить у вас прощения, – возразил Казимир, – мое неуместное недоверие

могло погубить нас обоих.

– Не скрою, оно оскорбило меня до глубины души. Но я не переставала любить вас и дала себе слово спасти вас во что бы то ни стало... Признайтесь откровенно... вы еще не разлюбили меня?

– Нет, нет! – воскликнул молодой человек, бросаясь перед ней на колени. – Я был ослеплен, одурманен, но не любил никого, кроме вас... Простите меня, если это возможно!

– Охотно... Знайте, что я готова следовать за вами куда угодно... Я решилась на все... Ничто в мире не разлучит нас... Встаньте же... – и она протянула ему обе руки, которые юноша покрыл страстными поцелуями.

В глубокой задумчивости Ядевский прошелся несколько раз по комнате, потом остановился перед Анютой и сказал:

– Давайте решим, что мы должны предпринять в настоящую минуту.

– Прежде всего, поедem в полицию, сударь, – вмешался в разговор Тарас, – иначе эти разбойники ускользнут из наших рук.

– Нет, нет, – перебила его Анюта, – у Эммы есть в Киеве сообщники, они убьют вас, Казимир!

– Вам угрожает такая же опасность, как и мне. Вы сорвали маску с бесчеловечной сектантки, и она наверняка отомстит вам. Прежде всего надо позаботиться о вашей личной безопасности. Я отвезу вас в Малую Казинку к моей кормилице, и вы останетесь у нее до тех пор, пока здесь все не утихнет.

Только, ради Бога, не снимайте этого крестьянского платья и не выходите из хаты.

– Извольте... я сделаю все, что вы мне посоветуете... Но что же будет с вами?.. Я умру от страха...

– Не бойтесь за меня. Злодеи сейчас так напуганы, что не посмеют совершить нового преступления... Ну что же, едем? Нам нельзя терять ни минуты.

Из соображений безопасности Ядевский попросил Тараса сесть на козлы и приказал своему кучеру остаться дома. Проехав несколько улиц, Тарас повернул к заставе и вскоре выехал на проселочную дорогу.

Поздно ночью путники добрались до Малой Казинки. Дом стоял в стороне от дороги, и был обнесен высоким забором. Старик передал вожжи барину и осторожно перелез через забор. Раздался лай собаки. Дарья высунулась в окно и спросила:

– Кто там?

– Твой молодой барин, Казимир Ядевский, – отвечал Тарас.

– Матерь Божия!.. Так поздно!.. Не случилось ли чего?.. Сейчас отворю калитку...

Через минуту явилась Дарья с фонарем в руке. Это была женщина лет сорока, свежая, румяная, высокого роста, с черными волосами и черными же глазами.

– Где же он? – спросила она.

– Не шуми, тетка, – шепнул ей Тарас, – твой барин увез

барышню, которую родители не хотели отдавать за него замуж.

– Господи, Боже мой!

– Она погостит у тебя, только ты не смей никому говорить, что она барышня; если спросят, скажи: – племянница.

– Понимаю! – отвечала Дарья, поспешно отворяя ворота.

– Здравствуй, кормилица!

– Господь с тобою, мой ненаглядный!

Старые друзья обнялись и расцеловались.

– Так это твоя суженая! – воскликнула крестьянка, когда они вошли в хату. – Какая хорошенькая да молоденькая! Девочка! Ты, должно быть, озябла, моя голубушка. Дай-ка я заварю тебе чайку. Шутка сказать, выхватили ночью из теплой постельки да и увезли, в этакий-то мороз! – причитала Дарья, раздувая самовар.

Ядевский настоял на том, чтобы Тарас остался в деревне с Анютой, а сам, напившись чаю, отправился в обратный путь. Благополучно доехав до Киева, он разбудил своего денщика и отправился вместе с ним к Эмме Малютиной. Понятно, что Эмму он не застал, дом был пуст. Оттуда он бросился в Красный кабачок, но и там не застал ни души. Сообщники сектантки успели скрыться.

У ворот своего дома Казимир увидел крестьянина с письмом в руках.

– Кто послал тебя? – спросил поручик.

– Да я и сам не знаю.

– Кто же тебе дал это письмо?

– Молодая барыня, такая красавица... Она приказала принести ответ.

– Ступай за мной в комнату.

Графиня Солтык писала Ядевскому, что она принадлежит к священной секте людей, посланных Богом для спасения душ нераскаявшихся грешников от вечных мук. До сих пор она не имела права открыть ему этой тайны и надеется, что теперь все, казавшееся ему загадочным в ее поведении, объясняется вполне. «Учение нашей секты, – писала она, – не запрещает мне сделаться твоей женой. Я люблю тебя всем сердцем; если ты разделяешь мое чувство, то последуй за мной. Жду тебя в Москве, где я теперь скрываюсь; отсюда мы вместе уедем за границу».

Ответ Казимира был следующего содержания:

«О существовании вашей секты известно представителям полицейской и судебной власти. Каждый честный человек считает своей обязанностью помогать им в преследовании кровожадных убийц, нарушающих общественное спокойствие. Время, когда я любил вас, прошло безвозвратно, но я щажу вас, полагая, что вы не более чем слепое орудие в чужих руках, а участие ваше в ужасных преступлениях – лишь болезненное заблуждение с вашей стороны. В моих глазах вы не преступница в буквальном смысле этого слова, а только жертва жестоких фанатиков. Я не намерен бежать с вами за границу, но и не стану доносить в полицию, что вы

скрываетесь в Москве. Советую вам как можно скорее уехать оттуда. Подумайте, что вас ожидает, если полиция нападет на ваш след. Казимир».

Отдав письмо крестьянину, Ядевский поехал к полицмейстеру и откровенно рассказал ему все, что знал о кровавой секте губителей. Он назвал имена некоторых ее членов и указал известные притоны злодеев, но о Малютиной не упомянул ни словом. Полицмейстер немедленно разослал своих самых надежных агентов по всем направлениям. Прежде всего, сделали обыск в Красном кабачке, но он был пуст. Только в беспорядке разбросанные по полу вещи явно доказывали, что еще недавно здесь кто-то был. Соседи показали при допросе, что еврейка, хозяйка кабачка, уплыла в лодке вниз по течению реки, – с ней были несколько человек. В уединенном домике, где графу Солтыку являлись тени его родителей, также никого не нашли.

Между тем, привлекли к допросу купца Сергича. Он с неподражаемой наивностью отвечал, что не понимает, что от него хотят полицейские чиновники, и считает вымыслом их рассказы о существовании в Киеве секты губителей.

– Мы узнали, – продолжал чиновник, – что к вам часто приходила какая-то молодая женщина, что она в вашем доме переодевалась в мужское платье и отправлялась в Красный кабачок.

– Если это уже дошло до вашего сведения, – отвечал Сергич, – то я признаюсь вам, что это была дочь моей старой

знакомой, госпожи Малютиной. Она действительно надевала мужское платье и ходила на свидания с графом Солтыком, а где происходили их любовные встречи, я не знаю.

При обыске в доме купца Сергича, точно так же, как и в пустой квартире Эммы, не было найдено ничего подозрительного. Полицмейстер был в отчаянии, тем более что ему было наверняка известно, что не все члены кровавой секты покинули Киев.

Ночью, когда Ядевский возвращался из клуба, к нему подошла нарумяненная, нарядно одетая женщина и попросила огня, чтобы закурить папиросу. В ту минуту, когда молодой человек зажигал спичку, она выхватила кинжал и ударила его в грудь. По счастью у него в кармане лежал серебряный портсигар, и это спасло его от верной смерти. Казимир выхватил шпагу и бросился вслед за женщиной, но она успела скрыться.

В ту же самую ночь двое вооруженных дубинами людей внезапно напали на полицейского, дежурившего у Красного кабачка. Но когда тот выхватил из кармана револьвер, они побежали по направлению к реке и там как сквозь землю провалились.

XLVIII. Пытка

Дни и ночи наслаждений пролетали с быстротой молнии. Эмма в объятиях мужа забывала обо всем на свете – и об угрожающей ей опасности, и о предстоящем исполнении своих кровавых обязанностей. Однажды вечером к ней в комнату постучалась Генриетта. Эмма вздрогнула, поспешно привела в порядок свои растрепанные волосы и отворила дверь.

– Ну, что новенького? – спросила она у своей наперсницы, которую апостол посылал в Киеве разведать, что и как.

– Плохи дела, – отвечала девушка, поцеловав руку своей повелительницы, – никто из наших в Киеве пока не арестован, но они блуждают там, словно дикие звери в пустыне, не зная приюта. Беда в том, что полиция вскорости нападет и на наш след... Анята Огинская бесследно исчезла, а Казимир Ядевский сделался нашим злейшим врагом.

Графиня молча устремила взор на угасающее пламя в камине.

– Приготовься к борьбе, – продолжала Генриетта, – сейчас, в минуту опасности, нужно принять какие-нибудь решительные действия, иначе мы погибли! Теперь не время для наслаждений.

– Это совершенно справедливо, – ответила сектантка, – мы сотворены не для блаженства, а для лишений, скорбей и

страданий... Скажи апостолу, что я прошу у него еще одну ночь. Завтра на рассвете я отдамся в полное его распоряжение и предам графа Солтыка в его руки.

Последняя ночь пролетела для новобрачных как один миг. На заре Эмма встала с постели, закуталась в шубу, села у камина и позвала к себе мужа.

– Что прикажешь, мой ангел? – спросил граф, вытягиваясь на медвежьей шкуре у ног красавицы.

– Пора нам очнуться от нашего опьянения, – сказала она, – мы насладились счастьем, этой мимолетной мечтой в скорбной долине слез. Приготовься к жестоким страданиям, мой милый супруг, они наше прямое назначение в этой жизни, а покоряясь им безропотно, мы идем по пути к вечному блаженству.

– Это один из догматов вашей секты, не правда ли?

– Да... Мы с тобой предавались греховным наслаждениям и должны искупить этот грех самыми ужасными страданиями и добровольной смертью.

– Не говори мне о смерти!

– Ты и не подозреваешь, что она уже стоит у тебя за спиной.

– У меня?!

– Да... Приготовься... Я жрица, а ты – жертва... После того как ты покаешься, смиришь и очистишь свое сердце, я принесу тебя в жертву Богу, как древний патриарх Авраам – своего сына Исаака.

– Ты убьешь меня?

– Да.

– Скажи, ради Бога, кто из нас двоих сошел с ума, я или ты?

– Ты в моей власти.

– Кому же ты намерена предать меня?

– Вспомни, что ты сказал мне несколько дней назад: «Упейся моей кровью, если это доставит тебе удовольствие».

Теперь я жажду крови.

– Какая жестокая шутка! – и Солтык засмеялся.

Эмма встала и придавила пальцем пуговку, скрытую за тяжелой драпировкой.

– Что ты делаешь? – спросил граф.

– Зову своих сообщников.

– Зачем?

– Я вижу, что ты не покоришься добровольно своей участи.

– И ты готова совершить насилие надо мной? Над своим мужем?! – вскричал Солтык.

– Да.

– За что же ты меня ненавидишь?

– Пойми, это любовь, а не ненависть; я желаю спасти твою душу от вечных мук.

– Но разве я не сумею защититься? Я пока на свободе и не позволю заколоть себя, как ягненка!

– Ты у меня в плену... Никто не явится к тебе на помощь.

– Змея! Не доводи меня до бешенства!

В порыве необузданной ярости граф схватил сектантку за горло и, наверно, задушил бы ее, если бы Каров не напал на него сзади и не повалил на пол. В тот же миг в комнату ворвались еще двое мужчин и с ловкостью профессиональных палачей связали графа по рукам и ногам. Несчастный устремил на предательницу полный ненависти взор, а она смотрела на него совершенно равнодушно, без малейшего сострадания.

Приподнялась тяжелая портьера, и в комнату вошел апостол.

– Вот жертва, которую я обещала предать тебе, – сказала сектантка, – возьми ее... Я свято исполнила свою миссию и жду твоих дальнейших распоряжений.

Апостол приказал отвести графа в подвал, наложить на него цепи и запереть без пищи и воды до следующего утра. В назначенный час он спустился в подземелье и начал увещевать грешника. Тот долго слушал его, не устаивая ответом, а потом, с гордостью подняв голову, сказал:

– Я попал в твои руки посредством измены и насилия, но никто на свете не принудит меня добровольно подчиниться кровавым уставам вашей варварской секты. Граф Солтык может быть великим грешником, но он никогда не был и не будет ни подлецом, ни трусом.

Апостол вышел.

– Граф чрезвычайно горд, – сказал он своим сообщни-

кам, – трудно нам будет довести его до раскаяния.

– Позволь мне укротить его, – взмолилась Генриетта.

– Нет... Опасность возрастает с каждым днем. Нам нельзя терять времени. Чтобы сломить эту надменную натуру, нужны руки посильнее твоих, девочка.

По приказанию апостола Каров и Табич, вооруженные плетью, спустились в подземелье. Час спустя укротитель зверей вернулся и доложил:

– Мы сделали все, что могли, но граф не сдастся.

Апостол грозно нахмурил брови.

– Это мы еще увидим, – проворчал он сквозь зубы и снова отправился в подвал.

– Долго ли ты будешь упрямяться? – спросил он. – Я наместник Бога на земле, твой владыка, твой судия... Становись передо мной на колени!

Солтык не шевельнулся и не произнес ни слова.

По сигналу апостола два служителя раздели графа и положили его на утыканную острыми гвоздями дубовую доску. Кровь полилась струею, но страдалец не издал ни единого звука.

– Этого мало! – вскричал грозный инквизитор, – ты одержим бесом сильнее, нежели я думал!

Он подозвал к себе Карова и шепнул несколько слов ему на ухо. Графа сняли с доски, связали ему руки веревкой и, продев ее в кольцо, ввинченное в потолок, подняли его вверх...

Тут к нему подошли Эмма и Генриетта с раскаленными железными прутьями в руках.

– Не сердись на меня, милый, – проговорила нежная супруга, заботливо отирая пот со лба мученика. – Я исполняю свой долг. Вытерпи эти временные муки, чтобы избежать мук вечных. Я должна терзать тебя до тех пор, пока ты не смиришься и не раскаешься в своих грехах. От тебя самого зависит, сколько продлится пытка. С каким-то дьявольским наслаждением нанесла Генриетта первый удар! Затем наступила очередь Эммы. Подземелье наполнилось смрадом...

Наконец страдалец испустил дикий, душу раздирающий вопль. Пытка на минуту прекратилась.

– Смирился ли ты? – спросил апостол. – Раскаиваешься ли ты в своих грехах?

– Нет, – отвечал граф.

Снова началась пытка.

– Пощадите! – воскликнул страдалец.

– Победил ли ты свою сатанинскую гордость?

– Да...

– Развяжите ему руки и ноги, – приказал палач.

Солтык стоял с опущенной на грудь головой... Кто бы узнал в нем теперь того красавца, который сводил с ума всех киевских аристократок?

– Вынужденное раскаяние менее ценно, нежели добровольное, – начал апостол, – заметь это, сын мой. Тем лучше для тебя, если ты, наконец, победил гнездящегося в твоём

сердце беса высокомерия. Подойди сюда, – прибавил он с холодным величием азиатского деспота, – упади в прах перед наместником Божиим, грешник.

После минутного колебания Солтык повиновался.

– Наклони голову к земле, чтобы я мог наступить на нее ногой.

И это приказание было исполнено.

– Я твой властелин, а ты мой раб.

Вся природная гордость проснулась в душе графа в тот миг, когда нога священника коснулась его затылка. Он вскочил на ноги и в бешенстве устремился на своего мучителя, но тот с быстротой молнии ударил его плетью по лицу. Несчастный опрокинулся навзничь и был моментально связан.

– Я вижу, ты еще не смирился! – воскликнул апостол. – Продолжайте исправлять его, чистые голубицы.

Снова зашипела человеческая плоть, снова огласился воздух неистовыми криками страдальца... Наконец его развязали, и он без чувств упал на пол. По данному апостолом знаку Каров и оба служителя вышли из комнаты. Эмма и Генриетта взяли графа под руки и подвели к креслу, где сидел апостол.

– Послушай, – обратился инквизитор к своей жертве, – терпение мое истощилось. Малейший признак сопротивления с твоей стороны повлечет за собою самые ужасные пытки... На колени!.. Ты оскорбил меня, наместника Божьего, твоего судию и повелителя, подлый раб, за это ты будешь

наказан как собака, – и он ударил графа в лицо. – Поцелуй карающую тебя руку!

Апостол встал и начал с яростью топтать ногами распротертого на полу графа. Когда же мучитель приказал ему поцеловать топтавшие его ноги, Солтык с такой непритворной покорностью исполнил это приказание, что даже Эмма содрогнулась.

«До какого уничтожения доведен этот надменный деспот?» – думала она, без малейшего сострадания глядя на человека, с которым так недавно делила минуты наслаждения.

Сектанткой овладело непонятное для нее чувство восторга, смешанного с ужасом, и чувство это было до такой степени сверхъестественно, что, когда графа снова увели в темницу, она сама припала к ногам апостола и покрыла их поцелуями.

XLIX. Последняя карта

Едва Казимир Ядевский вернулся домой, как к нему вошел патер Глинский. Как изменился за это короткое время элегантный, любезный, светский иезуит! Он постарел лет на десять. Бледное, изможденное лицо его осунулось, волосы были растрепаны, в глазах застыли безнадежное отчаяние и глубокая, сердечная скорбь. Ряса его была измята, заметно было, что он уже несколько суток не снимал ее. Он остановился посреди комнаты и устремил на молодого офицера взор, полный самой безысходной тоски.

– Мне доставляет честь... – начал Казимир.

– Разве вы не знаете, что случилось? – перебил его Глинский.

– За последнее время случилось столько неожиданных происшествий... В чем же дело?

– Я давно подозревал эту проклятую сектантку, но в решительный момент я был ослеплен, обманут самым ужасным образом... Никогда не прощу я себе этой слабости... О, мой бедный, несчастный граф!

– Скажите, что с ним случилось?

– Все это произошло с такой невероятной быстротой, что я был положительно ошеломлен, проще сказать, одурачен. Малютина – член той кровавой секты, которая приносит людей в жертву Богу. Эта губительница душ заманивает

в свои сети мужчин и женщин и предает их в руки палачей. Она очаровала графа Солтыка, возбудила в нем безумную страсть и тайно обвенчалась с ним в его имении. Теперь они оба в Москве и на днях уезжают за границу. Так сообщил мне граф.

– Эмма написала мне то же самое, – заметил Ядевский. – И вы этому верите?

Патер Глинский покачал головой.

– Нас обманули, – сказал он, – я боюсь, что сектантка завлекла графа в один из тайных притонов этой шайки разбойников!.. Быть может, в эту самую минуту его пытаются!.. – и старик громко зарыдал.

– Не отчаивайтесь, – утешал его Казимир.

– Сердце мое чует его погибель, и я не могу спасти его!

– Признаюсь вам, что мне хотелось бы спасти Эмму, потому что она подруга моего детства и я любил ее... Дайте мне слово, что вы пощадите ее, и я, быть может, наведу вас на след.

– Клянусь вам! – воскликнул иезуит. – Я ничего не предприму без вашего согласия. Скажите же мне, что вы знаете?

– Я провожал однажды Эмму в село Мешково, где она имела свидание со священником. Не увезла ли она графа туда?

– Очень может быть... В Мешкове был убит Тараевич, а неподалеку погиб Пиктурно.

– Кроме того, я не без оснований подозреваю, что члены

этой секты гнездятся в Боярах и в древнем замке Окоцине.

– Есть ли возможность накрыть и предать эту секту в руки правосудия, не погубив Малютиной?

Ядевский задумался. Два противоположных чувства бо-ролись в его сердце: жажда мести и сострадание к преступнице.

– Нет, – сказал он наконец, подавая руку патеру Глинско-му, – я не смею более колебаться, раз речь идет о спасении человеческой жизни. Я предостерегал Эмму, советовал ей бежать за границу. Если она не последовала моему совету и осталась в России, – тем хуже для нее. Жалея ее, я отчасти становлюсь ее сообщником... Поедемте сию же минуту к полицмейстеру и приложим все силы для того, чтобы вырвать графа из рук злодеев.

– Благодарю вас, – ответил иезуит, – наконец блеснул и для меня луч надежды!.. Едемте же.

Полицмейстер принял их немедленно. Внимательно вы-слушав показания Ядевского, он, не теряя ни минуты, сделал все необходимые распоряжения.

Не прошло и получаса, как были готовы три экспедиции: первая – в Мешково, вторая – в Бояры и третья – в Окоцин. И туда же поскакали гонцы от Сергича, чтобы предупредить преступников.

Глинский и Ядевский примкнули к партии, отправляв-шейся в Мешково. Она состояла из полудюжины агентов и нескольких полицейских.

Приехав в усадьбу около полудня, они долго стучались в ворота, пока наконец не появилась старая баба и ворча не отворила калитку.

– Кто тут живет? – спросил один из агентов.

– Кроме меня, здесь нет ни души, сударь, – отвечала крестьянка, – этот дом принадлежит благочестивому братству.

– Знаем мы этих разбойников.

Старуха перекрестилась.

– Что вы, что вы, батюшка, – возразила она, – эти святые люди помогают бедным, питают голодных, лечат больных, дай Бог им здоровья!

– Отопри дом, – приказал полицейский.

Команда ворвалась в комнаты, но не нашла там ничего подозрительного.

– В доме, вероятно, есть подвалы, – заметил иезуит.

– Знать не знаю, ведать не ведаю! – завопила старуха. – Есть погреб, это правда... Пойдемте, я вам покажу.

Ядевский с одним из агентов спустился вслед за бабой в погреб, а патер Глинский с помощью остальных начал осматривать полы, приподнимая ковры и звериные шкуры. В одной из комнат он обнаружил пол, обтянутый клеенкой. Это его насторожило. Клеенку содрали – под ней оказалась подъемная дверь, но без ручки, так что пришлось поднимать ее ломом.

Обыск погреба не дал никаких результатов, и Ядевский вернулся как раз в ту минуту, когда сыщики с фонарями в ру-

ках спускались в подземелье. Железная дверь была взломана. В первой комнате подвала были разбросаны по полу различные орудия пытки, затем шел целый ряд темных конур. В первой из них нашли свежую могилу, во второй – мужчину с выколотыми глазами и вырванным языком, далее – сумасшедшую женщину, почти нагую, все тело которой было покрыто рубцами и ранами. Она пела веселую песню и громко захохотала при появлении неожиданных гостей. В одной из последних конур лежал привязанный к скамье, истекающий кровью молодой человек. Несчастный рассказал, что его заманила в эту западную девушка, в которую он был влюблен, но судя по описаниям, это была не Эмма, – его возлюбленная была брюнеткой маленького роста.

Спасенных страдальцев перенесли в комнаты, затем вскрыли могилу. Патер Глинский боялся увидеть в ней своего воспитанника, но там лежал изуродованный труп женщины. Старший агент арестовал отворявшую ворота крестьянку и забрал ее с собой в Киев, оставив для охраны дома нескольких полицейских, а Глинский и Ядевский в сопровождении остальных агентов отправились в Бояры. Там, в господском доме, не нашли ничего подозрительного. Прислуга и крестьяне единогласно показали при допросе, что господа их уехали в Москву. Обыск, произведенный в Окоцине, также ничего не дал.

– Вероятно, они бежали за границу, – сказал Казимир, обращаясь к патеру.

– И я того же мнения, – отвечал иезуит, – мы сделали все, что могли... Нам остается только ожидать чего-нибудь необыкновенного, неожиданного, что озарило бы лучом света окружающий нас непроницаемый мрак.

Возвратясь в Киев, Глинский поехал к полицмейстеру и упросил его откомандировать в Москву самого опытного из своих агентов, а Казимир вернулся домой и, к величайшему удивлению, обнаружил там Генриетту Монкони. Она сидела на диване бледная, утомленная и, увидев Ядевского, с горькой усмешкой подала ему руку.

– Что привело вас сюда? – спросил он.

– Ужасные происшествия этих последних дней, желание предостеречь вас и Аниоту Огинскую, – отвечала Генриетта. – Не знаете ли вы, куда делась эта несчастная девочка? Не попала ли она в руки Эммы?

– Нет, будьте покойны... Я знаю, где она находится.

– Ну, слава Богу! Не имеете ли вы известий об Эмме?

– Она уехала в Москву и собирается бежать за границу.

– Все ложь и обман! – воскликнула Генриетта. – Я была в Комчине, когда она обвенчалась с Солтыком, и тогда же они решили, вместе ехать в Молдавию.

– Так она его еще не убила?

– За это я не ручаюсь... Эмма – просто хищный, кровавый зверь! О, как я ее любила и как я в ней ошиблась! – Генриетта закрыла лицо руками и горько заплакала. – Я верила ей, не подозревая ничего дурного. Я была ее служан-

кой, ее работой, а она беспощадно топтала меня ногами, била, истязала, и я переносила все это с примерной покорностью до тех пор, пока не узнала, что она жрица ужасной секты губителей.

– Нет ли какого-нибудь средства спасти графа?

– Я считаю его безвозвратно погибшим... Нам надо позаботиться о спасении Анюты. Я знаю наверняка, что она обречена на смерть. У Эммы везде свои люди, она найдет ее, и бедная девочка погибнет!

– Вы меня пугаете... Надо сейчас же принять все меры предосторожности.

– Увезите ее куда-нибудь подальше от Киева, лучше всего – за границу.

Не теряйте ни минуты, умоляю вас!

Генриетта простилась с Ядевским и вышла из дома; но, стоя за углом, она увидела, что он уехал на своих лошадях, а не на извозчике.

Когда кучер вернулся домой, к нему подошла хорошо одетая молодая девушка и спросила:

– Куда ты сейчас отвез поручика Ядевского?

– Не смею сказать.

– Даже за двадцать рублей?

– Ну, так и быть! Только ради Бога не выдайте меня, милая барышня! Я отвез моего барина в Малую Казинку.

Л. Жертвоприношение

Генриетта съездила в Малую Казинку, разузнала все, что ей требовалось, и с радостной вестью вернулась в Окоцин. Эмма была в восторге.

– Теперь эта девчонка от меня не уйдет! – воскликнула она. – Как я тебе благодарна за эту услугу, моя милочка! – и она крепко поцеловала свою наперсницу.

– Этого еще не все, – сказала Генриетта. – Анюта послужит приманкой для поимки Ядевского. Ты так изобретательна, придумай план и поручи мне его исполнение.

– Прежде всего, мы принесем в жертву Солтыка, а потом уже займемся новым предприятием.

– Это совершенно справедливо, – прибавил неожиданно появившийся на пороге апостол, – нам нельзя медлить, опасность возрастает с каждой минутой. Я пригласил всех членов нашей общины на братскую трапезу, после которой будет совершено жертвоприношение... быть может, последнее... Затем все могут разойтись, куда им будет угодно, я же останусь здесь до конца.

– И я! И я! – в один голос вскричали обе сектантки.

– Солтык должен умереть, – начала Эмма после непродолжительной паузы, – я готова принести его в жертву, но позволь мне еще раз поговорить с ним.

– Приготовь его, если ты считаешь это необходимым, но

через час приведи его в храм. Я буду ожидать вас обоих у престола Всевышнего.

Да благословит тебя Господь, дочь моя, – прибавил апостол и вышел из комнаты.

Графиня поспешно надела свой самый роскошный наряд и спустилась в темницу, где томился, лежа на соломе, ее несчастный муж.

– Это ты? – воскликнул Солтык, с изумлением глядя на неожиданную гостью. – Ты пришла сюда для того, чтобы издеваться надо мной, быть может, ты изобрела какую-нибудь новую пытку?

– Нет, ты уже много страдал.

– Не обманывай меня, это было бы слишком бесчеловечно... Неужели ты пришла объявить мне, что страдания мои прекратятся и что мне возвратят свободу?

– И то, и другое, но не в том смысле, как ты думаешь. Через час ты должен умереть.

– Умереть?! Так вот она, твоя любовь!

– Я принесу тебя в жертву, потому что люблю тебя и не вижу другого пути для спасения твоей души. Приготовься, милый, я выпросила для тебя еще один час жизни, и этот час принадлежит нам!

– И ничто не спасет меня от смерти?

– Ничто. Я сама убью тебя и полагаю, что это усладит твои последние минуты.

– Изволь... Я покоряюсь своей судьбе и предаю себя в

твои руки!

Эмма сняла цепи с рук и ног графа и повела его наверх, где их ожидали двое юношей в белых одеждах с венками на головах.

– Следуй за ними, – сказала она несчастному страдальцу. – Не бойся ничего, – прибавила она, увидев недоверие на лице графа, – поверь, я не обману тебя в такую решительную минуту.

Юноши привели графа в богато убранную комнату, где была приготовлена для него ванна. Они омыли его раны, намазали тело ароматическими эссенциями, надели на него длинную белую одежду – нечто вроде греческой туники, – опоясали его золотым поясом и возложили на голову венок из свежих роз. Потом они проводили графа в роскошную залу, где его ожидала супруга. Эмма лежала на кушетке, покрытой тигровой шкурой; загадочная улыбка играла на ее губах.

– Красавец! – прошептала она, протягивая к нему руки.

Солтык упал к ногам жены, а она обвила его шею своими нежными ручками, поцеловала его в голову и спросила:

– Счастлив ли ты, возлюбленный мой?

– О, дай мне вполне насладиться этими последними мгновениями счастья! – воскликнул граф. – Потом убей меня, и я умру, благословляя твое имя... Смерть от твоей руки будет для меня блаженством!

Вместо ответа сектантка прижала мужа к груди...

– Не пора ли? – спросил Солтык после довольно продолжительной паузы.

Эмма молча кивнула головой.

– Обещай, что именно ты принесешь меня в жертву.

– Клянусь, мой возлюбленный. Скажу тебе больше... я сама вскоре последую за тобой в могилу... Я вырвусь из этой юдоли скорби, плача и греха, чтобы переселиться в жилище света... Клянусь тебе именем Бога Всеведущего и Всемогущего! – и сектантка торжественно простерла руки к небу.

В эту минуту раздался звонок. Палач требовал свою жертву...

Огромная зала с мраморными колоннами, где в былое время веселилась и танцевала беззаботная молодежь, была превращена сектантами в молельню.

Голубые шелковые занавеси, усеянные серебряными звездами, покрывали стены и окна. В люстрах и высоких подсвечниках горели восковые свечи, у одной из стен стояло большое распятие, перед ним возвышался алтарь, а немного пониже устроено было нечто вроде языческого жертвенника – большой продолговатый камень, покрытый сосновыми ветками и окруженный экзотическими растениями и цветами. Посреди залы был накрыт стол в форме подковы, весь заставленный золотой и серебряной посудой. Вокруг него стояли старинные стулья с высокими спинками и между ними, на возвышении, кресло для апостола.

Старуха Малютина распоряжалась служителями, как бы

разыгрывая роль хозяйки. Когда кушанья и напитки были расставлены на столе, она подала знак, и за стенами раздались звуки литавр. Двери отворились. Члены общины в белых одеждах с красными кушаками, венками на головах и пальмовыми ветвями в руках попарно вошли в залу и стали на колени вокруг стола. Потом отворились другие двери, и вошел апостол в сопровождении целой вереницы юношей, из которых одни играли на флейтах, другие несли в руках Библию, крест и дымящиеся кадила. Грозный инквизитор был в роскошной, вышитой золотом белой шелковой одежде, отороченной собольим мехом, а на голове у него возвышалось нечто вроде папской тиары, украшенной драгоценными камнями. Благословив братьев и сестер, он занял свое место за столом, приглашая остальных последовать его примеру.

– Возлюбленные братья и сестры, – начал апостол кротким, мягким голосом, – быть может, это последнее наше свидание на земле. Вознесем же все помыслы наши к Богу и Его Предвечному Сыну, умершему на кресте за грехи наши. Произнесем здесь торжественную клятву последовать Его высокому примеру и добровольно, безропотно принести в жертву свою жизнь, когда настанет наш час.

К апостолу подошли два мальчика: один из них держал поднос, на котором лежал круглый белый хлеб, в руках у другого был старинный серебряный кубок, наполненный красным вином.

– Во имя Господа Иисуса Христа, – продолжал апостол,

преломляя хлеб и выпивая глоток вина, – вкусите, братия, тело и кровь Господню.

Все члены общины поочередно пили вино и закусывали хлебом, между тем как невидимый хор пел хвалебный гимн. Затем апостол благословил стоящие на столе кушанья и напитки и прибавил:

– Вкусите, возлюбленные братия и сестры, от сей предлагаемой вам во имя Господа трапезы.

Тут начался самый обыкновенный пир, сопровождаемый смехом, шутками и обильными возлияниями. За стенами залы раздавалась веселая музыка; казалось, что никто из присутствующих не помышляет о предстоящем кровавом жертвоприношении.

Наконец апостол встал из-за стола, а за ним – и все остальное общество. Братья и сестры стали в ряд по обе стороны алтаря. Стол вынесли из залы, и в нее ворвалась целая ватага вакханок. Впереди всех шли девушки в вызолоченных сандалиях, белых одеждах и с венками на головах: одни из них играли на флейтах, другие – на цимбалах. За ними следовали девушки с тигровыми шкурами на плечах и с жезлами в руках – они пели и приплясывали, дальше – босоногие бичевальщицы в одеждах из звериных шкур, подпоясанных красными поясами, и, наконец, жрицы с Генриеттой во главе. На них были белые шелковые одежды, отделанные горностаем, а волосы их украшали белые лилии. Все они были вооружены жертвенными ножами. Посреди них шел Солтык.

Эмма шла сзади, отдельно от других. На плечи ее была накинута царская порфира, на гордо вскинутой голове красовалась осыпанная драгоценными камнями золотая тиара.

Почти все девушки были прелестны – на устах их играли улыбки, но в глазах каждой светился недобрый огонек. Только одна Эмма выступала медленными шагами, с гордым величием и суровой осанкой древней жрицы, словно мраморная статуя. Апостол подошел к алтарю и начал громко молиться, прося Всевышнего милостиво принять кровь приносимого в жертву и простить ему его грехи. Потом он благословил жертву, а братья и сестры общины, стоя на коленях и колотя себя в грудь, затянули жертвенный гимн. Когда они в один голос троекратно повторили «аминь», жрица приблизилась к жертвеннику и подала сигнал. Раздались звуки музыки и снова началась дикая пляска вакханок.

В ту же самую минуту четыре красавицы в одеждах из звериных шкур осторожно, по-кошачьи, сзади подкрались к Солтыку, с громким восклицанием бросились на него и опрокинули на пол... В одно мгновение он был связан по рукам и ногам и уложен на жертвенник.

– Помилосердствуйте! – стонал несчастный мученик.

– Бог милосерден, – торжественно произнесла Эмма, засучивая рукава своей одежды. В руке ее блистал жертвенный нож, порфира широкими складками ниспадала до полу – казалось, что жрица стояла вся залитая алой кровью. Вокруг жертвенника продолжалась адская пляска вакханок с жезла-

ми, бичами и ножами в руках.

Эмма наклонилась над своим возлюбленным, нежно обняла его за шею, поцеловала в губы и в то же самое мгновение нанесла ему первый удар в грудь. Кровь брызнула... трепещущая жертва испустила жалобный вопль, между тем как юные сектантки оглашали воздух дикими криками, словно фурии, опьяненные запахом человеческой крови.

LI. На кресте

Рано утром лакей разбудил патера Глинского и доложил, что еврей, служивший тому в качестве шпиона, желает сообщить очень важное известие. Через минуту отворилась дверь, и в комнату вошел человек в долгополом кафтане.

– Я напал на хороший след, – проговорил он, раболепно кланяясь чуть не до земли, – только вчера получил я известие, что Рахиль, хозяйка Красного кабачка, скрывается в Ромшино, в имении господина Монкони.

– Может ли это быть?

– Почему же нет? Барышня Монкони очень дружна с барышней Малютиной и, вероятно, уже поступила в секту.

– Это правда... Но признается ли Рахиль, если нам удастся ее поймать?

– О, это хитрая бабенка! Но она боится крови и потому не участвовала в убийствах, – она оказывала секте услуги другого рода. Быть может, она и сознается, а если не захочет, так мы силой заставим ее говорить.

Патер Глинский поехал в полицию и оттуда – к Ядевскому. Потом, вместе с полицейскими агентами они отправились в Ромшино. Из предосторожности они остановились в лесу, не доезжая до усадьбы, незаметно оцепили господский дом и тогда уже постучались в ворота. Навстречу к ним выбежал кастелян, весь бледный, и поклялся, что в доме нико-

го нет.

Иезуит вошел вместе с агентами в дом, а Ядевский остался на карауле у ворот. Вдруг из сада донесся громкий, отчаянный крик. Кто-то – по всей вероятности женщина – ругался, умолял о пощаде и ревел во все горло. Не прошло и минуты, как двое агентов притащили молодую хорошенькую крестьянку, собирающуюся перелезть через забор.

– Пустите меня!.. Я деревенская девушка! – вопила пленница.

– Как бы не так! – усмехнулся один из агентов. – Я давно знаю тебя, Рахиль Басси! – и резким движением он сорвал с ее головы красный платок.

Еврейка упала на колени и закричала во весь голос:

– Я ничего не знаю!.. Я не виновата!

– Это мы увидим, – возразил полицейский чиновник. – Марш вперед!

Рахиль привели в комнату, где сидел патер Глинский с остальными агентами.

– Признавайся, что заставило тебя скрываться в здешней усадьбе? – начал старший агент.

– Я не сделала ничего дурного!.. Как Бог свят, ничего!

– Замолчи, разбойница, душегубка!

– Я никогда не проливала человеческой крови... В этом я неповинна.

– Говори, где твои сообщники?

– У меня нет сообщников!.. Я не преступница... Убей ме-

ня Бог на этом самом месте! Не возьму я такого греха на душу!

– А знаешь ли ты барышню Малютину?

– Знаю.

– Приходила ли она в Красный кабачок?

– Приходила.

– Зачем?

– Встречаться с господами.

– С Пиктурно и графом Солтыком?

– Кажется, да.

– Знала ли ты, что Малютина сектантка?

– Боже меня сохрани! Я этого и не подозревала!

– Ты лжешь, негодная! Тебе известно, что к этой секте принадлежит и Генриетта Монкони. Ты знаешь, где скрываются твои гнусные сообщники. Признавайся!

– Ничего я не знаю и не ведаю!

– Не хочешь признаваться? Ну, так мы тебя заставим! У нас для этого есть отличные средства.

– Пощадите! – воскликнула еврейка, падая на колени. – Я ничего не знаю!

– Перестань реветь! – пригрозил чиновник. – Кнут развяжет тебе язык!.. Позвать сюда пару здоровых баб с кнутами!

– Сжальтесь! – умоляла трепещущая от страха Рахиль. – Ведь я женщина... Неужели вы будете пороть меня?

– Не мы, а бабы.

– Нет, нет!.. Я не позволю!

– Тем скорее ты признаешься.

В комнату вошли две плотные, краснощекие, деревенские бабы с кнутами и веревками в руках. Увидя еврейку, они злобно оскалили зубы.

– Вяжите ее! – скомандовал чиновник.

– Сжальтесь, пощадите!

Несмотря на упорное сопротивление, Рахиль была моментально связана проворными бабами.

– Прикажете начинать? – злобно усмехнулись они, обращаясь к агенту.

– Валяйте!

На обнаженную спину еврейки градом посыпались удары.

– Довольно!.. Довольно!.. Я все скажу... Развяжите меня! – кричала злополучная дочь Авраама.

– Еще пять ударов для окончательного усмирения, – приказал чиновник.

Снова поднялись кнуты, снова заорала еврейка, но вопли ее не тронули никого из присутствующих. Рахиль призналась во всем: в своих сношениях с апостолом секты и с Эммой Малютиной, в убийстве Пиктурно и во многих других, до сих пор нераскрытых преступлениях. Она сообщила, что сектанты имеют убежища в Красном кабачке, в Мешкове и в Окоцине, и прибавила, что Эмма завлекала графа Солтыка с намерением принести его в жертву.

– Куда она его увезла?

– Не могу знать.

– Эй, бабы, принимайтесь за дело!

– Пощадите! Право я не знаю, где граф, в Мешкове или в Окоцине.

Посоветовавшись с патером Глинским, агент прекратил допрос и поспешил возвратиться в Киев, увозя с собою Рахиль.

Между тем, весть об аресте Рахили распространилась по деревне с быстротой молнии, и Юрий стрелой полетел известить об этом Сергича, а тот, не медля, отправился в Окоцин. В замке он застал только апостола, Эмму, Генриетту, Карова и Табича. Остальные сектанты разбежались: кто – в Галицию, кто – в Молдавию.

– Бегите! Скрывайтесь как можно скорее! – еще с порога закричал Сергич.

– Что случилось? – спросил апостол.

– Полиция схватила Рахиль, и она под кнутом выдала всех нас с головой... Часа через два сыщики будут здесь... Спасайтесь, пока еще не поздно.

– Я никого не удерживаю, – с невозмутимым хладнокровием произнес апостол, – сам же останусь тут.

– И мы также! – в один голос вскричали Эмма, Генриетта и Каров.

– Как хотите, – грустно улыбнулся апостол, – быть может, вы мне еще понадобятся. Ты, Сергич, поезжай в Яссы и стань во главе нашей секты, пока вы не выберете другого апостола.

Да благословит тебя Господь!.. Теперь оставьте меня, я позову вас, когда будет нужно.

Все вышли из комнаты, а Сергич немедленно отправился по дороге на юг. Прошло несколько минут боязливого ожидания, затем апостол позвал к себе Эмму; Генриетта молилась и плакала, стоя на коленях.

Войдя в комнату, графиня Солтык упала к ногам своего учителя и покорно склонила голову.

– Настал всему конец, – начал апостол, – мы побеждены, и нам остается только умереть. Я покажу вам пример.

– Ты покидаешь нас! – воскликнула Эмма.

– Не могу же я живым отдаться в руки врагов наших, врагов Божьих, чтобы окончить жизнь в снежных пустынях Сибири. Я избираю путь истинный, который приведет меня в царство небесное. Смерть моя образумит неверующих, укрепит колеблющихся и воодушевит равнодушных. Это решено. Не старайся меня отговорить. Не сокрушайся обо мне, а пожалей тех, которых я оставляю в этой юдоли греха и скорби.

– Да будет воля твоя, – ответила сектантка, – но я клянусь отомстить за тебя твоим врагам!

– Не говори о мести, дочь моя, – это злобное чувство неуместно Богу. Из любви к ближнему наказывай грешников, оскорбляющих Божие величие и преследующих Его верных рабов. Веди этих глухих, слепых, заблуждающихся по пути к царствию небесному, вырви их души из когтей сатаны.

– Я буду следовать твоей воле до последнего издыхания и

исполнять с Божьей помощью возложенную на меня миссию.

– Буди над тобою мое благословение, – продолжал апостол. – Знай, что я надеюсь на твою помощь в этот скорбный для меня час.

– Ты приказываешь мне убить тебя? – в ужасе воскликнула сектантка. – Нет!.. Нет!.. Требуй от меня всего, чего угодно, только не этого!

Кроткая улыбка озарила бледное лицо апостола.

– Жизнь и смерть наша в руках Божьих, – отвечал он, – я требую от тебя беспрекословного повиновения. Исполнишь ли ты то, что я тебе прикажу?

– Исполню.

– Позови сюда оставшихся членов нашей общины.

Эмма вышла из комнаты. Апостол простерся на полу у подножия распятия и начал усердно молиться. Затем, услышав шорох шагов, он встал, подозвал к себе Табича и шепнул несколько слов ему на ухо. Старик содрогнулся и побледнел, но немедленно вышел из комнаты, а апостол в сопровождении своих духовных детей отправился в молельню.

Полчаса спустя Табич вернулся, неся в руках огромный деревянный крест. Положив его на пол, он вынул из мешка молоток и гвозди. Все присутствующие в ужасе следили за этими зловещими приготовлениями.

– Да будет воля Твоя! – набожно произнес апостол, осеняя себя крестным знамением. – Распните меня!

Эмма и Генриетта в слезах бросились к его ногам.

– Мужайтесь, дети мои, не покидайте меня в эту трудную минуту... Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, – и он распротерся на кресте. – Эмма, ты вобьешь первый гвоздь в мою правую руку.

Молодая женщина машинально, словно автомат, исполнила это ужасное приказание. Апостол улыбался.

– Теперь ты, Генриетта, – в левую, – прибавил он.

Эта жестокосердная девушка, до сих пор хладнокровно смотревшая на страдания ближнего, неловко ударила молотком, потому что слезы застилали ей глаза, и раздробила сустав добровольного мученика.

– Ты сделала это нечаянно. На все есть Божия воля.

Генриетта собралась с духом и сразу вколотила гвоздь.

– Ты, Каров, пригвоздишь мои ноги. Помоги ему, Эмма.

Графиня придержала ноги страдальца, и укротитель одним ударом всадил в них огромный гвоздь.

– Теперь поднимите крест и поставьте его к стене; я желаю умереть так, как Господь наш Иисус Христос.

Приказание было исполнено. Апостол казался спокойным, только дрожание губ изобличало его страдания. Так прошел час.

– Пора вам удалиться отсюда, мои возлюбленные, – произнес страдалец.

– Я останусь с тобой, пока ты жив, – возразила Эмма.

– На тебя возложены священные обязанности, дочь моя.

Беги, пока еще можно скрыться.

Графиня стояла в недоумении и вдруг воскликнула, как бы осененная свыше:

– Господь повелевает мне прекратить твои тяжкие страдания, и я готова ему повиноваться.

– Буди во всем воля Божия, – подтвердил мученик.

Эмма схватила лежащий на алтаре жертвенный нож, поднялась по ступенькам, обняла рукою голову апостола и прикоснулась губами к его бледным губам.

– Гряди в царствие Божие, – прошептала она, – я вскоре последую за тобой! – и с этими словами она вонзила нож в сердце своего наставника.

Медленно склонилась на грудь голова апостола, улыбка блаженства застыла на устах его...

– Свершилось! – торжественным тоном произнесла жрица. – Да падет кровь мученика на врагов его!

ЛII. Пред лицом праведного Судии

– Куда же нам ехать? Где скрыться от преследования врагов? – спрашивала Генриетта. – Не лучше ли последовать примеру апостола и умереть здесь?

– По крайней мере, умрем все вместе, – отозвался Каров, которым овладела сильная жажда смерти.

– Нет, – возразила Эмма, временно принявшая в свои руки бразды правления, – на нас лежит еще одна священная обязанность: мы должны поймать и принести в жертву Казимира Ядевского и Анюту Огинскую. Мне знакомо в этом замке одно место, где нас не найдет ни один сыщик. Прежде чем бежать отсюда, мы должны перерезать наших пленников. Приведите их всех из подземелья в молельню.

Час спустя все пленники, числом двадцать один, мужчины и женщины, молодые и старые, были собраны в языческом капище, где немедленно началась резня в буквальном смысле этого слова. Напрасно несчастные молили о пощаде. Табич и Каров связывали их и клали на жертвенник, а Эмма с Генриеттой закалывали – с кровожадной свирепостью адских фурий. Ножи так и сверкали в их руках; ноздри их раздувались, глаза горели, как раскаленные уголья, губы дрожали. Опьяненные запахом человеческой крови, они громко запели какой-то гимн. Эта дикая песня сливалась с жалобными стонами и душераздирающими криками умирающих.

То была ужасная, потрясающая картина.

Наконец бойня прекратилась. Последняя жертва испустила дух, жрицы вымыли свои окровавленные руки и переоделись в крестьянские платья. Эмма с факелом в руках повела своих сообщников через подземные проходы, известные только ей и апостолу. После целого часа ходьбы добрались они до углубления, из которого, казалось, не было никакого выхода. Тут жрица указала им камень в стене, мужчины общими усилиями сдвинули его с места и перед ними открылся проход, такой узкий что они вынуждены были пробираться чуть не ползком. Эти темные подземные ходы, существовавшие со времен татарских набегов, были частью прорыты в земле, а частью прорублены в скалах. Таким образом дошли они до выхода, скрытого под каменной плитой, и очутились на склоне горы посреди дремучего леса. С этой крутизны взорам сектантов открылась вся окрестность – вдали блеснул купол деревенской церкви в Малой Казинке.

Табича тотчас послали разузнать, что делается в замке, и он вскоре принес известие, что дом окружен жандармами, но дорога в лес пока свободна. Беглецы воспользовались этим и сквозь чащу леса добрались до небольшого, с трех сторон окруженного болотом полуострова. Посреди него торчала едва заметная скала. Это убежище было известно только Эмме и ее матери, успевшей бежать в Молдавию. Вход в пещеру был скрыт кустарником и зарослями дикого хмеля. Узкий, прорубленный в скале коридор вел в два доволь-

но обширных помещения, пол и стены которых были обтянуты коврами. Постели состояли из тюфяков, покрытых звериными шкурами; для освещения с потолка спускались фонари, а воздух проходил сквозь проделанные в скале отверстия. В углублениях лежали необходимые для беглецов съестные припасы, которые старуха Малютина заблаговременно отнесла в это убежище. Так что здесь можно было выдержать довольно продолжительную осаду.

Отдохнув и перекусив, Табич по приказанию Эммы снова отправился в деревню. Там, в шинке, он нашел мальчишку-подростка, который за два рубля и стаканчик водки согласился передать Казимиру Ядевскому устное поручение.

– Хорошо ли ты понял то, что я тебе сказал? – спросил Табич у мальчика, когда тот садился на лошадь.

– Отлично понял, барин, – отвечал шустрый мальчуган. – Я скажу офицеру, что барышня, которая живет у его кормилицы, просит его приехать повидаться с ней, но не в дом Дарьи, а сюда, в шинок.

– Молодец! – похвалил его Табич, и мальчишка ускакал. Сыщики, не найдя никого в Окоцине, оставили там несколько жандармов и вернулись в Киев. Наступила ночь, в лесу водворилась глубокая тишина, только голодная волчица, сверкая глазами, рыскала взад и вперед, ища добычи. Успокоенные беглецы заснули крепким сном в своем надежном убежище, но на следующий день первый луч солнца застал Эмму уже на ногах.

Между тем, посланный Табичем мальчишка благополучно добрался до Киева, разбудил Ядевского, передал ему мнимое поручение Анюты и тотчас же помчался в Малую Казинку.

– Эй, тетка Дарья, вставай! – постучался он в окно хаты. – Твой барин приказал передать, что он сейчас приедет сюда, только не к тебе в хату, а в шинок, – прибавил он, когда хозяйка высунулась в окно.

Дарья удивилась и поспешила разбудить Анюту.

– Барышня, посылали вы кого-нибудь к своему жениху? – спросила она.

– Нет, не посылала.

– Тут приехал от него паренек... Подите, поговорите с ним.

Анюта испугалась – недоброе предчувствие шевельнулось в ее сердце.

– Кто прислал тебя? – спросила она мальчика.

– Офицер Ядевский.

– Зачем же ты к нему ездил?

– Вы сами послали меня туда, барышня. Вчера вечером вы послали мужика в наше село, я подрядился с ним за два рубля и поехал в город.

– Я и не думала посылать тебя к Ядевскому! Расскажи мне все по порядку?

Выслушав рассказ мальчика, Анюта поняла, что Казимиру угрожает опасность. По всей вероятности, Эмма замани-

вала молодого человека в Казинку с намерением погубить его.

– Беги, буди всех соседей, – приказала она мальчику, – пусть они соберутся здесь перед хатой, да как можно скорее!

Дарья разбудила Тараса и велела ему оседлать лошадь для Анюты.

Между тем Казимир приехал еще до рассвета в Малую Казинку и отправился в шинок. Но лишь только он переступил его порог, как Табич и Каров схватили его, а Генриетта проворно накинула ему на шею петлю. Через мгновение он, связанный по рукам и ногам, стоял на коленях посреди комнаты, а перед ним на деревянной скамейке сидела Эмма.

– Наконец-то ты попался в мои руки! – воскликнула она и приказала своим сообщникам выйти вон.

– Что же ты молчишь? – продолжала она. – Разве ты разлюбил меня?.. Тем хуже для тебя... Теперь я свободна и готова стать твоей женой... Насладившись счастьем супружеской жизни, мы принесем себя в жертву Богу и умрем вместе.

– Ты можешь убить меня, – ответил Казимир, – но я никогда не буду твоим мужем, потому что ты убийца и руки твои залиты человеческой кровью. Было время, когда я любил тебя, а теперь ты не внушаешь мне ничего, кроме ужаса и отвращения.

– В таком случае я принесу в жертву и тебя, и Анюту в отмщение за смерть праведника, которого вы погубили.

– Мы ни в чем не виноваты. А тебя, преступницу, рано или поздно постигнет Божья кара.

– Это мы еще увидим! Теперь ты в моей власти, а через несколько минут к тебе присоединится Аня. Я придумаю для вас небывалые пытки. Не жди от меня пощады!

– Этим ты меня не напугаешь. Моя жизнь в руках Божьих... Я готов умереть, если это Ему угодно.

Эмма захохотала. Этот холодный, свирепый, сатанинский смех заставил Казимира содрогнуться.

– Посмотрим, так ли ты заговоришь под пыткой! – надменно воскликнула она. – Аня будет свидетельницей, как ты будешь валяться у моих ног и умолять о пощаде, а я оттолкну тебя, как подлого раба, и прикажу казнить!

– Пытай, казни меня, проклятая, но я никогда перед тобой не унижусь!

Я презираю тебя и твои угрозы!

Эмма схватила уже в руки плеть, как вдруг в комнату ворвалась Генриетта и закричала:

– Беги! Беги! Сюда едет верхом Аня и с ней целая толпа вооруженных крестьян!

Сектантка побледнела как смерть, но не потеряла присутствие духа.

– Спасайтесь вы, – возразила она, – на вас лежит обязанность продолжать наш священный подвиг, а я останусь здесь.

– И я с тобой! – воскликнула Генриетта.

– Я приказываю тебе бежать не медля.

Генриетта, рыдая, поцеловала руку своей госпожи, вышла из шинка, вскочила на лошадь Ядевского и ускакала. Каров и Табич пробрались через сад и мгновенно скрылись в лесной чаще, а Эмма с револьвером в руке хладнокровно ожидала приезда Анюты Огинской и ее спутников.

С улицы донеслись голоса, конский топот и через минуту в комнату вошла Аня вместе с Тарасом. В руках у обоих были пистолеты.

– Сдавайся! – вскричала она. – Шинок окружен моими людьми, они не выпустят тебя отсюда... Ты в ловушке!

– Я ждала тебя, – ответила сектантка, гордо вскинув голову, – нам надо свести старые счета. Именем Бога Всемогущего я буду судить тебя и вот этого, – она презрительно указала на Казимира.

– Не оскорбляй имени Божьего, преступница, убийца, кровожадная сектантка!

– Бог решит, которая из нас должна умереть.

– Я согласна, – сказала Аня, – обе мы стоим перед лицом праведного судии, Его святая воля.

Самодовольная улыбка озарила гордое лицо душегубки, между тем как Аня мысленно читала молитву. Соперницы стояли одна против другой, и обе одновременно подняли пистолеты. Разом грянули два выстрела, и Эмма, залитая кровью, опрокинулась навзничь.

– Умерла? – дрожащим голосом спросила Аня.

– Суд Божий... – пролепетал Тарас, наклоняясь к безжиз-

ненному телу сектантки.

Анюта упала на колени и со слезами простерла руки к небу. Потом она выхватила из-за пояса кинжал, перерезала веревки, которыми был связан Ядевский, и, рыдая, бросилась к нему на шею.

В ту же самую минуту в комнату ворвалась Дарья.

– Голубчик мой ненаглядный! – воскликнула она. – Тебя спас Господь Бог и вот этот ангел!

Запряженные сани стояли уже у крыльца, и два часа спустя Казимир привез свою возлюбленную в дом ее родителей. Обливаясь радостными слезами, старики прижали к груди своих детей, призывая на них благословение Божие.

В Малой Казинке, на том месте, где стоял шинок, воздвигнута часовня во имя Пресвятой Богородицы. Там ежегодно молодые Ядевские присутствуют на панихиде за упокоение души безвременно погибшей Эммы и благодарят Бога, спасшего их жизнь таким чудесным образом.

Пинчев и Минчев

Из окон отрепанного, довольно таки неопрятного, дома купца Маркуса Иоллеса, неслись беспорядочные взвизгиванья и завыванья, неслись и терялись в царившей вокруг вечерней тишине, воздух которой до степени снотворности был пропитан ароматом роз и кустов малины. В этих взвизгах, в этих завываниях трудно было бы отличить звуки инструментов и человеческих голосов – до такой степени вместе взятые они являли собою невозможный хаос в роде того, который слышится на какой-нибудь галицийской ярмарочной площади.

Две скрипки визжали так пронзительно и бестолково, словно то были бедняк-еврей, и еще того более бедняк-мужиченко, спорящие и торгующиеся из-за пары старых башмаков с ожесточением доброго и злого духа препирающихся из-за какой-нибудь грешной души; беспорядочные звуки эти неслись как брочка по галицийской дороге, то влезая вверх, то падая в глубокую яму. Вместе со скрипками, словно старик ворчун полицейский, хрипло ворчал контрабас и раздавались жалобные, плачущие звуки цимбал и расстроенной флейты – последняя пара, напоминая собою крестьянскую девушку, убаюкивающую грустной песней расплаковского ребенка.

В большой комнате, низкой до такой степени, что каза-

лось потолок её опирается на головы присутствующих, танцевали длиннородые мужчины, облеченные в длиннополые кафтаны и женщины, щеголяющие своими, украшенными жемчугом, головными перевязями и меховыми коцавейками; танцы эти шли так: кафтаны танцевали с кафтанами, а коцавейки с коцавейками. Всё это вместе взятое – еврейская свадьба. Невеста сидит на каком то подобии трона и грызет печенье, принадлежащее по-видимому к разряду окаменелостей, жених же, в своем шелковом таларе, и собольей шапочке, стоит наружи, близ дома, увлеченный в горячий спор с другим мужчиной, одетым в лиловый кафтан. Играет ли в этом споре роль какой нибудь вопрос чести, договариваются ли спорящие насчет какой нибудь торговой сделки – в первую минуту понять не возможно: один из них так суетится, так волнуется и кричит так неистово, словно ему предстоит довести свои слова до сведения не одного собеседника а целого многолюдного собрания. О чем же спорят они?

Вопросы Талмуда служат предметом состязания.

Дело состоит в следующем. Жених, по имени Пинчев, только что прочел гостям, там, в комнате, прекрасную лекцию по вопросам Талмуда; гости, вполне удовлетворенные и лекцией и медом, который они попивали, молча выслушали всё сказанное, но между ними нашелся один, именно Минчев, начавший возражать; он утверждал, что ни в Талмуде, ни в Торе¹, словом нигде не предписаны евреям публичные

¹ Тора – еврейская священная история матерьял, обработанный христианским

совершения молитвы, в школах же таковые введены в употребление только раввинами позднейших поколений, а потому и нет надобности, чтобы всякий благочестивый еврей предавался молитве в публичных, и еще не для этой цели устроенных, помещениях. Из этого возник спор; Пинчев и Минчев спорили по началу за столом, потом перешли спорить в танцевальный зал, наконец переселились на улицу, чтоб здесь на вольном воздухе продолжать свой учено-религиозный диспут.

Пинчев, длинная, тощая фигура, с физиономией усеянной веснушками на подобие пестрого яйца куропатки, с носом в виде крохотной губки приклеенной над губами, с бледно голубыми глазами, которые постоянно щурились как будто они однажды на всегда подверглись действию слишком яркого света, спорил так, как спорить человек горячего темперамента; очевидно в груди Пинчева таилось так много неугасимого огня, как много сверкало его с ярко рыжей головы Талмудиста и с узеньких рыжих полосок, на подобие пламенных языков охватывавших его подбородок. Он был не более как женский портной, но говорил он внятно, победительно, как генерал привыкший командовать солдатами и потому не терпящий возражений. При первом же возражении он входил в такой азарт, что казалось готов был растерзать своего противника – на самом деле Пинчев не был способен обидеть муху – и слова слетами с его уст целым пче-

линым роем.

Минчев представлял собою совершенную противоположность Пинчеву. Он редко говорил с людьми, не имея к тому случая, так как большую часть времени проводил в лошадином обществе — он был, пользовавшийся популярностью, хороший извозчик; правда он вступал иногда в краткие беседы, с лошадьми но те обыкновенно в ответ на его речь либо встряхивали ушами, либо помахивали хвостами, в самом крайнем случае ржали сколь возможно дружелюбнее. В результате Минчев привык относиться к человеческому слову как скупец к золоту; слово было в его глазах драгоценностью и выпускал он его из уст с осторожностью лишь по зрелом обсуждении. Во всём остальном Минчев также контрастировал с Пинчевым; в разговоре он не суетился; руками и ногами он говорил еще меньше чем ртом; в сущности больше всего, и чаще остальных органов говорили его глаза, сидевшие на темном, загорелом как лакированная кожа лице, по обе стороны огромного носа, снабженного наподобие турецкого седла выдающейся горбиной; глаза эти, большие, черные, то совсем открытые с выражением задумчивости, то насмешливо прищуренные, то печальные, и как бы сожалеющие того, с кем они ссорили, производили впечатление чего то идущего от сердца, и в особенности если они смеялись, что случалось довольно часто. Движение Минчев практиковал среди спора только одно: от поры до времени он гладил рукою свои черные волосы спереди назад. Не было в нём и

довольно обычного евреям выражения некоторой робости и услужливости; напротив: он выглядывал человеком гордым, но только проявление этой гордости лежало не в признании себя лучше других, а просто крылось в том, как держалась вся фигура Минчева, фигура приземистая, сильная, имеющая в себе что то солдатское, хотя он никогда в жизни не таскал за спиной солдатского ранца а в огнестрельному оружию питал общую всем евреям антипатию.

И вот Пинчев с Минчевым диспутировали по вопросам Талмудического свойства; правильнее будет, если мы скажем, что спорил, диспутировал, наскაკивая на своего противника только Пинчев, Минчев же так сказать наступал пяткою на горящие угли, отчего от них всё вновь и вновь поднималось пламя. Из комнат кто то вышел, посмотрел на спорящих, покачал головою в недоумении и, видя, что диспут еще не кончен, снова возвратился в дом. Диспутанты даже и не заметили этого.

– Разве ты знаешь Талмуд? – неистово кричал Пинчев. – Ведь ты не знаешь его! Я так думаю, что не знаешь, и что мне совсем не пристало спорить с таким как ты неучем. Если я и говорю с тобой, так потому только, что мне хочется просветить твою зачерствелую душу. Талмуд гласит, что молитва есть наша священная обязанность! Талмуд доказывает это в трактате Фаарит ², доказывает ссылаясь на Моисея... 2-ая книга, 23, 25... Там сказано: «во веки должны вы слу-

² один из отделов еврейского вероучения

жить Господу». И еще сказано у Моисея же (книга 5-ая, 11, 3.): «сему,» то есть Иегове, с должны служить вы от всего сердца». Спрашивается теперь: как же должны: мы, Евреи, служить нашему Господу? Ответ молитвою! Значит молитва, как богослужение установлено самим Моисеем.

Минчев улыбнулся глазами.

– Мы говорим вовсе не о молитве вообще, о молитве в школе. Ну, да это всё равно! отвечу на вопрос, как ты возбудил его сейчас. Моисей вовсе не устанавливал молитвы.

– Не устанавливал молитвы? – И Пинчев, подняв кверху руки, сделал прыжок достойный козла приведенного в ярость.

– И вообще молитва не есть служение Господу! – закончил спокойным голосом Минчев.

– Не есть служение Господу?

– Нет! – И Минчев улыбнулся. – И даже было бы нелепостью понимать молитву как служение Господу. Всякое служение, служба, есть нечто такое, что исполняет один за другого; служить значит делать то, что должен бы делать другой, но что этот другой препоручает за себя исполнять или потому, что он не может, или потому, что не хочет этого. Ведь так?

Пинчев молча кивнул головой.

– Значит если считать молитву службой Иегове, то выходит по-твоему, что Иегова должен был бы сам молиться, но это поручено нам Евреям, которые и исполняют эту обязан-

ность за другого, исполняют так, как этот другой не может, или не хочет, молиться. Разве ж это не вздор?

– Вздор? – занеистовствовал Пинчев. – Так что же по твоему: И Талмуд вздор? И Тора тоже вздор? Не осел ли ты после этого?

В эту минуту из двери дома высунулась голова и жиденький голос на подобие овечьего бляения пропел следующую строфу:

«Скорей бы хотел я за плугом ходить,

«Скорей согласился бы нищим я быть,

«Чем спорить о деле у самых окон!

«Кто ж дело таскает на улицу вон?

Довольный этой игривой импровизацией поющий скрылся обратно в дом, но спорящие не обратили на него ни малейшего внимания.

– А кто же сказал тебе, что Иегова не молится? – торжествующим голосом спросил своего собеседника Пинчев.

– Кому же он будет молится? – сыронизировал Минчев. – Значит себе самому?

– Конечно, он молится самому себе!

– Докажи-ка мне это Пинчев.

– Нет ничего легче.

– Ну однако?

– Знаешь ты Талмуд? – торжественно начал Пинчев, заложив за пояс большие пальцы обеих рук, и похлопывая

остальными по животу при всяком знаке препинания всей последующей речи. – Ты его конечно не знаешь! А Талмуд между прочим и гласит именно, что Иегова молится; гласит это и это до-ка-зы-ва-ет!

Минчев иронически улыбнулся.

– Талмуд доказывает, это в трактате Берахол...³ Ты я думаю даже и не слышал о существовании такого трактата милейший мой Минчев!.. Так вот в этом именно трактате доказывается, что Иегова молится; доказывается на основании пророка Исайи. Там сказано (Исайя 55. 7.): *«и приведи их на мою священную гору и да возрадуются они в моем молитвенном доме»*.

– Что ж из этого следует?

– Понимаешь ты? Сказано: в моем молитвенном доме! Не сказано же напр. в *вашем*, или в *ихнем* молитвенном доме.

– Опять вздор! *Мой* молитвенный дом обозначает помещение, устроенное людьми для чествования Иеговы.

Но Пинчев был не из легко сдающихся диспутантов, а потому он заорал над ухом Минчева так, словно он взывал на помощь, стоя у окна, внутри дома объятого пламенем:

– Слышишь! Сказано: *в моем* молитвенном доме, а не *в ашеми* не *в ихнем*. Так если есть такой молитвенный дом, значит для чего же он существует, если не для того, что сам Иегова в нём молится.

– Быть может ты мне даже объяснишь, как же это Иегова

³ один из отделов еврейского вероучения

молится? – невозмутимо допытывался Минчев, срывая розу с ближайшего куста и принимаясь ее усердно нюхать. – Ты, талмудист, Илау ⁴ ты этакий!

– Разумеется могу объяснить! – отвечал Пинчев, даже побледневший от раздражения и начавший дрожать всем телом.

– Ну так как же он молится?

– Талмуд, – при этом голос Пинчева начал как то особенно свистеть сквозь зубы, – Талмуд гласит в трактате Берахол (9.), что Иегова произносит следующую молитву: *«да будет моя воля и да смягчит гнев мой мое милосердие»*.

– Довольно! – прервал Минчев. – Неужели ты не понимаешь, что, говоря так о Иегове, ты богохульствуешь?

– Я?.. я богохульствую?..

Пинчев готов был вцепиться в бороду своего противника.

– Неужели ты не понимаешь, что ты унижаешь понятие о Иегове, уверяя меня, что Иегове нужна молитва для того, чтоб его милосердие восторжествовало над его гневом? Разве ты не знаешь, что ему достаточно для этого только одной воли и не нужна никакая молитва, что говоря то, что ты говоришь, ты выражаешь тем самым не только сомнение в силе его милосердия, но даже и сомнение в силе его могущества.

Пинчев стоял молча.

– Ну, что же ты скажешь мне на это? Ты, талмудист ученый? – продолжал его казнить Минчев.

⁴ знаменитый ученый-талмудист

Пинчев продолжал молчать. Виноторговец Блаувейс вышел из дома и молча созерцал диспутантов, как те продолжали стоять друг перед другом, не обращая внимания, даже не видя вышедшего.

– Во времена Моисея – поучал Пинчева Минчев – храм был нужен только для жертвоприношения, а не для молитвы верующих.

Блаувейс наострил уши и придвинулся к месту где было побольше тени; очевидно ему интересно было послушать, что будет говорить далее Минчев и он не желал нарушить уединения диспутирующих; на его красноватой, вообще равнодушной, физиономии можно было теперь прочесть выражение страстной любознательности.

– В писаниях Моисея – продолжал между тем Минчев – даже нигде не значится о необходимости публичных молитв. Молитва предписана им всякому отдельному сыну Израеля, но ни место, ни время, ни даже форма её не указаны. Талмуд, который весь так, или иначе, держится на мудрости Моисея, не приводит однако ни из него, и ни из какого другого пророка, что-нибудь касающееся времени, места, или формы молитвы. Сам Маймонид в своей книге Иад Гаха говорит: «ни число молитв, ни форма их, ни время их совершения не предписываются Торой».

Блаувейс одобрительно кивнул головой из своих потемок. Пинчев сел на пустой ящик, стоявший у стены дома; его как будто трясла лихорадка; руки его были скрыты в широких

рукавах его талара, часть головы и лица запрятана в воротник, другая же часть еще глубже погружалась в шапку, так что только глаза его сверкали из всей его съежившейся фигуры, когда он зашипел снова, цедя слова сквозь зубы:

– Что же ты скажешь насчет того, что Моисей дает указание (IV. 6. 24) относительно благоговейного принятия от жрецов благословения, или что он (V. 26. 1-12.) говорит по поводу приношения первенцев от плодов, и еще (V. 14. 22–29.), как следует поступать при жертвоприношениях. По твоему всё это не есть публичное богослужение и публичная молитва? Можешь ты утверждать, что тот, кто приносит жертву покаяния, или благодарственную жертву, остается нем при этом? Ведь ты не можешь же этого утверждать! – Далее Пинчев не выдержал и снова принялся кричать во всё горло: – Кто приносит жертву, тот конечно, молится при этом и молится публично. У Самуила (1. 1. 9.), разве не достаточно ясно выражено о молитве? И еще: 8. 15–62! Насчет молитвы Соломона!.. Не достаточно ясно говорит Соломон в своей молитве: «услыши Господи всякого, кто вознесет сердце свое к тебе в месте сем?» Или и этим по твоему не доказывається, что и другие тоже молились в том же храме? Ну а Даниил? Сообрази ка! 9. 4-12!.. Там прямо идет речь о молитве Даниила, что он трижды в день совершал ее. Где же это он совершал?

– Конечно, в своем жилище, – ответил Минчев.

– А Давид? Не ввел он даже музыку в богослужение при

жертвоприношениях? Не сделал он сборник гимнов?

– Несомненно сделал! Но только гимны эти были исполняемы левитами а не народом.

– А Эсра? Припомни-ка!.. Шемонех Эсрех... 18 предписанных формул благословения!

– Всё, что ты приводишь – спокойно возразил Минчев – доказывает только одно: молитва есть нечто установленное; но ни откуда, ни из чего, что ты привел, не следует, что установлена именно публичная, общественная молитва. А что касается Шемонех, то ты конечно, должен понимать не меньше всякого другого, что Эсра вовсе и не писал этой книги.

– Как? Эсра не написал Шемонех? – вышел окончательно из себя Пинчев. – Ну!.. Ну!.. Божий мир, гляди на этого человека и изумляйся!

«Божий мир» имевший в эту торжественную минуту возможность изумляться, состоял собственно из одного, скрывавшегося в тени, Блауейса; этот «Божий мир» с очевидной готовностью последовал приглашению Пинчева и потому стоял с открытым ртом в полном удивлении от всего слышимого.

– Да! Эсра не писал Шемонех, – с полным спокойствием подтвердил Минчев. – Как мог бы он это сделать, если в книге значится: «и воздай снова жертвы в храме твоём». Ведь первым делом по возвращении Иудеев из пленения Вавилонского было восстановление жертвенного алтаря в Иерусалимском храме; случилось это в 3391-ом году. Как же мог бы

Эсра, возвратившийся только двадцать два года позднее, а именно в 3413-ом году, предписывать восстановление жертвенного алтаря, если уже он за двадцать два года до того был восстановлен?

Блауейс кивнул головой и пробормотал про себя: «экая голова-то какая!» Видимо он был в восторге.

– Сверх того – продолжал Минчев добивать своего противника – в Талмуде сказано, в том самом Талмуде, которого я по твоему мнению не знаю, и именно в трактате Берахол, который ты так хорошо изучил (то же по твоему мнению), что все восемнадцать формул благословения времен разрушения *второго* храма, ведут свое начало от раввина Симона Гамалиеля, которым они и написаны.

Кто-то из дома позвал в эту минуту Блауейса, и тот направился в танцевальный зал; оказалось, что зовущий стоит в самой двери и что это именно Маркус Йоллес. Первый взяв под руки последнего спросил его:

– Скажите пожалуйста, кто этот человек, что спорит тут на улице с вашим зятем? Вот-то он стрижет его как барана!

– Кому же больше быть, если не Минчеву! – недовольным тоном ответил Йоллес – оба они кажется только на то и созданы, чтоб вечно спорить друг с другом.

Наконец и музыка смолкла, и гости разошлись один за другим, а Пинчев с Минчевым всё продолжали свой ученый диспут.

Вышел из дома и Блауейс, являвший в своей высокой

собольей шапке тип истого еврейского аристократа; с ним вместе шла хорошенькая девушка, его дочь, разгоряченная танцами и закутанная в красную шаль; газельи глазки молодой еврейки видимо кого то искали в уличных потемках, когда оттуда раздался голос Пинчева:

– Известно, что евреи после разрушения первого храма собрались в первую же субботу в школе.

– Верно! – отвечал Минчев. – Но собрались они не для молитвы, а для обучения; собрались с целью слушать чтение и разъяснения закона Моисеева и изречений пророков. Место подобных собраний никогда не называлось молитвенным домом; звали его Бет-Хакенесет, что значит не более как место собраний, что соответствует греческому понятию о синагоге, и что теперешние евреи называют школою. Кажется ясно из всех этих названий, что место так называемое существует не для молитвы а для обучения.

Хорошенькая еврейка между тем остановилась.

– Минчев! – позвала она не громко.

– Эстерка! это вы? – И Минчев приблизился к девушке; с ласковой улыбкой посмотрели на него хорошенькие глазки, а затем Эстерка исчезла с отцом в уличной тьме.

– Минчев! Минчев! – кричал между тем Пинчев голосом столь жалобным, как будто он был ребенок потерявший в потемках свою мать. – Минчевле ⁵, где ты?

⁵ Минчевле есть собственно сокращенное ласкательное «Mintschew-leben,» что составляет выражение самого дружеского расположения между евреями, нечто

– Здесь! А что? – послышался ответный оклик.

– Не уходи же от меня!

– Да ведь время уж и на покой отправиться.

– Ну так погоди, я провожу тебя домой! – И Пинчев уцепил Минчева за руку. – Ты ссылаешься на Талмуд. Талмуд же доказывает, именно в трактате Берахол (4.), что молитва есть нечто установленное еще патриархами. Сам Авраам установил утреннюю молитву.

– Об этом я ничего не знаю, – иронически заметил Минчев, задерживая скорость своей ходьбы.

– А это как же понимать по твоему? Моисей, 1. 19. 27; «Авраам отправился утром на место, где и стоял он пред лицом Иеговы.

– Ну так что же? – И Минчев остановился.

– Как что же? – удивленно переспросил Пинчев, мнивший было, что своей цитатой он окончательно срезал противника.

– Ну да! Что ж из этого следует?

– Как что следует? – волновался Пинчев. – Разве выражение «омед,» не обозначает «стоять на молитве?»

– Предположим, что так. Пусть выражение «стоял» обозначает здесь, что Авраам стоял на молитве. Но из этого следует всё-таки что? Следует то, что Авраам однажды утром стоял на молитве. Отсюда невозможно вывести не только того, что Авраам установил для всех евреев утренние молит-

в роде того, как бы оно было по-русски «жизненок мой Минчев.» «душа моя Минчев,» или что-нибудь в роде того

венные собрания, но даже и того, что сам то он*каждое утро* стоял на молитве.

– Давись мир на этого человека! – заорал Пинчев. – Как он вывертывает Талмуд на изнанку! – В эту минуку Минчев, освободив свою руку из руки Пинчева, направился скорым шагом домой, Пинчев же побежал за ним, продолжая кричать во всё горло. – Значит по твоему Исаак не установил вечерней молитвы?.. Ты?.. Что?.. Соври-ка если осмелишься!.. А это что? Моисей I. 24. 63; «Исаак к вечеру направился в поле». Для чего он направился в поле, если не для того чтоб там молиться?

– Не знаю для чего! – слышался из темноты ответ Минчева. – Он мог отправиться туда и еь другими целями, ну напр. просто на прогулку.

– А Яков? Кто, если не он, установил ночную молитву? – кричал между тем Пинчев.

– Всё это ты хватаешь из очень стародавнего времени, – возразил Минчев, остановившийся в эту минуту у своего дома.

– Ага! Из очень старого времени! – с злым смехом проговорил Пинчев. – Однако нора действительно идти домой спать, – И он без дальнейших церемоний показал было Минчеву спину; но тот быстрым движением схватил его за рукав и зашагал с ним обратно по пройденному уже раз пути.

– Талмуд вообще любит выбирать для подтверждения своих доводов Данные из самого отдаленного времени, – начал

Минчев; – И я сейчас же объясню тебе в чём тут дело.

– Ты объяснишь мне в чём дело? Ты? – и Пинчев захохотал, даже весь затресся от хохота; только нельзя сказать, чтоб в этом хохоте было много уверенности.

– Да, объясню. Мало ли что приводить Талмуд! – покойным тоном продолжал Минчев. – Талмуд напр. говорит: «кто произносит свою молитву на халдейском языке, тот должен, знать, что молитва его не дойдёт до Иеговы, ибо ангелы первого чина, не зная халдейского языка не поймут такой молитвы».

– Ну что ж? А по твоему это не так? – спросил Пинчев тоном, в котором слышалось сомнение.

– Ах Пинчев! – И Минчев засмеялся детски задушевым смехом. – Если ангелы умеют, даже читать в сердце человека, как могут они не понимать молитвы произнесенной на халдейском языке?

– Однако они этого не могут, если так нас, учит Талмуд!

– Ты подумай только Пинчев, что ты говоришь!

Пинчев помолчал минутку и снова произнес тоном, которому видимо желал придать уверенность:

– Всё-таки они не понимают! Не понимают они халдейского языка! Не должны понимать.

– Конечно, они понимают!

– Нет, не понимают!

– Понимают!

– Нет!

– Да!

– Нет!

В эту минуту спорящие стояли снова у дома Маркуса Йоллеса. Тишина в воздухе пропитанном араматами, была полная. На улице ни – души. В доме все огни потушены и только из одного окна виднелся слабый, красноватый луч света. Тихие звезды смотрели с небес на всю эту картину, а из-за входной двери прислушивалась к спору молодая жена Пинчева.

– Хорошо! – проговорил Минчев. – Так ты говоришь, что ангелы не понимают халдейского языка?

– Разумеется не понимают.

– Как же после этого решаются раввины переводить наши молитвы на немецкий язык? Ведь нигде не сказано, что ангелы понимают по-немецки.

– Да!.. конечно!.. однако...

Пинчев почувствовал себя уничтоженным.

– Ну, Прощай Пинчевле!

За входной дверью кто то зашевелился.

– Постой!.. Постой же! – воскликнул Пинчев. – Я знаю...

Минчев быстро удалялся по улице.

– Послушай же! – взывал Пинчев. – Ты знаешь...

Шаги Минчева сделались медленнее; Пинчев как безумный бросился за ним в до гонку.

– Ты знаешь же – задыхаясь кричал он по-пути, – что в небе есть двенадцать... врат... столько врат... сколько

есть... колен Израильских... Через каждые ворота... Да остановись же!

Минчев остановился.

– Ах!.. Я задыхаюсь! – бормотал Пинчев. – Постой!.. Через каждые ворота... идут к Иегове... молитвы от каждого... колена Израильского. Значит для новых молитв на немецком языке не имеется небесных врат... Ну... и конечно, молитвы эти... не могут быть... угодны Иегове... Понимаешь?..

И диспутанты снова зашагали к дому Минчева...

Молодая женщина стоявшая за дверью в ожидании своего супруга только вздохнула. Что же спрашивал за сим Пинчев? Какие доводы приводил он?

Факт состоит в том, что оба спорящие всю ночь промеривали шагами один и тот же дуть. То Пинчев провожал Минчева, то Минчев – Пинчева, то опять Пинчев – Минчева и т. д., пока оба диспутанта не осипли окончательно. Звезды погасли одна за другой, а молоденькая жена Пинчева всё продолжала поджидать мужа; сидя под окном, она вздыхала, прислушиваясь к ночной тишине. Наконец поднялся утренний ветерок и начал слегка торкаться во входную дверь; восток осветил я лучами начавшегося рассвета.

– Ну так ты всё-таки считаешь, что молиться но халдейски не следует? – слышался с улицы голос Минчева.

– Да! Я считаю это доказанным.

– Так разъясни ты мне вот что: как же это в наших молитвах перемешаны еврейские слова с халдейскими, и переме-

шаны так, что в иной молитве не только ангелы, не знающие но твоему мнению халдейского языка, но даже и сами евреи ничего не могут понять настоящим образом? Разъясни ты мне, как после этого может совершаться наше богослужение, если в известной части молитв его натолканы без всякого резона слова, которых сами евреи не понимают? Просвети ты меня па этот счет Пинчевле!

– Очень просто! – Торжественно заявил Пинчев. – У Моисея (5. 6. 14.) значится: «Слушай Израиль!» Следовательно всякий верующий еврей обязан *слушать* молитву, а вовсе не-понимать ее.

Минчев захохотал самым задушевным смехом; в эту минуту молодая жена Пинчева, бледная, утомленная бессонной ночью, со слипающимися глазами, решилась выскочить на улицу. И было пора! Пинчев решил окончить спор: не сказав более ни слова, он вошел в дом.

Такого рода споры происходили между Пинчевым и Минчевым постоянно. Никто не помнил, не знал их иными, как вечно состоящими в препирательстве; так было начиная с детства обоих их. Едва они выучились ходить, как уже между ними начали практиковаться баталии из-за первых игрушек; если у Пинчева оказывалась деревянная лошадь, а Минчев начинал скакать, сидя верхом на палке, которую он только что выдернул из плетня, то Пинчев бросал свою игрушку и хотел ехать тоже не иначе как на палке и именно той, что оказывалась у Минчева; начинался спор, разгоралась целая

баталия и дело кончалось слезами. Но если их разлучали они еще более принимались плакать и на этот раз уже плакать друг о друге, так как, не смотря на постоянные ссоры, каждый из них не хотел играть ни с кем другим. Когда они были школьными мальчуганами, их вечно видели спорящими и сцепляющимися друг с другом; они препирались и идя в школу, и идя из школы, препирались и дома, оставляя это занятие единственно только за едой и во время сна; но только если кто-нибудь третий вступался в их споры и становился на сторону кого-нибудь из них, они оба на него дружно набрасывались. Разумеется те же споры и препирательства продолжались и в школе. Едва только ознакомились они с азбукой Талмуда, как каждому из них захотелось знать, то, что он знал, лучше другого. Они никогда не уставали задавать друг другу заковыристые вопросы и разрешать их; только бы не было слушателей их бесконечного спора, вступающих в него; таких слушателей они не терпели ни в юности, ни позднее, достигнув уже зрелого возраста, и если оказывался желающий вмешаться в спор Пинчева с Минчевым, то ему в этом всегда приходилось раскаиваться: оба диспутанта обыкновенно так набрасывались на него, так нахлестывали его разными цитатами, ставили в такое положение при посредстве своей начитанности в области Талмуда, что ему приходилось уходить с места спора, что называется не солоно хлебавши.

В сущности ни Пинчев, ни Минчев, не были конечно уче-

ными Талмудистами в настоящем смысле этого слова – они были слишком бедны для того, чтоб посвятить себя специальному изучению Талмуда – но в тоже время именно к этому занятию более всего тяготела душа каждого из них, а потому оба они и делали в этой области всё что могли.

Отец Пинчева был портным – значит и молодому Пинчеву предстояло сделаться портным. «Тата» Пинчев работал только на важных барынь; он шил платья помещицам, чиновницам, офицершам, разумеется богатым еврейкам также; он питал презрение к «низменным» шерстяным материям и чувствовал себя на своем месте только тогда, когда его ножницы кромсали бархат и шелк, когда предстояло что-нибудь делать из дорогого меха; еще он любил иметь дело с кружевами. Пинчев сын наследовал все эти склонности своего родителя; ему было не по душе снимать мерки с какой-нибудь мелкой купчихи или ремесленницы; другое дело обмеривать и вымеривать изящный бюст какой-нибудь графини, или охватывать бумажной полоской, сделанной из старой газеты, шикарную талию какой-нибудь полковничьей дочки.

Минчев – иное дело. Отец Минчева был разносчик, он же сделался извозчиком. Он до глубины души уважал своего родителя, но промысел его был Минчеву не по душе; ему казались совершенно невыносимыми вся эта беготня по снегу, грязи, пыли, всё это мотанье под горячими лучами солнца, все эти продаваемые сюртуки, кафтаны, заячий мех. То ли дело сидеть на покойных козлах собственного экипажа, пра-

вить собственными – правда довольно тощими – лошадьми! Тут он сам себе господин! Как король глядел он с своего высокого трона на тех, что бегают по улицам пешочком. И Пинчев, и Минчев, оба были на хорошем счету и между евреями и у христианского населения города; оба они были по существу дела порядочными, трудолюбивыми людьми. Ни тот, ни другой никогда не были пьяны, ни когда не предавались игре или разгулу, никогда не занимались бесцельным волокитством за женщинами и девушками. Они любили только, сойдясь вместе, обсуждать разные тезисы Талмуда, при чём впрочем «обсуждение» выпадало всегда на долю Минчева, так как Пинчев не мог диспутировать без того, чтоб сей час же не начать кричать во всё горло. Они спорили всегда и везде, где бы и когда бы не сошлись они вместе, а так как сойтись вместе они стремились постоянно, то и выходило, что они постоянно спорили. Если напр., Минчеву предстояло вести в Цабию господина комиссара, которому надобилось попасть туда на заседание комиссии, то Пинчев своевременно припоминал, что он еще с месяц тому назад обещал переделать некоей Горостенской, имение которой было расположено совсем близ Цабии, меховую бархотную кофту; по этому Пинчев стремился сесть к Минчеву. на козлы, чтобы хоть там можно было диспутировать излюбленные вопросы Талмуда; с самого раннего утра он уже сидел на лавочке у ворот Комиссарова дома и дошивал кофту в ожидании того момента, когда Минчев подъедет с своим экипажем к тем же во-

ротам; затем он взбирался на козлы и там на весь день, пожалуй и на всю ночь, завязывалось бесконечное ученое препирательство. Случалось ли, что Пинчеву предстояло снять мерку для шелкового платья с графини Голуховской – Минчев припоминал как раз, что недалеко от имения её сиятельства, в Делатине, идет теперь ярмарка, на которую непременно надо съездить: «есть одно дельце,» говорил он, ехал же туда на самом то деле только ради того, чтоб отвести Пинчева к графине, да дорогою хорошенько поспорить с ним по поводу некоторых удивительных вопросов Талмуда.

Минчеву во время его поездок не только часто доводилось проезжать мимо шинка Блауейса, но и всякий раз останавливаться у него ради своих пассажиров – такой популярностью пользовалась всем известная сливянка изготовления бравого виноторговца. Делал это Минчев нельзя сказать, чтоб особенно охотно. Что он был воздержан относительно крепких напитков, это – само собою разумеется; черта эта общая всем польским евреям. В качестве такового, Минчев не мог выносить даже вида пьяного чаловека; пьяный казался ему чем то омерзительным, он ни за что не вступил бы ни в какие отношения с пьяницей; пьяница в его глазах был хуже всякого нечистого животного. Редко, очень редко, да и то в сильные морозы, позволял он себе выпивать маленький стаканчик контушувки – так называется местная водка в том крае; он боялся водки. Не менее чем перед водкой робел Минчев и перед Эстеркой, дочерью Блауейса, кото-

рая, едва только начинало слышаться по дороге громахание подъезжающего экипажа, едва раздавались окрик кучера и всхрапыванье лошадей, живо и весело выскакивала из шинка на встречу проезжающим, размахивая своими прекрасными черными косами; немедленно проезжий получал или стаканчик, или жестяную чарку, и будь он знакомый, иль незнакомый, барин, иль простолюдин – Эстерка относилась к нему равно внимательно; на этот счет в её глазах все казалось равны; какойнибудь местный крестьянин в замурзанном кафтане, какойнибудь ремесленник в истертой касторовой шляпе, гусарский офицер франтовато сидящий верхом на своем лихом коне, помещик разъезжающий четверней, словом всякий, получая из рук Эстерки стаканчик, мог рассчитывать на милую улыбку, дружелюбную шутку, веселый взгляд и услужливость молодой девушки. Эстерка была не только хорошеньким но – что очень редко между еврейскими девушками – подвижным, бойким, живым созданием. Её добродушное, веселое личико, на котором не лежала печать вечного пребывания в комнатном воздухе, которое не имело в себе и тени болезненности отличающей физиономию польской розы Сарона, её фигурка не слишком большая, не слишком маленькая, её стройный, гибкий стан, всё это в высшей степени соответствовало её подвижному образу жизни.

И не смотря на все эти качества Минчев как будто избегал Эстерки. Останавливаясь у шинка он старался не слезать с

козел, а пока Эстерка была близ экипажа он тщательно обращал свой взор в другую сторону, по направлению к полю. Если ему доводилось сходить с козел, то на ласковый привет Эстерки он отвечал только поклоном; затем он особенно подробно осматривал своих лошадей, экипаж, кормовые торбочки, или – если пассажиры слишком долго оставались в шинке – отправлялся за шинок как будто с целью полюбоваться на всё окружающее хозяйство Блауейса.

Эстерка скоро заметила такое отношение к себе Минчева, и так как он был единственным в своем роде мужчиной, на которого словно бы не оказывали никакого действия все её любезности, то она с каждым разом всё более и более осаждала его взядами своих прекрасных глаз и всевозможными дружескими словечками; дело дошло наконец до того, что Эстерка стала относиться к Минчеву с дружелюбием совершенно исключительным, в результате чего Минчем однако не только не развернулся, но стал еще сдержаннее, еще замкнутее.

Раз случилось Минчеву проезжать мимо шинка Блауейса с одним молодым франтом, штудировавшим право в Лемберге и ехавшим на время каникул в своим родителям в имение, находившееся поблизости от местечка, где жил Минчев. Увидя Эстерку вышедшую на встречу проезжему, Минчев хотел было сколь возможно скоро промчаться мимо шинка и даже с этой целью принялся нахлестывать своих лошадок; но юный франт, при виде хорошенькой девушки, стоящей в

ожидательной позе у двери шинка, приказал остановиться.

Делать нечего! Пришлось заворотить лошадей к шинку и остановиться; разумеется при этом Минчев не приминул так ловко въехать в грязную лужу, черневшую словно морская пучина, что покоившиеся в ней утки Блауейса с криком заторопились бежать во все стороны, спасаясь от неминуемой гибели, а юный франт, сидевший в экипаже, одетый по последней парижской моде, подвитой, напوماженный и раздушенный, получил себе хорошую порцию грязных брызг. Едва пассажир выпрыгнул из брички как Минчев сделался по обыкновению глух и нем.

Таким образом он казалось не слышал как польский фертик напевал Эстерке всякие комплименты, как он сравнивал ее с той еврейской Венерой, что оковала цепями любви польского короля Казимира; он не видел как юный ухаживатель шутя обнял Эстерку за талию и когда девушка ловко выскользнула из его рук, шутя же поцеловал ее в затылок. Задумчиво сидел Минчев на козлах и как будто наблюдал, как в небе плыли. легкие облака и как загорались их окраины розоватым светом под лучами заходившего солнца.

Случай привел его на следующее утро с одним евреем хлебным торговцем к шинку. Торговец и Блауейс имели об- толковать какую то торговую сделку.

Минчев отлично знал, что два такие тонкие спекулянта как его пассажир и Блауейс не могут скоро покончить дело между собой, а потому он слез с козел и задал лошадям корм.

Мигом выскочила из шинка Эстерка и дружески поздоровалась с Минчевым; он же как будто и не видал ее; он даже смотрел не на нее, а как будто сквозь нее, смотрел, словно она была стеклянным стаканом, да еще и стаканом то мутным – так подозрительно и недовольно прищурил Минчев свои глаза.

Эстерка засмеялась, схватила два ведра, живо сбегала к колодцу и принесла воду лошадям Минчева.

– Ну теперь быть может господин Минчев доволен мною? – шутливо спросила она. Минчев молчал.

Она посмотрела с одной стороны в его сумрачное лицо – он отвернулся в другую сторону; она обошла вокруг него и посмотрела с другой стороны – он опять отвернулся.

– Что с вами? Обидела я вас чемнибудь? – удивленно спросила девушка, вперив в Минчева добрый, открытый взгляд своих прекрасных глаз.

Приходилось отвечать, так как вопрос был поставлен категорически. Минчев и ответил довольно категорически.

– Может быть вы находите, что прилично честной еврейской девушки позволять такому польскому пурецу ⁶, творить над собой подобные шутки.

Эстерка, стоявшая в эту минуту у самого входа в дом, где на дубовых косяках входной двери были прибиты гвоздями пожелтевшие от времени листки с надписями из Талмуда,

⁶ презрительное выражение, нечто более обидное чем русские выражения ферт, хлыщ, и пр.

опустила глазки, и видимо искренно сконфузилась.

– Что же вы не отвечаете мне? – Допрашивал между тем Минчев. – Ведь ходит же у вас во рту язык справа налево, словно маятник, когда этого не нужно.

– Вы правы Минчев! – тихо проговорила девушка. – Побраните меня как следует.

Но он ее не побранил еще; он только молча посмотрел на нее и в этом взгляде было так много упрека и вместе с тем так много любви. Да! Он любил Эстерку, и она в один миг поняла это и поняла всё его поведение по отношению к ней. Она покраснела и не могла взглянуть ему в лицо, как не могла решиться стронуться с места.

Когда хлебный торговец, покончив дело с Блаувейсом, вышел из шинка и Минчеву пришлось лезть на козлы, Эстерка бросила на него быстрый, робкий взгляд, Минчев же ответил ей самым дружеским поклоном, таким поклоном и такой улыбкой, каких Эстерка ни разу еще не получала от него за всё время их знакомства.

С тех пор Минчев начал чаще и чаще появляться в шинке; он попадал к шинку не только без пассажиров, но даже и без лошадей, без кнута, словом отнюдь не по обязанностям возницы, а лично сам для себя; сидя в общей комнате он обыкновенно следовал взглядом за всеми движениями Эстерки. Раз, что приходил в шинок Минчев, надобилось конечно, приходиться туда и Пинчеву; естественно по этому, что и он приходил тоже. Пинчев и Минчев принимались за свои

бесконечные споры по вопросам возбуждаемым Талмудом, а Эстерка обыкновенно старалась всякую свободную минуту сидеть возле них, сидеть и с самым искренним любопытством и уважением выслушивать всё, что говорил Минчев. Раз случилось, что купец Маркус Йоллес явился к Блаувейсу и явился за советом; при этом оказалось, что вопрос был из числа таких, в которых Блаувейс и сам мог ориентироваться не более своего гостя; как ни тянул виноторговец свою длинную бороду, как ни щипал ее, но никакого совета Йоллесу дать он всё-таки не мог. Пинчев, как раз находившийся на этот раз в шинке, вступил в разговор – дело касалось его конька, т. е. Талмуда.

– Все великие Талмудисты – начал он, – даже Маймонид и Яков Бен-Ашер разрешают вкушать во время праздника пасхи от стручковых плодов, как-то горох, бобы, чечевицу и сверх того разрешают пшено и рис; ученые эти даже говорят, что евреи, не вкушающие таковых произведений земли в пасхальное время, поступают не разумно. И действительно, только среди польских евреев стручковые плоды не потребляются во время пасхи, остальные же наши единоверцы вкушают их с спокойной совестью.

– Но как же так? Ведь в книге Иосифа значится, что стручковые плоды не разрешаются! – возразил Маркус Йоллес.

– Извините! – не согласился Пинчев. – Во-первых, говорится об этих плодах не в книге Иосифа, а в примечаниях раввина Моисея к этой книге и, во-вторых, говорится не то,

что вы только, что сказали, а вот что: «многие люди и считают воспрещенными стручковые плоды на время праздника пасхи». Спрашивается теперь: кто же эти «многие люди?» «Глупцы!» отвечают Талмудисты и отвечают основательно. В книге Моисея (3. 12, 14.) сказано: «в вечер четырнадцатого дня первого месяца должны вы вкушать пресный хлеб». В Мошне (трактат Пессохим) значится: «из следующих родов хлебных растений может быть изготовляем пресный хлеб»; при этом перечислены там: ячмень, овес, полба, и др. Талмуд же задает такой вопрос: «может ли быть доказано, что только из ячменя, овса и полбы, а напр., отнюдь не из риса может быть изготовлен пресный хлеб?» Рис-Лакиш и дает ответ; Моисей (5. 16. 3.) говорит: «при пасхальном агнце должен ты не вкушать кислого хлеба и все семь дней потреблять лишь пресный хлеб, что понимать надо как хлеб, изготовленный из такого хлебного растения, вещество коего дает возможность изготовления из него пресного, непоквашиваемого, хлеба». Далее значится, что рис и полба принадлежат к числу таких хлебных растений, зерна которых будучи измолоты и обращены в тесто имеют кисловатый вкус, но не лишены способности настоящего брожения и обычного для хлеба квашения. Следовательно, Талмуд признает, что из риса можно изготовлять не квашеный хлеб, а значит, что и нет ничего запрещенного в потреблении риса во время праздника пасхи.

Маркус Йоллес склонил голову в знак согласия и вышел с

Блаувейсом в другую комнату. Что они там говорили, осталось неизвестным, но последствия разговора были таковы: два дня спустя самый популярный из местных сватов Финкель Шмольлебен явился к Пинчеву и вслед за тем весь еврейский мирок от Черновица до Лемберга узнал о том, что Пинчеву привалило счастье; новость была действительно из поразительных: богатый купец Маркус Йоллес выдавал за муж свою дочку Рахиль за Пинчева.

Надо впрочем сказать, что «привалившее счастье», как и всякое другое человеческое счастье, было не лишено темных сторон; дело в том, что сам-то объект счастья, сама Рахиль, была не более, как нечто, напоминающее разбитую и плохо склеенную куклу, довольно ничтожная фигурка с маленьким зеленовато-бледным лицом, покрытым избыточными веснушками и украшенным глазами с вечно красными, воспаленными глазными веками. Конечно, Рахиль, такая, какой она была, являлась довольно горьким орехом, но за то орех этот был густо позолочен, в роде всем известных орехов святочной елки.

Само собою разумеется, что Пинчев был очень доволен сложившимися обстоятельствами. Бывает же доволен своей судьбой какойнибудь юный франтик из среднего сословия, когда судьба эта пошлет ему в супруги сороколетнюю графиню со вставными зубами и общим видом ободранной кошки! В данном же случае положение было еще завиднее: Пинчев сразу становился вполне состоятельным человеком, че-

ловеком, которому все завидовали, которому все охотно кланялись с полным унижением, свадьбу которого праздновали так торжественно, что хоть бы кому.

На следующий день после свадебного пирования Минчев зашел в шинок Блаувейса, зашел, не питая особенной надежды на возможность увидеться в этот раз с Эстеркой и полюбоваться её развевающимися косами, дружелюбными, ласковыми глазками, маленькой ножкой обутой в красные туфли.

Сам Блаувейс творил в эту минуту свою утреннюю молитву, почему и пребывал за печкой; однако он всё-таки улучил возможность кинуть взгляд на вошедшего Минчева. Затем, окончив молитву и освободившись от молитвенного ремня, вышел он из-за печки и с видом милостивого султана, понимающего цену каждого своего слова обратился к Минчеву.

– Минчев, вы – великий ум! – изрек он.

– Не слишком ли много будет чести? – усомнился скромный Минчев, поднявшись с улыбкою с лавки на встречу хозяину.

– Да! вы – великий ум! Вы совершенно, в пух и в прах разнесли в эту ночь Йоллесова зятя. Вы сдунули все его доводы, как перышки.

И Блаувейс в подтверждение дунул в пространство, как бы желая изобразить, как Минчев сдувал перья Пинчевских доводов. Минчев опять улыбнулся.

– Вы – свет Талмуда! – продолжал Блаувейс. – И я, я сам... Я буду за честь считать, если вы сделаетесь моим зятем.

Тут уж Минчеву было не до улыбок; он напротив того покраснел до ушей, сердце же его, обыкновенно столь покойное, сразу забило тревогу. Как раз в это мгновение вошла в комнату Эстерка.

– Вот и сама девушка! Она должна сделаться вашей женой, – безапелляционно решил Блауейс.

Эстерка тоже вспыхнула, как маков цвет; в недоумении глядела она на Минчева, пока тот совершенно растерянно смотрел на нее.

– Что ж ты довольна? – спросил Блауейс, обращаясь к дочери.

– Я? Да, довольна! – отвечала та, опустив глазки в землю. – Но доволен ли господин Минчев?

– Чего же бы он был недоволен, порешил за Минчева Блауейс, – беря тебя и получая в придачу 10,000 гульденов всё в чистых, хороших дукатах.

Так и был порешен вопрос о браке Минчева с Эстеркой; дело обошлось без обычного в подобных случаях свата, без всяких дипломатических подходцев, словом, совсем во вкусе Блауейса, который, чувствуя себя султаном, не прочь был иногда от издания высочайших повелений в своем государстве.

Свадьба Минчева была отпразднована с неменьшею торжественностью, чем бракосочетание Пинчева с Рахилью Йоллес. Конечно, Блауейс мог бы легко даже превзойти Йоллеса по части свадебного пирования – он был богаче по-

следнего – но, не желая сам оставаться в тени, он в тоже время не желал унижать и Йоллеса, придавив его своим богатством. В одном только отношении – и это уж помимо воли Блаувейса – свадьба Минчева отличалась от Пинчевской: Минчев не предпринял подобно Пинчеву на всю свадебную ночь диспут по вопросам Талмуда; напротив того, он даже тщательно избегал заводить речь о Талмуде и старался всё время находиться близ своей молоденькой жены.

Пинчев и Минчев были до сего времени, как известно читателю, трудолюбивые люди, люди, усердно работающие из-за куска хлеба; всякий мог брать пример с них по части того, что значит быть работающим человеком. Теперь же, запасшись богатыми женами, они очень изменились. Конечно, они не сделались ни пьяницами, ни шалопаями, ни дон-жуанами – между польскими евреями дон-жуаны так же редки как и Меламены – оба они даже продолжали заниматься каждый своим ремеслом, но только совсем не так, как прежде. Жизнь их была более, чем обеспечена и потому с каждым месяцем всё более и более покидали они и свои занятия, и даже своих жен, словом, покидали всё, что угодно из-за Талмуда. Некоторым образом они заплутались в том прекрасном саду, из которого, по выражению Талмуда же, из четверых гулявших в нём, счастливо вышел один раввин Акиба.

Они спорили, и спорили во всяком месте, во всякое время, спорили, не чувствуя утомления, ни разу не дав остынуть вечному жару, воодушевлявшему их. По началу жены их от-

носились к ним с удивлением, смешанным с благовением, а затем чувства эти сменились сожалением, а под конец дело дошло и до упреков. Но ничто не помогло! Если Рахиль начинала упрекать и плакать, то Пинчев направлялся к заднему крыльцу и оттуда устремлялся со скоростью степной лошади, за которой гонятся волки, к деревне, где жил Минчев; если обиженная Эстерка, покраснев от обиды и сделавшись от того еще более хорошенькой женщиной, начинала наступать на своего мужа, то Минчев быстро выходил вон, вскакивал на лошадь и быстро мчался в городок, туда, где красовалась расписная вывеска над магазином Пинчева.

Если Минчеву случалось ехать в город с каким нибудь помещиком-пассажиром, который желал отдохнуть в гостинице Белого Орла, то прежде столь аккуратный, столь усердный Минчев, не давал теперь себе труда даже распречь лошадей; поручив и экипаж, и лошадей, гостинному дворнику, бежал он к Пинчеву, который обыкновенно сидел на каменной скамейке у своего дома, шил какое нибудь платье; едва завидя Минчева, Пинчев начинал чуть не дрожать от волнения; дыхание спиралось в его груди.

Когда помещику-пассажирu требовалось выехать домой, оказывалось, что бричка стоит у ворот, но лошади не только не были запряжены, но даже они еще и не выведены из конюшни. Польский пан начинал злобно дымить своей трубкой, пуская из неё целые облака синеватого дыма и ругаться от нетерпения.

– Пёсья кровь! Куда девался этот жид проклятый? – кричал он.

– Иду, иду! – слышался голос Минчева, который вел лошадей и в тоже время продолжал свою беседу с шедшим за ним Пинчевым. – Мы должны слушать, терпеть и молчать.

– Где же это написано? – с азартом приставал Пинчев. – Я не знаю, где это можно вычитать!

– Ты не знаешь Пинчевле, да я-то знаю!

– Проклятый раскисляй! – кричал между тем помещик. – Что же ты не запрягаешь?

– Я и то запрягаю! – успокаивал его Минчев, начиная действительно запрягать, и потягивать, и закреплять разные ремешки. Пинчев всё время продолжал вертеться около него. Схватив Минчева за рукав, он приставал:

– Где же это написано Минчев?

– Что?

– Что мы должны слушать, молчать и терпеть?

– Это значит у Моисея: I. 25, 14.

– А я и не знал этого!

– Разве не называются три сына Израильских Мишнах, Думах и Мамах?

– Конечно, они так называются.

– Ну так: Мишнах значит слушать, Думах значит молчать, Мамах значит терпеть...

– Готов ли ты наконец? – Кричал пан.

– Готов, готов, ваша милость.

Но оказывалось, что кнут исчез куда то, надо было найти его. Минчев искал кнут, Пинчев помогал ему в этом занятии, но оба они кнута не находили.

– Я желаю ехать, слышешь ты? – кричал пан. – Пусть чёрт возьмет твой кнут!

– Да он уж и без того забрал его; – ворчал яро себя Минчев. Затем он влезал на козлы наклонялся еще раз к Пинчеву и начинал нахлестывать вожжами лошадей; несчастные, тощие животные сбирались с силами, затем: раз!.. Лошади рванули, Минчев летел с козел, бричка же с пассажиром продолжала стоять на месте.

Оказывалось, что Минчев, мысли которого были заняты Талмудом и Каббалистическими толкованиями скверно заложил лошадей; надо было опять кое-где закрепить, кое-где подтянуть, подвязать.

На его несчастье пропавший было кнут как раз оказывался в бричке и потому в конец разозленный пан-помещик, схватив его, начал им полсовать широкую Минчевскую спину.

По окончании этой операции Минчев только слегка бросал взгляд на сердитого пана.

– А знаешь ты, – обращался он к Пинчеву, – что значит это место в книге сына Сирахова: «Кинах, Думиах, Веададах?»

– Это место земли обетованной! – пояснил Пинчев.

Разумеется, это названия мест! – соглашался Минчев, влезая снова на козлы, так как теперь уже всё в запряжке

было в исправности. – Но обозначают-то эти имена совсем другое.

Бричка начинала приходить в движение.

– Что же могут они еще обозначать? – допытывался Пинчев, держась рукою за козлы.

– Кинах обозначает: «если ближний подает нам повод к возмездию!»

Бричка катилась уже по улице, Пинчев же бежал рядом продолжая держаться за нее, словно боясь преждевременно расстаться с Минчевым. – А Думаих? – кричал Пинчев на бегу.

– Думаих значит: «и ты не воспользуешься тем».

Пинчеву приходилось перестать держаться за козлы; это становилось опасным, так как бричка катилась во всю прыть Минчевых клячей.

– А Веададах? – тем не менее кричал бегущий Талмудист.

– Значит: «то Господь воздает тебе!» – кричал Минчев, оборачиваясь назад...

Пинчев возвращался домой, обогащенный таким новым знанием, и там заставал Рахиль, распарывающую только, что сшитую им работу.

– Посмотри, что ты наделал Пинчевле! – обращалась она к нему со слезами.

– Что я наделал?

– Ты Пришил наизнанку рукав у графининового платья, да еще шлейф в грязи выпачкал.

– Ничего! рукав я переменяю, а грязь я счищу. А знаешь ли ты, что значит Кинах, Думаих и Веададах?

– Не знаю я, да и знать то мне это незачем!

– Я объясню это твоему отцу, это очень обрадует его!..

Раз в городке случился пожар, принявший на столько серьезные размеры, что около пятидесяти домов сделались жертвою пламени. Минчев в числе других окрестных евреев явился на помощь с пожарной трубой; надо отдать справедливость: в деле борьбы с таким общественным бедствием местные евреи являли собою образчики гражданского мужества; ни один человек не оставался без дела, мужчины, женщины, старики, дети, всё пришло на помощь, всё лезло чуть не в огонь, спасая имущество погорельцев.

Пинчев и Минчев работали на деревянной крыше горевшего дома; первый киркой, второй ломом срывали загоравшиеся доски крыши и бросали их на улицу, где другие заливали их водой.

– Согласно воле Иеговы – проговорил Пинчев, – мы должны были бы сотворить одну из тех 613 молитв, которые помогают человеку в то время когда жиснь его в опасности.

– А кто же это сказал, что таких молитв 613? – иронически осведомился Минчев, продолжая работать.

– Как кто сказал? – Вспыхнул, как порох Пинчев. – Талмуд это сказал! Раввин Симсой сказал 613 формул дано было Моисею на горе Синайской, и именно: 365 по числу дней в году, а 248 по числу членов человеческого тела. Доказатель-

ством служит то, что в самом названии Торы буквы изображают число 613.

– Опять-таки неправда!

– Что неправда?

– То что название Торы изображает число 613.

Да... впрочем ты прав! Но если ты прибавишь к числу, изображаемому буквами названия Торы те две формулы, которые даны народу Иудейскому Иеговою помимо Моисея, то и выйдет 613.

– Молитв имеется в наше время не 613, а 14000, – возразил Минчев, – и раввины ищут только глупца, который поверил бы этому.

– Но эти молитвы не Моисеевы, это молитвы раввинов!

– Верно! Но раввин, Авраам бен-Давид, указывая на раввина Моисея бен-Моймона, который первым изложил 613 формул молитв, говорит, что в это число вошли многие раввинские молитвы, вовсе и не бывшие никогда молитвами Моисея. Да и к чему вообще нужна такая пропасть молитв?

– К чему? – начал было Пинчев, но дым перехватил ему горло. Огненный язык рванулся не очень далеко от споривших сквозь крышу, на которой они работали.

– Они еще сгорят там! – Слышались снизу голоса. – Слезайте, слезайте, скорее!

Балки начинали шататься под диспутантами, но Пинчев с Минчевым не замечали этого.

– Но началу люди были благочестивы, – продолжал Мин-

чев свои доводы, выкрикивая их во всё горло, чтоб быть слышимым из-за окружавшего их треска, – потому они могли, как прекрасно выразился раввин Исаак Хабиб, носить ярмо такого изобилия молитв; позднее же они сделались неспособны к этому, почему уже Давид сократил число молитв до одиннадцати.

Жалобный крик, раздавшийся с улицы, наконец, обратил на себя внимание диспутантов. Там стояла Рахиль, облеченная в ночную кофту, которая своей пестротой и количеством разноцветных пятен напоминала более всего палитру живописца, пишущего историческую картину; на голове перепуганной женщины красовался не то ночной чепец, не то колпак, что то возвышавшееся в высь на подобие вавилонской башни. Рахиль, взывала, подняв руки к небу. Пинчев оглянулся и увидел, что отступление стало невозможным: кругом извивались пламенные языки.

С низу, к тому месту, где диспутантам предстояло погибнуть преждевременной смертью, спешно приставляли пожарную лестницу, верхняя часть которой была обернута в мокрый войлок. Пинчев не доверился однако этому средству спасения: он уселся на гребень крыши в том месте, куда не достигало еще пламя и начал творить молитву. Видя это энергичный Минчев, живо схватил его своими сильными руками и словно ребенка, с возможной заботливостью и осторожностью, потащил по лестнице вниз. Еще на середине лестницы Пинчев, несомый Минчевым, заметил:

– Если хочешь, так ведь пророк Исая сократил число молитв даже до шести.

– Разумеется! – отвечал Минчев. – А пророк Миха – до трех.

Конец лестницы проделал Пинчев уже на собственных ногах; у последней ступени её в ожидании стояла плачущая Рахиль.

– Истинно так! – заметил Пинчев. – Верные в смирении ходят пред Господом. Минчев утвердительно кивнул головой.

– Так видишь ты! – проговорил он вполголоса, обращаясь к Пинчеву. – И в древние то времена евреи становились всё слабее и слабее, где же им теперь иметь 14000, или хотя бы даже 613 формул молитвы. Я вот напр., признаю только одну формулу, ту самую, в которой по мнению пророка Габакука сводятся все остальные, а именно: «благочестивый живет в вере своей».

В эту минуту крыша горевшего дома рухнула внутрь, причём изрядный кусок обгоревшего стропильного бревна отвалился в сторону улицы и зацепил по ноге Пинчева, да еще и зацепил то так неловко, что бедняге пришлось на несколько недель залечь в постель. Разумеется Минчев усердно посещал больного и, разумеется, бесконечные беседы по вопросам Талмуда составляли в эти дни источник утешения для страдавшего Пинчева.

В одно из таких посещений Минчевым больного Пинче-

ва беседа их так затянулась, что гостю нечего было и думать возвращаться домой; он попал бы туда слишком уж несвоевременно да и прекрасной Эстерке пришлось бы подниматься с своих пуховиков, в которые она погружалась ночью, как сонная белка в свое зимнее гнездо.

Минчев остался по этому ночевать у Пинчева. Когда вопрос был решен в этом смысле слова, Пинчев чуть не подпрыгнул с радости на своей кровати, Рахиль же, по-видимому, сделалась еще более огорченной, чем как она выглядела всегда. Но... она уже успела привыкнуть молчать и погребать в своем сердце свои тяжкие печали. Без возражения приготовила она Мичеву постель в соседней комнате, отделенной от их спальни тонкой дощатой перегородкой, и еще постель – этого уж требовали законы гостеприимства – такую славную, чистую, мягкую. Помещалась эта постель как раз так, что обоих Талмудистов на ночь имело разделит только одна тоненькая стенка.

Минчев, пожелав хозяевам покойной ночи, сотворил молитву, и улегся в постель; но не прошло и нескольких минут, как в том месте, где находилась голова его, он услышал легенький стук в перегородку. Стучал очевидно, Пинчев; Минчев притворился, что он не слышит.

– Минчев! – послышался из застенки шепчущий голос, звучавший просительно-жалобными нотами. – Иль ты не слышишь золотой мой, милый Минчев.

– Ну? Что еще? – прошептал Минчев.

– Будешь ты наконец молчать? – Раздался шепот Рахили, обращавшейся, очевидно, к мужу.

Пинчев молчал.

– Пинчевхен! – послышалось со стороны Минчева минутку-другую спустя.

– Ну! Говори только тише, она уже уснула, – отвечал слабый шепот Пинчева из-за перегородки.

– Скажи-ка мне Пинчев: что сотворено прежде земля или небо?

Пинчев, молча обдумывал этот важный вопрос.

– Или ты не знаешь? – продолжал шептать Минчев.

– Конечно знаю! Небо сотворено прежде земли. У Моисея (И. 1, 1.) значит; «в начале сотворил Иегова небо и землю». Небо помянуто тут прежде земли.

– Положим! – прошептал Минчев. – А зато там же (И. 2, 4.) сказано: «после того как сначала были сотворены земля и небо...» Так что выходит, что земля то была сотворена ранее.

– Это же есть повторение, – закричал Пинчев совсем таки полным голосом, – а ты знаешь, что где одна и та же мысль повторяется, там перестановка слов...

– Что ты? – пробормотала проснувшаяся Рахиль, в недоумении глядя на мужа. – Уж не восне ли это он разговаривает? – усомнилась она насчет Пинчева.

– Так! Это я-то во сне разговариваю? – обиделся Пинчев. – Ну и пусть так! Так ты видишь, что я говорю во сне,

значит чего же будить меня? Отвернись себе покойно, спи сама и не мешай мне спать и говорить во сне. Ты разве не знаешь, что иные люди говорят во сне чуть не целую ночь и всё-таки отлично спят. Минчев напр., тоже говорит постоянно во сне.

Рахиль успокоилась.

– Минчев! – позвал опять шепотом Пинчева!

– Слышу!

– В этом случае надо найти третий раз ту же фразу и на ней остановиться; она разъяснит сомнения.

– Ну!

– Что же?

– Ищи эту третью фразу.

– Не знаешь ли ты ее?

– Да! я знаю эту фразу! – сухо ответил Минчев.

Пинчев подумал и затем закричал с торжеством: – И я знаю, и я знаю!

– Что такое? – испуганно вскрикнула, снова проснувшаяся Рахиль. – Вору?

– Я нашел фразу, – продолжал Пинчев, не обращая на нее ни малейшего внимания. – Слушай Минчев: именно, чтоб не было сомнений сказано через пророка: одною рукою сотворил я землю, десною же создал небо, и повелел и стало то и другое.

– Да! – прошептал Минчев сердито.

– Значит земля и небо были сотворены в одно время! –

сделал вывод Пинчев.

– А вы оба, – не без злости прошипела окончательно разбуженная Рахиль, – вы оба сотворены тоже в одно время, чтоб одновременно быть величайшими глупцами среди народа Израильского. Я скажу только одно: никогда больше не позволю я Минчеву ночевать у нас.

Оба талмудиста притихли как пара мышек застигнутых на месте преступления. Прошло немного времени и Минчев начал всхрапывать; Пинчев, вздохнув, тоже отвернулся к стене и скоро уснул. И снилось ему, что он видит пророка Илию, восседающего на огненно-красном облаке в то время, как Рахиль, облеченная в грязную ночную кофту и большой сияющий светом чепчик, идет по небу и тушит звезды одну за другой.

Наконец Пинчев выздоровел, при чём впрочем от ушиба ноги осталось последствие в виде небольшой хромоты, и тотчас же порешил съездить на большую ярмарку в Коломею. Еще на болезненном одре, а затем и когда он поднялся с него, но не мог пока покидать комнаты, Пинчев почувствовал, что его посетила чудная мысль об этой поездке и её последствиях, не покидавшая его целые дни, пока всё существо Гинчева не было проникнуто ею до ногтей включительно; в конце концов мысль эта была осуществлена в виде целого вороха разных коцавеек, меховых жакеток, платий, мантилий, юбок всевозможных цветов, которые и украсили комнаты Пинчева будучи развешаны повсюду; все эти сокровища дамско-

го туалета предстояло продать в Коломее и продать жонечно, с хорошим барышем разным мелким чиновницам, дочерям их, молодым поповнам и женам про заложившихся помещиков. Понятно, что везти в Коломею Пинчева должен был Минчев, Рахиль же, облеченная в платье шоколадного цвета и отделанную жемчугом головную перевязь собралась сопровождать своего супруга на поприще предстоящего гешефта.

По началу дело поездки совершалось благополучно, далее же путников ждало приключение довольно неприятного свойства: Пинчев, увлеченный мыслью о порядке существования высших, талмудических школ, возбудил о них вопрос, Минчев вступил с ним в препирательство, а в результате возница сбился с пути и в конце концов бричка с путниками и всевозможным их товаром очутилось в невылазном болоте.

Ехать дальше не представлялось возможности; Минчев предположил было повернуть назад, но и это оказалось опасным: поворот предстояло сделать круто, так, что был риск сломать, дышло, или еще чего доброго опрокинуть бричку совсем содержимым её прямо в тину. Мужчины посоветовались между собой и решили, что Рахиль останется в экипаже, пока они вдвоем попробуют поискать лучший выезд из окружавшей их теперь трясины. С наилучшими намерениями отправились Пинчев с Минчевым искать дорогу, но не сделали они и ста шагов, как и необходимость найти дорогу, и самое болото, и Рахиль в нём восседающая, и ярмарка,

словом всё было забыто.

– Почему именно Моисей запретил вкушать свиное мясо? – вот чего доискивался теперь Пинчев, обращаясь к Минчеву с этим вопросом.

– Потому, что оно вредно для здоровья, – пояснил Минчев.

Пинчев иронически засмеялся.

– Вредно для здоровья! – повторил он. – Так почему же христиане не находят этого и едят свиное мясо?

– Ну, а почему магометане не едят его так же, как и евреи?

– Потому что это есть мясо нечистого животного.

– Утка тоже нечистое животное! Рак тоже нечистое животное, так как он питается падалью. Однако их едят. Так значит вовсе не в этом основание запрещения, а именно вот в чём: в южных странах, при постоянно жаркой погоде, свиное мясо прямо таки вредно; поэтому Моисей, имея дело с южным народом, и воспретил употреблять свинину в пищу.

– Поэтому? – закричал Пинчев с выражением укора в голосе. Значит по твоему мнению в нашем климате евреи могли бы есть свинину?

– Разумеется!

– Ах ты паршивая овца! – вышел окончательно из себя Пинчев. – Где же это у Моисея упомянуто о южных землях и южном жарком климате? Он просто, без оговорок, воспретил есть свинину.

– Потому нет у него оговорок, что он не мог знать, что

евреи переселятся впоследствии в холодные страны.

– Не мог знать! – вопил Пинчев в совершенном неистовстве, не замечая того, что оба они давно уже сбились с последнего пути. Ни тот, ни другой диспутант не обратили внимания даже на то обстоятельство, что уже несколько времени они шагают целиком по болоту и что оба они уже увязли в нём чуть не по колена.

– Не мог знать! – кричал Пинчев. – Это Моисей-то? Чего же мог не знать этот великий пророк, которому Иегова поведал так многое?

– А я всё-таки утверждаю, что если б Моисей имел тогда дело с климатом в роде нашего, то он не воспретил бы евреям есть свиное мясо.

В эту минуту оба талмудиста были уже погружены в зеленую, жидкую тину чуть не по пояс; вокруг них кое где поднимали свои белые головки болотные цветы.

– Так съешь свинины и подавись ею! – кричал Пинчев.

– При теперешнем порядке вещей я есть свинины не стану, – покойным тоном возразил Минчев; – но не могу не сказать при том, что если бы вообще евреи были более рассудительны в разрешении разных побочных вопросов религии, то в нашем климате они все ели бы свиное мясо.

– Вероотступник ты, вот что! – с пеной у рта кричал Пинчев. – Ты злодей, вырывающий лучшие цветы из почвы дивного сада Талмуда. Пусть порог твоего дома порастет травою! Пусть камни...

– Что? – рассвирепел на этот раз и Минчев.

– Пусть камни растут в твоём желудке? – закончил Пинчев свое прерванное проклятие.

Настало нечто небывалое. Оба диспутанта сцепились окончательно; ухватились за бороды, они таскали друг друга, награждая один другого плевками и в то же время всё глубже и глубже погружаясь в жидкую тину.

– Пусти меня! – взмолился наконец Пинчев.

– Нет ты пусти сначала! – отвечал Минчев. Оба сразу отпустили друг друга и по-видимому успокоились.

– Я тебе доказал, – начал Минчев, – что так называемая Эсрех-Шимонех составлена после разрушения второго храма в Палестине.

– Когда же ты мне доказал это?

– На твоей свадьбе! Теперь я тебе скажу вот что: ты знаешь, что молитвы о дожде и росе установлены на четырехмесячный период в году и именно от декабря до нашей весны, т. е. до времени, когда в южных землях должны были евреи приносить жертвы от первых земных плодов.

– Верно.

– Так видишь ли что. Всё это было пригодно для той благословенной страны, где ко времени нашей весны поспевают фрукты и где во время нашей зимы нужны дожди. Ну, а у нас молиться о дожде в то время, когда стоят морозы и всё покрыто снегом есть разумеется нелепость, именно такая же нелепость как не употреблять в пищу при нашем климате

свиного мяса.

Оба диспутанта стояли уже в мокроте до самых плеч.

– Минчев, не говори таких позорных вещей, – тосковал Пинчев. – Бог нас и без того уже наказал достаточно, так как я думаю, что мы оба утонем в этом болоте. – И он начал громко взывать, о помощи.

– Я тоже полагаю, что мы можем утонуть, – согласился и Минчев, сделав неудачный опыт выкарабкаться из охватившей его жидели. – Но всё-таки, если мы даже и утонем оба, ты должен согласиться со мной в том, что крайне нелепо помолиться о дожде зимою в нашем климате и не молиться о нём летом, когда именно нужен дождик.

– С этим я всё-таки не согласен, – возразил Пинчев.

– Однако ты должен же согласиться с тем, что так ясно!

– Нет!

– Ну, так значит ты осел!

– Очень хотел бы им быть теперь, – со вздохом заметил Пинчев, – так как будь я настоящим ослом, я не тонул бы в этом болоте. Быть живым ослом всё же лучше, чем быть человеком утопленником!

– И еще считает себя мудрецом! – укоризненно прикрикнул Минчев. – А сам не может понять таких простых вещей, которые всякому ребенку должны быть понятны.

– Лучше пусть я не буду мудрец, – огрызнулся Пинчев, – только не стать бы вероотступником.

– Молчи!

– Не стану молчать!

Снова диспутанты схватили друг друга за бороды, но на сей раз несколько удачнее, так как возня помогла им немного выкарабкаться из тины; тем не менее Пинчев с Минчевым непременно утонули бы, если б на помощь к ним не прибежала плачущая Рахиль в сообществе с крестьянами, пасшими поблизости лошадей и слышавшими Пинчевские кривы о помощи. Покамест диспутантов тащили из тины оба они продолжали кричать. «Вероотступник!» орал во всю мочь Пинчев. «Осел! Бычачья голова!» награждал его в ответ Минчев.

Помирились они только в Коломее, после того как Пинчеву удалось облечь в привезенный им товар разных местных дам в роде супруги окружного инженера, судейши, жены податного инспектора и пр. Тогда Пинчев с Минчевым раскупорили бутылочку винца, выпили из неё половину, помирились при том, а остальное вино взяла в свое ведение Рахиль, бережно завернув бутылку в бумагу.

Прошли годы, Эстерка подарила Минчеву четверых славных ребятишек; даже и у Пинчева родился было уже один сын, имевший менее облинялую наружность чем сама Рахиль. Но Рахиль вскоре после родов умерла, а за нею туда же отправился и новорожденный, так что Пинчев снова стал одиноким. Позднее и Минчев потерял Эстерку и троих детей; оставшийся четвертый рос без особенного призора, вне какого бы то ни было наблюдения со стороны отца, а потому вероятно и случилось в конце концов то, что подросший

молодой Минчев бросил своего родителя, уйдя в один прекрасный день пешком в Вену, откуда затем о нём не имелось вестей. Минчев тоже стал одинок.

Но ни Пинчев, ни Минчев как будто не заметили всего совершившегося вокруг них; не замечали они даже и того, что с годами они становились всё беднее, да беднее. Что им было за дело до всего на свете? Они имели талмуд под руками, чего же было еще желать? И всё чаще и чаще, всё горячее и горячее происходили между ними бесконечные диспуты по вопросам Талмуда. Оба они состарились. Пинчев давно уже утратил возможность разглаживать пальцами бархат и пропускать иглу сквозь шелковые ткани и горностаевый мех; он сделался не более как портным штопальщиком, и если ему выпадало изредка удовольствие шить новое платье, то касалось это уже не прежней клиентуры: дамы, на которых работал состарившийся Пинчев, которые носили на плечах его мастерские произведения, были из числа тех, что имеют дело с голиками, да щетками, доят коров, не носят перчаток и нарфюмируются главным образом чесноком, да луком. Минчев всё-таки имел еще одну лошадь; правда это было животное печального образа, тощая кляча, засыпавшая с понуренной головой всякий раз, что она остонавливалась на временный отдых, но всё же это была хоть какая ни наесть лошадь.

Раз случилось Минчеву отвозить на своей кляченке в город кукурузу одного еврея арендатора. Проезжая мимо полуразвалившейся хибарки, в которой помещалось «модное

заведение» и жильё старика Пинчева, и бок о бок с которой имелись винный погребок и лавчонка старьевщика, Минчев решил мысленно, что хорошо бы теперь обсудить с Пинчевым один Талмудический вопрос, не терпевший по его мнению отлагательства. Но Пинчев, как оказалось, отнесся к делу не сочувственно; с глубокомысленной миной сидел он на низеньком столе и чинил дырья на толстой суконной кофте, принадлежавшей некоей солдатке. Наружность Пинчева сильно изменилась против прежнего: лицо было чрезвычайно худо, руки и ноги словно еще вытянулись, волосы на голове и бороде поседели, глаза более не прищуривались, а просто были вечно полузакрыты веками, отяжелевшими казалось на столько, что им уже нельзя было подняться без посторонней помощи. Голова Минчева была тоже сильно посебрена сединою; только борода его по прежнему оставалась черною, да черные глаза по прежнему смотрели с сафьянно-темного лица, полные выражения вечной мысли и добродушной иронии.

– Пинчев! – начал Минчев, повторяя свой возглас по адресу Пинчева, даже не ответившего на первый зов, даже не поднявшего головы от работы. – Пинчев что же ты? Ведь это я. Мне хочется поговорить с тобой.

– А я не имею желаний тебя теперь слушать – получился ответ. – Я еще не ел сегодня ничего теплого, до того у меня спешная работа; мне надо окончить скорее эту починку и еще работа есть: надо докончить платье для госпожи комис-

сарши.

– Ну что ты говоришь? – возразил Минчев. – Ты давным давно перестал работать на комиссаршу.

– Думай как хочешь, а я всё-таки не желаю тебя слушать сегодня.

– Это потому, что ли, что у тебя совсем денег нет?

Пинчев вздохнул в ответ и еще сосредоточеннее принялся штопать Солдаткину кофту.

– Ну что ты за человек после этого, Пинчевле. – продолжал Минчев, – если ты, не имея денег, терпишь нужду и не говоришь даже об этом ни слова?

Проговорив это, Минчев достал из кармана кожаный кошель, вынул из него пять гульденов, и положил деньги на стол перед Пинчевым. Пинчев взял деньги, сунул их в жилетный карман; не вымолвив ни слова благодарности, спрыгнул он со стола, швырнув предварительно кофту в первый попавшийся угол.

– Ну, что ты от меня хочешь? – обратился он к Минчеву голосом, в котором звучала радость. – Что нужно тебе? Опять видно надо тебя поучить уму разуму, неуч ты этакой, ослище неумытое?

– Не топоришься брат очень-то, – ласковым голосом осадил его Минчев. – Все мы ослы если верить Толмуду. Ты сообрази-ка: если бы первыми на земле были ангелы, то всё же потомки их стали бы не более как людьми; ну а если и по началу-то водились только люди, так чем, если не ослами

должно было сделаться их потомство.

За сим начался ученый диспут, который окончился разумеется только с наступлением ночи.

Так прошло еще несколько лет. Пинчев при всяком удобном случае величал Минчева неучем и вероотступником, но это не мешало обоим им дружески делиться всем, что они имели; то Пинчев помогал Минчеву, то Минчев – Пинчеву. Ни разу при этом с уст Минчева не вырывалось слово благодарности, как ни разу и он сам не слышал от Пинчева спасибо. Надо думать, что поблагодари напр., хоть Минчев Пинчева за денежную помощь, – последний скорей согласился бы выбросить деньги за дверь, чем в другой раз предложить их своему другу.

По прежнему продолжали все знавшие их евреи, считать врагами, вечно готовыми к тому, чтоб сцепиться в горячем споре. «Они жили врагами, врагами же и умрут!» говорили про Пинчева и Минчева в еврейской общине, на улице, в шинках, повсюду.

С годами оба Талмудиста окончательно опустили и состарились; пришло время, когда Минчев с трудом мог бы махнуть кнутом в воздухе, и когда Пинчев не в состоянии был бы сделать путем два стежка иголкой. Даже беднейшие крестьянки не желали уже больше носить платье Пинчевской работы. Конечно это злополучное время их жизни длилось не долго, а именно ровно до тех нор, пока не сделалось известным в общине, что Пинчеву и Минчеву совершенно

нечем жить. Раз же, что это стало общеизвестным, их вывели из бедственного положения – еще ни разу ни один еврей не умирал с голода, как не был вынужден протягивать руку за милостыней.

При обсуждении еврейского билля в Английском парламенте один из пэров задал вопрос примасу Англиканской церкви, архиепископу Кентеберийскому относительно того, правда ли, что евреи иначе, чем христиане понимают истинный смысл всем известной морали, касающейся отношений человека к своему ближнему? «Понимают они ее также, как и мы», отвечал архиепископ, «только они ей следуют, а мы к сожалению нет!»»

Что касается польских евреев, то к ним по крайней мере, выражение архиепископа вполне применимо, так как среди них правило, касающееся любви к ближнему, блюдетса самым строжайшим образом, блюдетса так, как ни у какого другого племени.

Таким образом Пинчев и Минчев нашли помощь у своих единоверцев и не ту помощь, которая будучи подаваема сверху вниз, угнетает вспомоществуемого, а помощь, любвеобильную, хотя и молчаливую, помощь которую не трудно принять бедному от богатого. Их беспрестанно приглашали в разные еврейские семьи къ обеду, и приглашали непременно вместе, так как обедая друг с другом Пинчев и Минчев, обязательно вступали в спор по вопросам Талмуда, а польские аристократы-евреи предпочитают всякому время пре-

провождению возможность послушать Талмудический диспут за трапезой, и уж конечно предпочитают это занятие возможности прослушать, сидя за едой, пение какойнибудь полуодетой примадонны, или куплеты хотя бы и знаменитого комика.

Так прошло еще не мало лет и Пинчев с Минчевым сделались такими старцами, что им стало невозможным ходить вместе обедать в знакомые еврейские дома, где всегда были рады их видеть, невозможно, так как ноги отказывались от этой службы. Даже к Пинчеву, – а они жили один напротив другого, состарившийся совершенно Минчев еле мог, да и то изредка перетащиться через улицу. Проходили целые дни, что обоим талмудистам предстояла лишь возможность переглядываться из окна в окно через улицу. Это было решительно невыносимо, невыносимо до такой степени, что они порешили поселиться оба в еврейскую богадельню, где их и поместили в одной чистенькой комнате, снабженной парой возможно удобных постелей и двумя покойными креслами. Там сидели они постоянно у окна, украшенного двумя-тремя цветочными горшками, и пропускавшего в комнату веселые солнечные лучи, сидели и диспутировали к всеобщему удовольствию разных стариков богадельников, слушавших их с тем же удовольствием, как в былые дни слушали их богатые покровители.

В богадельне Пинчев и Минчев прожили довольно долго. Раз – это было на пятый день после того, что Минчев

праздновал девяностый день своего рождения – к вечеру Минчев почувствовал какую то общую слабость. Он прилег на постель, а Пинчев сел у него в ногах. Конечно немедленно начался талмудический спор, едва заслышав который остальные богадельники сошлись в комнату талмудистов и разместились кто где мог, стоя вдоль стен, сидя в креслах, на полу и пр.

Спор на сей раз держался следующей темы: Пинчев утверждал, что евреи имеют законное право, что им разрешено религией обманывать христиан; Минчев со всей возможной в его годы энергией и вместе с тем со свойственным ему спокойствием в споре, опровергал доводы Пинчева.

– Во все это не разрешено! – говорил он. – И не могло бы быть разрешено. В талмуде сказано: «даже язычника не обиди словом твоим»! Согласно талмуду нельзя обмануть даже так невинно, как напр., сказать человеку «я рад вас видеть здоровым», чувствуя в сердце своем другое.

– Нет! – утверждал Пинчев. – Всё-таки христиан, язычников и магометан евреи в нраве обманывать. Это разрешается.

– Разрешается! Что такое разрешается? Рассуждать так значит не понимать истинный дух талмуда. Талмуд ничего не хочет знать о разных мерзостях; он не рассчитывает на бесчестных людей, хотя разумеется дурные люди могут быть во всяком месте, среди каждого племени, и между евреями, как между другими. Как мог бы талмуд разрешать что либо подобное?

– Уж не намерен ли ты причислить раввинов и святых мужей к числу дурных людей? – воскликнул Пинчев, – Я расскажу тебе одну историю, ты выслушай только!

– Рассказывай! – согласился Минчев, закрывая глаза.

– Раввин Иопохон страдал зубной болью, – начал Пинчев, – и обратился за советом к одной старой женщине знавшей средство против болезни. Та потребовала с него клятву в том, что он средства этого никому не откроет. Делать нечего, раввин поклялся, но при этом клятву свою произнес так: «*клянусь Богу Израильскому никогда не открывать средства от зубной боли*!» Старуха дала ему лекарство, оно помогло ему, и он вылечил потом, тем же средством многих других от зубной боли.

– Значит он нарушил свою клятву? – спросил один из слушателей стариков.

– Нисколько! – пояснил Пинчев. – Когда старуха упрекнула его в том же он ей откровенно сказал: «я не клялся *Богом Израильским* не выдавать твоего средства, а клялся только *Богу Израильскому* не выдавать его. Чего же ты хочешь от меня? Я и выдал его не Богу Израильскому а только людям.

Минчев открыл свои прекрасные, темные, задумчивые глаза, сохранившие до сих пор ту же способность добродушно-иронически улыбаться. Слабым голосом, но отчеканивая каждое слово проговорил он:

– Пинчевхен! Этот раввин Иопохон упомянут отнюдь не в качестве образчика добродетельного мужа, примеру кото-

рого нужно следовать. Совсем наоборот! Не может же напр. в патриархе Якове служить примером именно только та черта, которая приводится в рассказе об обмане им слепого отца! Ведь не для поощрения же обмана вообще оно рассказано!

– Он начинает осуждать святых мужей! – закричал Пинчев. – Вот человек!

– Во всё я не осуждаю святых мужей, а осуждаю только дурной поступок раввина Ионохона, – проговорил Минчев ясным голосом. – Я утверждаю, что самая мораль еврейского вероучения чиста и прозрачна как хрусталь. Никто не в праве сказать что глаза его не видят этой истинной морали; по крайней мере благочестивый человек, блюдуший Бога в сердце своем, не скажет так, «Ты не должен в сердце своем иметь другого Бога кроме Единого», сказано в псалме, (8, 10). Талмуд достаточно разъясняет это. Кто же этот другой Бог кроме Единого, могущий пребывать в сердце человека, если не вечный врач души человеческой? сказано напр. «Не пожелай имущества ближнего твоего». Талмуд разъясняет это так: даже самое *желание* зародившееся в душе человека есть уже великий проступок.

– Так всё это! Положим, что так! – возразил Пинчев. – Но что же следует по твоему из того, что поступки, которые ты считаешь ошибками, были совершаемы даже великими мужами, учителями и пророками?

– Следует только то, что мы всё-таки не должны повто-

рять этих ошибок, – проговорил Минчев слабым голосом, при чём глаза его снова закрылись.

– Но если великие мужи совершили эти поступки! – приставал Пинчев!

Минчев молчал.

– Вот! – торжествовал Пинчев обращаясь к окружающим. – Он не может возразить против этого...

– Это потому, что он кажется умер, – проговорил один из богадельников, нагнувшись над телом действительно умершего Минчева.

– Умер? – переспросил Пинчев, как бы не понимая случившегося, и недоумевающим взглядом окидывая того, кто первым промолвил это слово. – Как умер? Как мог он умереть?.. Пинчев встал с постели и подойдя к тому месту, где лежала голова умершего Минчева, нагнулся над ней.

– Минчев! – взволнованным голосом звал он умершего. – Ты задремал?.. Спишь ты, чтоли!.. Отвечай же!

Кругом все молчали. Прошла минута полной тишины.

– Минчев! – жалобно зывал Пинчев. – Минчевье! Ох!.. Да ведь никак и в самом деле он умер!.. Минчевхен!..

И Пинчев громко зарыдал.

Окружающие хотели отвести его в сторону. «Он нарушает покой мертвого», шептали они между собою. Но Пинчев не дал себя отвезти. Он собрал все силы и постарался успокоиться хоть немного. Он было начал даже произносить известную молитву над умершим: «Господь дал, Господь и

взял; буди имя Господне благословенно во веки»!..

Но дальше Пинчев не мог произносить слова молитвы; силы оставили его и рыдания стиснули ему горло.

Остальные старики-богадельники дочли молитву до конца и тихо вышли из комнаты; остался там один Пинчев. Он сел в кресло возле постели, на которой покоился труп Минчева и так сидел долго, долго, опустив на колени свои бессильные руки. Только раз за весь этот долгий период времени, пока он упорно смотрел на лицо умершего, словно стараясь лучше изучить его, решился он шепотом обратиться к покойнику:

– Минчев! – пробормотал он. – Неужели ты умер? Неужели ты в самом деле умер?...

Потом он смолк, смолк совершенно; кончились его всхлипывания, слёзы перестали струиться по щекам...

Когда другие богадельники вошли в комнату, чтоб обрядить согласно обычаю покойника, они застали там Пинчева; он полулежал в том же кресле, при чём голова его была запрокинута назад как у спящего; лицо его было слегка оборочено к востоку, на губах застыла неподвижная улыбка...

Пинчев был мертв...